

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · · ВЕДЕНИЕ

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2023

ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.А. Сedaкова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова (заместитель главного редактора), М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун, М.В. Лескинен,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, С.А. Мызников, К.В. Никифоров,
В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко,
Н.Н. Старикова, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова, Е.И. Якушкина.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: *И.Е. Адельгейм* (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, *И.И. Баринov*, *О.В. Белова* (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), *Е.Б. Лопатина*,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу:
<https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Баканов Д. К.</i> (Москва). Реализация советско-литовского мирного договора в 1920 году в контексте советско-польской войны	5
<i>Путинцев И. С.</i> (Москва). Дипломатия переходного периода: эволюция внешней политики Румынии (декабрь 1989–1992 гг.)	23
<i>Михалев О. Ю.</i> (Воронеж). Правонационалистические партии Польши (народовцы) в 90-е годы XX века	37
<i>Лифанов К. В.</i> (Москва). О важности изучения внутренней истории литературных языков (на примере словацкого литературного языка)	51
<i>Ващенко Д. Ю.</i> (Москва). Сочетаемость свойства словацких и венгерских наречий с общим значением «часто» (на корпусном материале)	65
<i>Лю Ху</i> (Москва). Мифологические персонажи водного пространства в народных традициях Сербии и Китая	85

СООБЩЕНИЯ

<i>Семакина Т. Р.</i> (Москва). «Страсти» вокруг II конкурса пианистов имени Фридерика Шопена в Варшаве (1932)	96
<i>Казаков И. И., Чиварзина А. И.</i> (Москва). Обзор материалов экспедиции к арумьнам Северной Македонии	105

IN MEMORIAM

<i>Герчикова И. А.</i> (Москва). К 100-летию Сергея Васильевича Никольского (1922–2015)	113
<i>Шешкен А. Г.</i> (Москва). К 100-летию Елены Захаровны Цыбенко (1923–2011)	116

РЕЦЕНЗИИ

<i>Леонтьева А. А.</i> Шади́йе Османоглу. Мой отец Абдул-Хамид, или исповедь дочери последнего султана Османской империи: воспоминания	119
<i>Изотов А. И.</i> Štícha F., Vondráček M., Kolářová I., Smejkalová I., Giger M., Osolsobě K., Petkevič V., Veselý L., Lukešová L., Panevová L., Ševčíková M., Bílková J., Kopáčková L., Půda L. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II. Morfologie. 2 svazky	122
<i>Егорова К. Б.</i> A. Marková, H. Sahanovič, Z. Šybeka. Dějiny Běloruska	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лагно А. Р.</i> Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных	130
<i>Данченко С. И., Фролова М. М.</i> К 75-летию создания Института славяноведения. XII Никитинские чтения «Историческое славяноведение и балканистика»	140

НЕКРОЛОГИ

<i>Толстая С. М.</i> Памяти проф. Ханны Поповской-Таборской (1930–2022)	147
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

JANUARY •

FEBRUARY •

THE EDITORIAL BOARD:

I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), E.N. Kovtun, M.V. Leskinen,
G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, S.A. Myznikov, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
N.N. Starikova, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova, E.I. Yakushkina

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova (Literature);*
O.V. Belova (Cultural studies); M.M. Valentsova (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
Phone: +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Bakanov D.K.</i> (Moscow). Realization of the Soviet-Lithuanian Peace Treaty in 1920 in the Context of the Soviet-Polish War	5
<i>Putintsev I.S.</i> (Moscow). Diplomacy in the Times of Transition: Evolution of Romania's Foreign Policy (From December 1989 to 1992)	23
<i>Mikhalev O.Yu.</i> (Voronezh). Right-wing Nationalist Parties (<i>Narodovtsy</i>) in Poland in the 1990s.....	37
<i>Lifanov K.V.</i> (Moscow). On the Importance of Studying the Internal History of Literary Languages (on the Example of the Slovak Literary Language)	51
<i>Vashchenko D.Yu.</i> (Moscow). Selectional Properties of Slovak and Hungarian Adverbs with General Meaning 'Often' (Corpus-Based Study)	65
<i>Liu Hu.</i> (Moscow). Water Space Mythological Spirits in the Serbian and Chinese Folk Traditions	85

ESSAYS

<i>Semakina T.R.</i> (Moscow). Passions Around the Second Fryderyk Chopin Piano Competition in Warsaw (1932)	96
<i>Kazakov I.I., Chivarzina A.I.</i> (Moscow). Review of the Materials from the Expedition to the Aromanians of North Macedonia.....	105

IN MEMORIAM

<i>Gerchikova I.A.</i> (Moscow). On the Centenary of the Birth of Sergey V. Nikolsky (1922–2015).....	113
<i>Sheshken A.G.</i> (Moscow). O the Centenary of the Birth of Elena Z. Tsybenko (1923–2011).....	116

REVIEWS

<i>Leontyeva A.A.</i> Shadiye Osmanoglu. My Father Abdul-Hamid II, or the Confessions of the Last Ottoman Sultan's Daughter: A Memoir	119
<i>Izotov A.I., Štícha F., Vondráček M., Kolářová I., Smejkalová I., Giger M., Osolsobě K., Petkevič V., Veselý L., Lukešová L., Panevová L., Ševčíková M., Bílková J., Kopáčková L., Půda L.</i> Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II. Morfologie. 2 svazky.....	122
<i>Egorova K.B.</i> A. Marková, H. Sahanovič, Z. Šybieka. History of Belarus.....	125

SCHOLARLY LIFE

<i>Lagno A.R.</i> Borders and Spaces in the History of Eastern Europe: From the Fixed to the Phantom Ones.....	130
<i>Danchenko S.I., Frolova M.M.</i> 75 Years from the Foundation of the Institute of Slavic Studies. XII Nikitin's Conference «Historical Slavic and Balkan Studies».....	140

OBITUARIES

<i>Tolstaya S.M.</i> Prof. Hanna Popowska-Taborska (1930–2022)	147
--	-----

Реализация советско-литовского мирного договора в 1920 году в контексте советско-польской войны

© 2023 г. Д.К. Баканов

Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Российская Федерация)

b79190524539@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена реализации советско-литовского мирного договора, заключенного 12 июля 1920 г. в Москве. В работе рассмотрены военно-политические и экономические противоречия, возникшие после заключения соглашения между РСФСР и Литовской республикой, а также их влияние на советско-польскую войну и развитие советско-литовских отношений.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Литовская республика, РСФСР, советско-польская война, Виленский вопрос, бунт Желиговского.

Ссылка для цитирования: Баканов Д.К. Реализация советско-литовского мирного договора в 1920 году в контексте советско-польской войны // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 5–22. DOI: 10.31857/S0869544X0024715-9

Realization of the Soviet-Lithuanian Peace Treaty in 1920 in the Context of the Soviet-Polish War

© 2023. Dmitry K. Bakanov

State Academic University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)

b79190524539@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the implementation of the Soviet-Lithuanian peace treaty concluded on July 12, 1920 in Moscow. The paper considers the military-political and economic contradictions that arose after the conclusion of an agreement between the RSFSR and the Republic of Lithuania, as well as their impact on the Soviet-Polish war and the development of Soviet-Lithuanian relations.

Keywords: Russian Civil War, Lithuanian Republic, RSFSR, the Soviet-Polish War, the Vilna question, Zheligovsky's rebellion.

Reference for citation: Bakanov Dmitry K. Realization of the Soviet-Lithuanian Peace Treaty in 1920 in the Context of the Soviet-Polish War // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 1. P. 5–22. DOI: 10.31857/S0869544X0024715-9

В 2020 г. исполнилось 100 лет со дня подписания советско-литовского мирного договора, в результате которого между РСФСР и Литовской республикой установились дипломатические отношения. Однако между сторонами возник ряд противоречий, которые тормозили ратификацию договора.

24 декабря 1917 г. созданная в сентябре в условиях германской оккупации Литовская Тариба провозгласила независимость Литвы¹. Однако эта независимость была условной и находилась в руках немецкой администрации Обер-Ост и кайзера Вильгельма II. Летом 1918 г. Тариба пригласила на литовский престол вюртембергского принца Вильгельма фон Ураха, которого собирались объявить королем Миндаугасом II, однако, когда в конце мировой войны стал очевиден кризис Германской империи, 2 ноября 1918 г. Тариба провозгласила Литву республикой [13. С. 154]. После поражения Германии в Первой мировой войне Советская Россия денонсировала Брестский мир, и части РККА начали поход на запад. В декабре 1918 г. при поддержке Москвы было создано Временное революционное правительство Литвы под руководством видного коммунистического деятеля литовского происхождения В.С. Мицкявичюса², носившего псевдоним Капсукас. Это правительство провозгласило создание Литовской советской республики (ЛСР) [7. С. 44–52]. В январе 1919 г. Красная армия взяла Вильно, который стал столицей ЛСР. В результате наступления Красной армии к началу февраля под контролем Советской Литвы оказалось 2/3 литовской территории, а оставшаяся часть находилась под контролем Тарибы, сохранив прежнее название — Литовская республика со столицей в Каунасе. Однако в феврале РККА столкнулась с польской армией. Глава польского государства Ю. Пилсудский стремился установить контроль над городом. В новых обстоятельствах Литовская и Белорусская советские республики 27 февраля 1919 г. объединились в Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую республику (Литбел) со столицей в Вильно [11. С. 641–652]. В результате боев в апреле 1919 г. польская армия захватила Вильно [6. С. 121]. Ввиду возможности занятия всей территории Литбела польскими войсками армия Литовской республики также перешла в наступление против РККА. К концу августа Красная армия окончательно покинула территорию Литвы [2. С. 152]. Значительные территории, на которые претендовала Литва, включая древнюю столицу Вильно, оказались под контролем Польши, считавшей данные территории частью своего государства и не собиравшейся от них отказываться. Наличие общего противника в лице руководимой Пилсудским Польши послужило предпосылкой для начала мирных переговоров между Литовской республикой и РСФСР.

Предложение начать переговоры о заключении мира было направлено советским правительством в Каунас 11 сентября 1919 г.³ В тот момент исход Гражданской войны был еще не определен, поэтому литовское руководство было готово вести переговоры с РСФСР только о перемирии, но не о заключении мирного договора. Для советской стороны необходимости в заключении перемирия не было ввиду того, что официально войну с Литовской республикой вела Литбел,

¹ Литва — Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс,

² Буткус И.А. Кукушкина, А.В. Шубин. Вильнюс: Институт истории Литвы, 2020. С. 48–49.

³ Поскольку официальные формы написания литовских фамилий на тот момент еще не устоялись, то в русскоязычных документах литовские фамилии часто русифицируются: Мицкявичюс — Мицкевич, Нарушявичюс — Нарушевич и т.п.

³ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 120.

а не РСФСР, а линии фронта между Литвой и Россией с середины 1919 г. практически не существовало (в январе 1920 г. она исчезла окончательно).

В октябре-ноябре 1919 г. наступил перелом в Гражданской войне, и победа большевиков стала вопросом времени. Данное обстоятельство изменило позицию Великобритании, имевшей доминирующее влияние на страны Балтии, в отношении к Советской России. Проводимая Ллойд Джорджем политика в начале 1920 г. подразумевала, в связи с затратностью и бесперспективностью, отказ от поддержки антибольшевистских сил и установление торговли с РСФСР [9. С. 274]. Кроме того, не желая чрезмерного усиления профранцузской Польши, Великобритания дала согласие странам Балтии на переговоры с Советской Россией, что послужило предпосылкой к их началу [6. С. 188].

Осенью 1919 г. обострились отношения между Литвой и Польшей. Польское руководство изначально хотело включить Литву как территорию, входившую в состав существовавшей до конца XVIII в. Речи Посполитой, в федерацию с польской гегемонией [8. С. 26–27]. При этом значительная часть Литвы, включая столицу — Вильно, после наступления 1919 г. находилась под контролем польской армии. В январе 1920 г. после того как польские и латвийские войска заняли город Даугавпилс (Двинск) Литовская республика осталась один на один с Польшей.

Согласие на участие в мирных переговорах с Москвой в Каунасе дали 31 марта 1920 г.⁴ Литовская делегация под руководством Т. Нарушявичюса прибыла на переговоры в Москву в начале мая 1920 г. Советскую делегацию возглавил известный дипломат А.А. Иоффе [4. С. 105]. Переговоры продолжались более двух месяцев, особое внимание уделялось вопросам признания независимости Литовской республики, границы, денежных компенсациях, а также военного сотрудничества в борьбе против Польши [4. С. 105–110]. Итоговый текст мирного договора был подписан в Москве 12 июля 1920 г. на фоне успешного наступления войск Западного фронта РККА в Белоруссии и Литве [6. С. 199–200].

Согласно тексту данного договора, Советская Россия признавала независимость Литовской республики, выплачивала Литве три млн золотых рублей, возвращала эвакуированное во время Первой мировой войны имущество, компенсировала литовским гражданам вклады в государственные банки. Литва освобождалась от выплат по долгам Российской империи, а также получала концессии на вырубку леса в пограничных районах. Границы Литовской республики, обозначенные в договоре, были выгодны для Каунаса, поскольку Москва признавала за Литвой Гродно, Лиду и Вильно, где литовцы составляли меньшинство населения⁵.

Вскоре после заключения мирного договора между РСФСР и Литовской республикой части 164-й бригады и 3-го конного корпуса, которые входили в состав 4-й армии Западного фронта, 14 июля 1920 г. вопреки договору овладели Вильно⁶. Накануне этого события литовское руководство пыталось договориться с поляками о передаче Литве Вильно до прихода Красной армии⁷, однако стремительное наступление РККА сорвало эти планы. В телеграмме командования корпуса, направленной члену РВС 4-й армии Т. Межлауку 15 июля 1920 г. говорилось: «Частями доблестного конкорпуса 13 часов 14/7 занят гор. Вильно.

⁴ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 146.

⁵ ДВП СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. М.: Политиздат, 1959. С. 28–42.

⁶ *Сергеев Е.Н.* От Двины к Висле. Смоленск: Военный редакционный совет Западного фронта, 1923. С. 60–61.

⁷ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 373–375.

Конные части форсировав утром 14/7 р. Вилия на плечах противника ворвались в город [...], бой на улицах города продолжали 6 часов, со стороны противника принимали участия женщины-легионерки. Красными героическими частями противник был сломлен и полным беспорядке бежал направлении Гродно. Нами захвачены громадные трофеи, в том числе орудия, самолет с наштармом первой и боеприказом армии противника 14/7, пленные и др. количество коих выясняется»⁸ (оригинальная орфография сохранена). В ходе боев за литовскую столицу бойцы Красной армии захватили более 1 500 пленных⁹, при том что польский гарнизон Вильно составлял 3 000 человек¹⁰. Штаб 4-й армии был перебазирован в освобожденную литовскую столицу 16 июля 1920 г.,¹¹ что предусматривалось оперативным приказом войскам 4-й армии от 13 июля 1920 г.¹² Окончательно уничтожить последние очаги сопротивления поляков в районе Вильно 3-му конкорпусу было поручено к 16 июля¹³.

В изменившихся условиях литовская армия 15 июля вступила в бои с польской армией¹⁴. Командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский писал: «Как только литовцы почувствовали, что Красная Армия имеет совершенно определенные успехи, их нейтральная позиция немедленно сменилась на враждебное отношение к Польше, и литовские части ударили полякам по тылам, заняв Новые Троки и ст. Ландварово»¹⁵. Телеграмма от 15 июля, направленная члену РВС 4-й армии Т. Межлауку, содержит описание выступления литовских войск против поляков: «Утром 15/7 в г. Вильно вступили части литовской дивизии, которые побратались с нашими частями [и] совместно с этим последними повели энергичное преследование пр/ка разгромили вторую лит. белорусскую дивизию»¹⁶ (оригинальная орфография сохранена).

Таким образом, сразу после подписания мирного договора литовское руководство попыталось занять территории, которые должны были отойти к Литве по условиям данного соглашения. Поскольку договориться с поляками литовское правительство не успело оно решилось начать совместное с Красной армией наступление против легионов Пилсудского.

После занятия Вильно подразделения Красной армии продолжили наступление против польских войск на территории Литвы¹⁷. В оперативном приказе войскам 4-й армии № 12 от 20 июля 1920 г. было приказано форсировать реку Неман не позднее 21 июля¹⁸. Части 15-й армии РККА 17 июля 1920 г. овладели городом Лида, а в результате решительного удара 3-го конкорпуса Г. Д. Гая 19 июля под контроль Красной армии перешел важный город-крепость — Гродно [6. С. 200]. Командарм 4-й армии Е. Н. Сергеев вспоминал: «Захват крепости Гродно налетом конницы, даже без артиллерии, — вещь, могущая случиться при полной панике или крайней беспечности у противника»¹⁹. К концу июля 1920 г. территория Литвы была практически полностью очищена от поляков,

⁸ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 265. Л. 31.

⁹ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 252. Л. 39.

¹⁰ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 543. Л. 2.

¹¹ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 104. Л. 26.

¹² РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 97. Л. 13.

¹³ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 104. Л. 18.

¹⁴ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 252. Л. 32.

¹⁵ Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. Смоленск: Б. и., 1923. С. 23.

¹⁶ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 265. Л. 31.

¹⁷ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 103. Л. 11.

¹⁸ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 104. Л. 26.

¹⁹ Сергеев Е. Н. От Двины к Висле. С. 70.

а уже 31 июля части 4-й армии РККА получили приказ о переходе границы «коренной Польши»²⁰.

Присутствие частей Красной армии на территории, которая отошла по Московскому мирному договору 1920 г. к Литовской республике, было обговорено в заявлении литовской делегации по 2-й статье мирного договора²¹. Согласно оперативному приказу войскам 4-й армии № 14 от 26 июля только в Вильнюсе были сосредоточены 143-я и 164-я бригады 48-й дивизии IV армии РККА²². Однако вскоре после совместного наступления против поляков на территории Литвы командарм Сергеев отметил, что нахождение в Вильно советских войск вызывало недовольство литовской стороны²³.

Заседание правительства Литвы по вопросу перехода Вильно в руки литовских властей, а также разъединения литовских и советских войск состоялось 19 июля. Правительство постановило направить литовских дипломатов — бывших участников переговоров в Москве Т. Нарушявичюса, С. Розенбаумаса и не участвовавшего в мирных переговорах поверенного в делах Литвы Д. Заунюса на новые переговоры с представителем РСФСР²⁴. В телеграмме Заунюса, адресованной Иоффе от 22 июля 1920 г., литовский делегат выразил недовольство поведением советской стороны и отметил: «Ситуация в Вильне становится невыносимой. Русские войска создают революционные комитеты и вводят систему своего правления и администрации. Запрещается публикация всех газет, кроме большевистских. Русские начинают реквизицию и национализацию»²⁵. 24 июля литовские делегаты встретились в Риге с известным большевистским деятелем, выполнявшим дипломатическую и внешнеторговую миссии в Латвии, Я.С. Ганецким, и предъявили ему претензии по поводу поведения Красной армии на территории Литвы. Они потребовали вывода советских войск с литовских территорий, однако Ганецкий пояснил, что нахождение РККА в Вильнюсе и других частях Литвы продиктовано обстановкой на советско-польском фронте²⁶.

К концу июля отношения между советской и литовской сторонами обострились. Согласно телефонограмме сотрудника литовской комендатуры в Вильно лейтенанта В. Пятронайтиса главнокомандующему литовской армией от 29 июля 1920 г., советская сторона не только организовала Ревком, но и проводила репрессивную политику против литовских граждан, а также активно занималась реквизициями у местного населения и ликвидировала всю нелояльную большевикам прессу²⁷.

Причиной реквизиций было бедственное положение тыла Красной армии в конце июля — начале августа 1920 г. В телеграмме начальника штаба Западного фронта от 12 августа сообщалось: «Обмундирования и вооружения на складах армии нет. Пополнение необмундированные и невооруженные посылать бесполезно»²⁸. Еще с середины июля РККА реквизировала у местного населения лошадей и подводы²⁹. К середине августа коммуникации на

²⁰ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 107. Л. 7.

²¹ ДВП СССР. Т. 3. С. 41.

²² РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 104. Л. 29.

²³ Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. С. 63.

²⁴ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 380.

²⁵ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 382.

²⁶ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 383—384.

²⁷ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 388—389.

²⁸ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 145.

²⁹ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 300. Л. 5.

территории расположения Красной армии находились на грани коллапса. В почто-телеграмме начальника штаба 4-й армии содержалась просьба направить в распоряжение армии паровозы, вагоны, цистерны, телефонные и телеграфные аппараты, поскольку на данном участке фронта возник острый дефицит транспорта и средств связи³⁰. Таким образом, создавалась безвыходная ситуация, при которой Красная армия не могла снабжать наступающие против поляков войска без реквизиций у местного населения. В свою очередь, у литовской стороны массовые изъятия и аресты, проводимые РККА, не могли не вызывать недовольство, что приводило к конфликтам между РСФСР и Литовской республикой. В телеграмме начальника административного управления 4-й армии начальникам штабов 18-й, 12-й, 48-й, 53-й стрелковых дивизий, 164-й бригады, 10-й и 15-й кавалерийских дивизий и 3-го кавкорпуса от 2 августа 1920 г. сообщалось: «Лиц, прибывающих и следующих по фиктивным командировкам, приказываю арестовать и заключать в ближайшие лагеря»³¹. Такие действия со стороны бойцов Красной армии привели к недовольству как литовских властей, так и мирных жителей Виленщины. Данные обстоятельства не только не способствовали советизации Литвы, но, напротив, настраивали литовское население против советской власти, а вызванное этими действиями ухудшение советско-литовских отношений могло осложнить наступательные действия Красной армии.

Другим вопросом, который беспокоил литовскую сторону, был приезд в Вильно В.С. Мицкявичюса, который начал агитировать население за Советскую власть³². В телеграмме Иоффе Г.В. Чичерину о претензии литовских представителей Нарушявичюса и Розенбаумаса в связи с действиями советских властей в Вильно, направленной из Риги 2 августа 1920 г. указывалось: «Мицкевич будто провозгласил Советскую Литву [...]. Правительство Литвы официально ставит вопрос, находится ли Россия в состоянии мира или войны с Литвой»³³. Современные литовские историки А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, А. Тамошайтис утверждают: «Из РСФСР в Литву было послано около 2 тыс. диверсантов с поддельными литовскими документами, большевики контрабандой ввозили в страну оружие и устраивали оружейные склады в Каунасе и других городах, занимались вербовкой местных жителей» [13. С. 161]. Под диверсантами, вероятно, имелись в виду коммунисты-подпольщики. Агитационная деятельность, организованная представителями советской власти, подтверждается телеграммой министра иностранных дел Литвы Ю. Пурицкиса Нарушявичюсу от 5 августа 1920 г., в которой сообщалось: «В Вильнюсе при их [русских] покровительстве ведется пропаганда с целью организовать силы, которые могли бы свергнуть литовскую власть»³⁴.

Мнение литовских историков о том, что Москва целенаправленно готовила военный переворот, противоречит секретной телеграмме Иоффе Чичерину, предназначенной для ознакомления также В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, от 3 августа 1920 г., в которой сообщалось: «Нам необходима Советская Литва, но не нужна вовсе немедленно. Не следует давать зарываться нашим головотяпам [...]. Литовская политика должна идти в направлении советизации Литвы из Ковны без создания Советской Литвы, вне ее и возможности вооруженного

³⁰ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 220.

³¹ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 119.

³² Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 338–339.

³³ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 391.

³⁴ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 396.

столкновения с ковенским правительством, [...] а указанное головоуятие, проводимое извне, только затрудняет советизацию и приводит к необходимости вооруженного выступления Литвы против нас»³⁵. Он предложил немедленно прекратить деятельность Ревкомов и начать эвакуацию советских служащих и красноармейцев с территории Литвы, чтобы не раздражать руководство Литовской республики³⁶. Иоффе опасался, что военный переворот в Литве и установление Советской власти спровоцируют страны Антанты к более решительному противостоянию с большевиками, а также его беспокоило то, что захватническая политика Москвы дискредитирует большевиков и оттолкнет от них массы европейского пролетариата³⁷. Ввиду того, что советский дипломат настаивал на эвакуации частей РККА из Вильнюса, а также обвинил Мицкявичюса и других большевистских деятелей в «головоуяте», можно сделать вывод о том, что центральное советское руководство не имело утвержденных планов свержения правительства Литовской республики, а подрывная деятельность Мицкявичюса в Вильно — не согласованная с Москвой инициатива местных представителей Советской власти. При этом Иоффе указал, что советизация Литвы предусматривалась в перспективе, но политическими средствами, изнутри литовского общества, а не с опорой на РККА, занявшую Вильно. Таким образом, обвинение в причастности Москвы к организации военного переворота в августе 1920 г., о которой говорят современные литовские историки А. Эйдинтас и другие, не обосновано [13. С. 161]. Напротив, неумелые действия Мицкявичюса, И.Т. Смильги, И.И. Межлаука и прочих советских деятелей по подготовке свержения буржуазной власти в Литве демонстрируют отсутствие единого плана действий и поддержки со стороны Москвы.

Самоуправство советских представителей в Литве подтверждается телеграммой Иоффе Чичерину от 4 августа 1920 г., в которой сообщалось: «Межлаук, будучи в Ковно, на заявление, что Иоффе сообщил об инструкции военным вести себя корректно с Литовским Правительством, будто ответил, что никаких подобных инструкций они не получали и могут вообще руководствоваться лишь военными соображениями»³⁸. Кроме того, в телеграмме говорилось о бедственном положении жителей Вильно, где начался голод, что вызывало серьезное недовольство у местного населения. Сообщалось также, что ввиду возникших сложностей между литовской и советской сторонами ратификация Московского мирного договора от 12 июля 1920 г. была отложена Литовским правительством³⁹. М.С. Павлова отметила, что недовольство литовских граждан действиями советской стороны активно подогревалось польской пропагандой [8. С. 37]. Серьезные гуманитарные проблемы в литовской столице отражены в телеграмме члена Реввоенсовета Западного фронта И.Т. Смильги В.И. Ленину от 4 августа 1920 г., в которой сообщалось о голоде и эпидемии тифа в Вильно, вызванных, по словам И.Т. Смильги, блокадой города Литовской республикой⁴⁰. В сложившейся обстановке, по оценке Смильги, население

³⁵ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 392.

³⁶ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 392.

³⁷ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 392.

³⁸ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 393.

³⁹ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 393.

⁴⁰ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891—1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 358—359.

было резко настроено против советской власти, а попытки начать советизацию Литвы невозможны⁴¹.

Неумелые политические действия советского военного командования привели к гуманитарным проблемам в Вильно и окрестностях. Данные обстоятельства усиливали антисоветские настроения местных жителей. В сложившейся обстановке нахождение частей РККА осложняло политическую обстановку в данном регионе. Для литовского руководства советская сторона из союзника по противостоянию с Польшей превращалась в потенциальную угрозу, что, в свою очередь, осложняло положение РККА на Западном фронте.

Ввиду возможности расторжения мирного договора между РСФСР и Литвой по указанным выше причинам, Ленин согласился с предложением Смилги о начале эвакуации частей Красной армии из Литвы и передачи всей власти в руки Литовского правительства. При этом он отметил: «Мы считаем все это не отказом от советизации Литвы, а отсрочкой и видоизменением формы советизации»⁴².

Конвенция об эвакуации частей Красной армии с территории Литвы была заключена 6 августа в Каунасе и подписана членом Реввоенсовета 4-й армии И. Межлауком и министром обороны Литвы К. Жукасом⁴³. Контролируемая РККА территория Литвы делилась на три зоны: северную с городом Свенцяны, из которой эвакуация должна была начинаться немедленно и закончиться через три дня после начала, среднюю с городом Вильно, где эвакуация должна была закончиться к 1 сентября, и южную с городами Лида и Гродно, сроки эвакуации из которой должны были определяться отдельным соглашением⁴⁴. Подписание данной конвенции позволило снять напряжение, возникшее между РСФСР и Литовской республикой, в связи с чем в тот же день Литовский сейм ратифицировал подписанный 12 июля 1920 г. Московский мирный договор [8. С. 38].

Реализация данного соглашения началась сразу после его подписания. Заседание смешанной комиссии по эвакуации северной зоны состоялось 8 августа 1920 г., на котором советская сторона обязывалась не позднее 9 августа передать власть литовской администрации в торжественной обстановке на центральной площади Свенцяны, а последние эвакуационные мероприятия должны были завершиться к вечеру 10 августа⁴⁵. Литва положительно восприняла эвакуацию частей Красной армии. В зашифрованной телеграмме Иоффе Чичерину, Ленину, Троцкому, отправленной из Риги 9 августа, отмечалось: «С Литвою отношения так налажены, что даже последние действительно недопустимые наши безобразия не омрачили их, и литовское правительство ведет себя вполне корректно и считает нас лучшей своей защитой»⁴⁶. В условиях Советско-польской войны наличие союзника для Москвы оказалось важнее, чем советизация Литвы в кратчайшей перспективе.

Вопрос об эвакуации частей РККА из средней зоны был рассмотрен на заседании смешанной литовско-русской комиссии 9 августа 1920 г., где поднимались вопросы о создании литовской милиции в данной зоне, реквизициях и прекращении пропаганды против литовского правительства советской стороной⁴⁷. За один раз решить все эти вопросы комиссия не смогла и заседала

⁴¹ Ленин В. И. Известные документы. С. 358–359.

⁴² Ленин В. И. Известные документы. С. 358.

⁴³ ДВП СССР. Т. 3. С. 86–89.

⁴⁴ ДВП СССР. Т. 3. С. 87.

⁴⁵ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 401–402.

⁴⁶ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 412.

⁴⁷ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 407–411.

еще несколько раз в течение августа 1920 г. 10 августа в Риге состоялась встреча Нарушявичюса и Иоффе, во время которой дипломаты обсудили начавшуюся эвакуацию частей Красной армии из Литвы. В телеграмме, направленной в НКВД 10 августа, Иоффе сообщил: «Сейчас был Нарушевич. Он в восторге, сообщает, что между армейскими командованиями состоялось соглашение об очищении Вильны, что произвело в Европе впечатление разорвавшейся бомбы [...], англичане боятся, что между нами и Литвой есть какое-то тайное соглашение, ибо считают, что мы иначе не отказались бы от оккупации»⁴⁸.

В начале августа под Ригой в городке Билдерлингсхофе (Булдури) начала работу Балтийская конференция, в которой приняли участие представители Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии [6. С. 201]. Ввиду значительного улучшения отношений между РСФСР и Литвой, договориться об объединении усилий против Советской России странам — участницам конференции не удалось. В шифрованной телеграмме Иоффе, адресованной Чичерину, Ленину, Троцкому, от 9 августа 1920 г., советский дипломат сообщил: «После нескольких протестов с нашей стороны и требования науськанной мною Литвы — мне заявлено официально, что вопрос о военной конвенции и даже оборонительной снят с порядка дня Балтийской конференции»⁴⁹. Данный факт демонстрирует определенное влияние советской стороны на внешнюю политику, проводимую литовским правительством.

Дополнительным фактором, сближавшим Литовскую республику с РСФСР, был и конфликт Литвы с Латвией из-за пограничных территорий Паланги и южной части бывшего Илукстского уезда Курляндской губернии⁵⁰. Еще накануне июльского наступления Западного фронта РККА, в разведывательной сводке на 8 июля 1920 г. для наштабмов 3-й, 4-й, 15-й и 16-й армий сообщалось: «Отношения между Литвой и Латвией натянутые, 25 июня [по] инициативе литовцев имело место частичное столкновение [в] одном из пограничных пунктов. [В] Латвии якобы формируются отряды бывшего Ландвера для отправки [на] помощь полякам»⁵¹. В письме участника Балтийской конференции от Литвы Ю. Шаулиса Ю. Пурицкису от 17 августа 1920 г. сообщалось о франко-польской ориентации Латвийской республики⁵², что делало Литву уязвимой ввиду ее конфликта с Польшей. По этой причине литовские представители на конференции всячески противились вступлению стран Балтии в военный альянс с Польшей и Финляндией, направленный против Советской России⁵³, поскольку в случае ссоры с Москвой Литва осталась бы один на один со странами, претендующими на литовские земли. Поэтому для руководства Литовской республики было жизненно важно поддерживать хорошие отношения с Москвой, выступавшей противовесом польскому влиянию в Прибалтике.

Однако эксцессы в советско-литовских отношениях в данный период случались. Литовскую сторону беспокоила деятельность особого отдела РККА. В записке советских участников Виленской смешанной комиссии Чичерину, направленной в середине августа, сообщалось: «В комиссии литовцы заявляли протесты против арестов и немногочисленных расстрелов, произведенных

⁴⁸ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 414.

⁴⁹ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 412.

⁵⁰ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 443.

⁵¹ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 543. Л. 1.

⁵² Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 436.

⁵³ Литва — Россия. 1917—1920 гг. С. 436—439.

особым отделом»⁵⁴. Жалобы литовской стороны были отвергнуты, в особом отделе дали пояснение: «Расстреляны лица, избитые [в] службе польской армии, также выдлившиеся особыми действиями против крестьян или виновные [в] спекуляции валютой»⁵⁵. Участники комиссии также отметили эксцессы с литовской стороны: «Близ Ландварово [в] деревне Позумбле пограничной стражей разоружены, отняты три винтовки, взяты [в] плен, отправлены в Литву председатель Ландваровского военревкома Морозов, агент УТЧК и милиционер Монович [...], в деревне Комарово близ Свенцяи арестованы 5 уполномоченных Свенцянского ревкома»⁵⁶. Эксцессы подобного рода с обеих сторон в условиях продолжавшейся войны были неизбежны, поэтому возникавшие претензии не меняли вектора советско-литовских отношений в данный период.

15–18 августа 1920 г. РККА потерпела сокрушительное поражение в Варшавской битве [10. С. 169–191]. Польская армия, воспользовавшись растянутостью советских коммуникаций, нанесла удар на правом фланге 16-й армии⁵⁷. Разбив Мозырскую группу, армия Пилсудского вынудила части Западного фронта отступить на линию Гродно – Новый Двор – Свислочь – Пружаны – Кобрин⁵⁸. Большая часть 4-й армии РККА, освобождавшей в июле Литву, попала в окружение и, не сумев пробиться к своим, перешла границу Восточной Пруссии, где была интернирована германскими властями⁵⁹. Изменение обстановки на советско-польском фронте не могло не сказаться на советско-литовских отношениях.

Литовская республика официально не находилась в состоянии войны с Польшей. Тем не менее в июле 1920 г. литовская армия совместно с 4-й армией РККА участвовала в боях за Вильно, чтобы избежать чрезмерного советского влияния на территориях Виленщины и Гродненщины. После поражения РККА на Висле для Литвы возникла угроза захвата полученных по Московскому мирному договору с РСФСР территорий. В новых условиях Литва нуждалась в демонстрации нейтралитета в советско-польском конфликте, для чего ее руководству было необходимо избавиться от советских войск на своей территории.

Ввиду больших потерь в Красной армии, советское командование ускорило эвакуацию частей РККА из Литвы, чтобы закрыть бреши на советско-польском фронте⁶⁰.

К концу августа, когда положение РККА там стало крайне тяжелым, литовская сторона для ускорения эвакуации частей Красной армии прибегла к вооруженному давлению на советскую сторону. В телеграмме начальника штаба Западного фронта П.П. Лебедева РВС фронта сообщалось, что литовская армия без согласования с советской стороной заняла города Вильно, Лида и Молодечно и взяла под контроль железнодорожное сообщение между этими городами. Литовские солдаты разобрали участок железной дороги в районе Ландварово, чем спровоцировали крушение поезда, а также на станции Ораны угрожали пленением красноармейцам, если те не покинут данную местность в кратчайшее время⁶¹. В тот же день представитель РСФСР в Ревеле И.Э. Гукковский направил телеграмму министру иностранных дел Литвы Пурицкису

⁵⁴ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 164.

⁵⁵ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 164.

⁵⁶ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 164.

⁵⁷ Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. С. 50–51.

⁵⁸ Какурин Н.Е. Русско-польская кампания 1918–1920: политико-стратегический очерк. М.: Воен. тип., 1922. С. 64.

⁵⁹ Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. С. 52.

⁶⁰ РГВА. Ф. 182. Оп. 3. Д. 692. Л. 292.

⁶¹ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 446.

с жалобой на нарушение Литвой Ковенской конвенции от 6 августа и потребовал разъяснения враждебных действий литовской стороны⁶². В ответной телеграмме от 30 августа 1920 г. литовское правительство опровергло причастность к железнодорожным катастрофам, враждебные действия по отношению к РККА объясняло мародерством военнослужащих Красной армии, а факт захвата железнодорожной линии Молодечно — Лида отрицала⁶³. Относительно захвата городов Вильно, Лида и Молодечно в телеграмме сообщалось, что литовская сторона потребовала ускорить эвакуацию частей РККА, чтобы предотвратить новую оккупацию этой зоны польскими войсками⁶⁴. Безусловно, сотрудничество в июле — начале августа 1920 г. литовской и советской сторон после поражения РККА под Варшавой могло сказаться самым пагубным образом на Литовской республике. Совместные боевые действия против польской армии давали легионерам Пилсудского право на оккупацию литовской территории. Кроме того, сотрудничество с большевиками дискредитировало литовское правительство в глазах стран Антанты.

Эвакуация частей Красной армии из средней (Виленской) зоны под давлением литовской армии закончилась к 27 августа, ранее оговоренного Ковенским соглашением от 6 августа срока [6. С. 202]. Советское правительство не стало предпринимать серьезные меры в отношении Литвы за недружественные акты, совершенные литовской стороной в конце августа, поскольку для РСФСР была важна нейтральная Литва, чтобы польские войска не смогли обойти позиции Красной армии по литовской территории и ударить по правому флангу Западного фронта РККА [6. С. 202–204]. В письме председателя Реввоенсовета республики Троцкого Чичерину говорилось, что эвакуация частей РККА из третьей зоны оккупации, которая, согласно Ковенской конвенции, должна была регламентироваться отдельным соглашением, осложнялась тем, что на данные территории тут же бы вошли преследующие отступающую Красную армию польские войска⁶⁵.

В сентябре 1920 г. части 3-й армии РККА вели упорные бои с поляками в районе Гродно⁶⁶. Литовские войска также участвовали в боях. Польская армия 30 августа заняла город Августов, по Московскому договору относившийся к территории Литвы, а 1 сентября под польский контроль перешли Сувалки [6. С. 202]. Неудачный контрудар литовских войск 2 сентября закончился потерей Литвой городов Липск, Сейны и Краснополь, однако продолжать наступление вглубь Литвы поляки не решились из-за протестов стран Антанты и остановили наступление против литовских войск 10 сентября на «линии Фоша» [6. С. 202]. Тем не менее локальные боестолкновения польских и литовских войск продолжились, пока литовская армия 24 сентября не отступила с позиций на реке Неман⁶⁷. В директиве командования Западного фронта РККА от 25 сентября сообщалось: «Поведение Литовской армии становится подозрительным. Левофланговые ее части, видимо, без давления поляков отошли на линию Марцинканцы — Нача — Радунь»⁶⁸. Военные неудачи в противостоянии

⁶² ДВП СССР. Т. 3. С. 151–152.

⁶³ ДВП СССР. Т. 3. С. 152.

⁶⁴ ДВП СССР. Т. 3. С. 152.

⁶⁵ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 453.

⁶⁶ Пилсудский Ю. 1920 год. М.: Военный вестник, 1926. С. 148.

⁶⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии. (1917–1922 гг.). М.: Воениздат, 1974. Т. 3: Апрель 1920 г. — 1922 г. С. 112.

⁶⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии. С. 114.

с поляками не оставляли иного выбора для Литвы, кроме как уповать на посредничество Антанты. В связи с этим литовские вооруженные силы не оказывали серьезного сопротивления польским частям, обходившим Западный фронт РККА по литовской территории.

Ввиду прорыва польских войск на литовском участке фронта главком Красной армии С.С. Каменев 28 сентября отдал приказ об отходе 3-й армии на линию Лида — Барановичи⁶⁹. Тухачевский в тот же день выпустил директиву армиям фронта, в которой указывалось: «В связи с полной необеспеченностью нашего правого фланга вследствие небоеспособности литовских войск, армиям фронта приказываю удлинить свой правый фланг, отойдя на линию старых русско-германских окопов»⁷⁰. Приказ об оставлении последних занимаемых Красной армией литовских территорий в 3-й зоне эвакуации Тухачевский отдал 1 октября 1920 г.,⁷¹ а начиная с 5 октября бои между РККА и польскими войсками шли в районе Минска⁷². Таким образом, 3-я зона эвакуации, обозначенная Ковенской конвенцией от 6 августа 1920 г., была оставлена Красной армией не по соглашению с Литвой, как предполагалось конвенцией, а под ударами наступающих легионов Пилсудского.

Московский мирный договор от 12 июля 1920 г. был ратифицирован ВЦИК РСФСР 9 сентября 1920 г. [6. С. 200]. Советским представителем в Литовской республике был назначен А.Е. Аксельрод, прибывший в Каунас 31 августа 1920 г. еще до ратификации договора⁷³. Главной задачей советской дипломатии в тот момент стало недопущение прохода польских войск по литовской территории в обход частей Западного фронта РККА⁷⁴. Английский историк Эдвард Карр отметил: «Независимость Литвы могла бы стать бельмом на глазу Польши. Поэтому советская сторона была в данном случае заинтересована в том, чтобы по возможности максимально осуществить принцип национального самоопределения» [3. С. 252].

В сентябре 1920 г. Литва стала транзитным пунктом, через который на родину пробирались разбитые в Польше и интернированные в Восточной Пруссии солдаты 4-й армии РККА. В отчете Аксельрода Чичерину от 10 сентября 1920 г. сообщалось, что к данному моменту через Литву прошли уже более 2,5 тысяч красноармейцев⁷⁵, всего по литовской территории из Германии должны были пройти около 50 тыс. бойцов Красной армии, для содержания во время эвакуации которых Аксельрод запросил 20 миллионов марок⁷⁶. Также в данном отчете сообщалось о сложном внешнеполитическом положении Литовской республики: «Как только поляки начинают свое наступление в районе Сувалок и Августово, тотчас же Латыши начинают нажимать со стороны Илукста»⁷⁷. В данных обстоятельствах в Литве усилились пророссийские настроения. Аксельрод отметил: «Сегодня открылось заседание конференции христианских демократов, и совершенно для нас неожиданно огромное большинство присутствующих в категорической форме высказалось за тесный союз с Россией»⁷⁸.

⁶⁹ Директивы Главного командования Красной Армии. С. 670.

⁷⁰ Директивы командования фронтов Красной Армии. С. 121.

⁷¹ Директивы командования фронтов Красной Армии. С. 123.

⁷² Директивы Главного командования Красной Армии. С. 671.

⁷³ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 455.

⁷⁴ ДВП СССР. Т. 3. С. 165.

⁷⁵ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 463.

⁷⁶ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 467–468.

⁷⁷ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 465.

⁷⁸ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 465.

На рост просоветских настроений в Литве оказала влияние боязнь литовцев оказаться во враждебном окружении Польши и Латвии. Союз с Советской Россией позволял создать противовес польско-латвийскому союзу для определенного баланса сил и укрепления позиции Литвы в регионе.

Проект военного соглашения Литвы и РСФСР рассматривался в рамках переговоров о заключении мирного договора, однако в тот момент Литва не пошла на военный союз с Москвой. Новый проект военного соглашения был направлен из Москвы Аксельроду для ознакомления литовской стороны 14 сентября 1920 г.⁷⁹ Однако из-за начавшихся переговоров РСФСР с Польшей литовцы вновь отказались от военного соглашения с Советской Россией⁸⁰. Тем не менее литовское правительство согласилось сохранить тайное приложение ко второй статье Московского договора, в котором указывалось, что временное нахождение РККА на территории Литовской республики не является нарушением договора, что позволяло советскому командованию перебрасывать части Красной армии по литовской территории [1. С. 117]. Таким образом, литовское руководство старалось сохранить баланс сил, не заключая военного соглашения с Москвой, но и не отказываясь от военного сотрудничества с ней.

В письме Чичерину Аксельрод сообщил, что отношение литовского руководства к Советской России значительно улучшилось после ратификации Москвой мирного договора⁸¹. В отчете о работе в Литве от 25 сентября Аксельрод отметил: «Настроение у литовцев самое антипольское, этим, вероятно, и объясняется такой резкий перелом в нашу пользу»⁸². Другой причиной увеличения пророссийских настроений в Литве, по мнению советского представителя, стало тяжелое экономическое положение Литовской республики, которое можно было бы улучшить благодаря экономическому взаимодействию между странами⁸³. Министр иностранных дел Литвы Пурицкис 28 сентября заявил, что Литва готова в кратчайшее время организовать транзитную торговлю между РСФСР и Германией⁸⁴. По мнению М.И. Мельтюхова, «фактически на антипольской основе сложилось негласное военно-политическое сотрудничество Литвы и РСФСР» [6. С. 202].

В оккупации территории Литвы Польшей не были заинтересованы и страны Антанты, в связи с чем 20 сентября 1920 г. совет Лиги Наций потребовал от Польши и Советской России соблюдать нейтралитет Литовской республики⁸⁵. Однако поляки вопреки этому решению 24 сентября, оттеснив литовскую армию, обошли позиции 3-й армии РККА по территории Литвы.

Советско-польские переговоры о перемирии начались 17 августа 1920 г. в Минске [2. С. 377], а соглашение о перемирии и прелиминарных условиях мирного договора подписано 12 октября 1920 г..⁸⁶ Однако перемирие вступало в силу только 18 октября и до этого момента продолжались боевые действия⁸⁷.

В ходе советско-польских переговоров 5 октября польская сторона потребовала от Советской России отказаться от Московского мирного договора с Литвой,

⁷⁹ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 470.

⁸⁰ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 472.

⁸¹ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 472–473.

⁸² Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 476.

⁸³ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 475–476.

⁸⁴ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 480–483.

⁸⁵ Литва — Россия. 1917–1920 гг. С. 479.

⁸⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 428–433.

⁸⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии. С. 133–135.

на что представители РСФСР ответили отказом. Тогда польская делегация потребовала передачи Польше территорий восточнее линии Московского договора до границы с Латвийской республикой, что лишало Литву и РСФСР общей границы [5. С. 178]. М.С. Павлова отметила, что Чичерин был готов к территориальным уступкам на Украине, чтобы сохранить советско-литовскую границу, однако добиться согласия на это у советского руководства не смог. Данный коридор был необходим Польше для дальнейшей интервенции в Литву и присоединения Вильно [8. С. 59]. Советская сторона неофициально запросила мнение Лондона о польских территориальных требованиях, однако ответа не получила [5. С. 178]. Для Советской России было необходимо как можно скорее завершить неудачную военную кампанию 1920 г., поэтому Москве пришлось пожертвовать выгодой, которую сулила транзитная торговля через Литву, и принять предложение польской делегации. Известие о создании коридора между Польшей и Латвией, по утверждению историка Ч. Лауринавичюса, было воспринято литовцами как предательство со стороны России [5. С. 178].

Переговоры между представителями Польской и Литовской республик начались 30 сентября в Сувалках при посредничестве представителей Лиги Наций и закончились 7 октября подписанием польско-литовского договора, по которому Вильно отходил Литве⁸⁸. Уступив в этом вопросе Антанте, польское руководство не оставляло планов по присоединению малой родины «Начальника государства Польского». Договор от 7 октября и решение совета Лиги Наций не позволяли официальному польскому руководству напасть на Литовскую республику. Тем не менее нахождение Литвы во враждебном окружении (Польши и Латвии) создавало угрозу для ее территориальной целостности.

Не дожидаясь подписания перемирия с РСФСР, польское командование организовало провокацию: маршал Пилсудский инсценировал мятеж в польских частях с требованием занять Вильно, возложив вину за нарушение договоренностей на них, сняв таким образом ответственность с польского руководства [2. С. 352–354]. Ядром восставших частей стала польская 1-я Литовско-Белорусская пехотная дивизия, укомплектованная солдатами и офицерами из литовских (в широком смысле слова, связанных с историей ВКЛ) земель, которой командовал уроженец Виленской губернии генерал Люциан Желиговский [2. С. 353]. Выбор Пилсудского был не случаен, поскольку не все польские командиры хотели участвовать в данной провокации. Генерал Желиговский вспоминал: «У него (Ю. Пилсудского. — Д.Б.) были обширные планы восстановления исторической Литвы. Это понимал Маршал, но не понимал штаб с генералом Роздовским во главе. Он (штаб. — Д.Б.) состоял в основном из офицеров австрийской армии, этот штаб не понимал вопроса Литвы»⁸⁹. При этом личный состав группы войск, предназначенной для инсценировки мятежа, не был посвящен в детали операции [14. С. 177.]. Наступление на территорию Литовской республики «взбунтовавшихся» польских частей началось 8 октября, а уже 9 октября войска Желиговского заняли Вильнюс [2. С. 355]. Для Литвы наступление данных сил оказалось неожиданным, поскольку уже был заключен договор с Польшей и большая часть литовской армии находилась в районе Сувалок, поэтому оказать вооруженное сопротивление и отстоять столицу литовцы не смогли [12. С. 35]. В Вильно значительную часть населения составляли поляки, которые приветствовали приход армии Желиговского

⁸⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. С. 462–463.

⁸⁹ *Żeligowski L. Zapomniane prawdy. Londyn: Drukarnia Mildnera w Londynie, 1943. S. 34.*

[13. С. 162–163]. Заняв город, польский генерал объявил о создании нового государства – Срединной Литвы и предложил правительству Литовской республики начать переговоры [5. С. 179], но оно отказалось признать незаконное образование и вести с Желиговским переговоры. Последний начал наступление на Каунас [5. С. 179], но был остановлен.

Лига Наций осудила «бунт Желиговского», однако в качестве решения польско-литовского конфликта она 28 октября 1920 г. предложила провести референдум на контролируемых Желиговским землях, на котором был бы вынесен вопрос о принадлежности этих земель Литве или Польше [5. С. 179]. Шансы победить на референдуме у литовской стороны были минимальны, поскольку литовцы на оккупированных территориях, как уже указывалось выше, не составляли большинства населения, а польскому руководству он позволял легитимизировать отторжение от Литовской республики спорные территории.

Советская Россия была единственной страной, оказавшей Литве поддержку в столь сложных обстоятельствах. По утверждению историка А.В. Шубина, «Литва стала наиболее дружественным для РСФСР государством региона» [11. С. 685]. Ранее намеченного срока, 16 октября, РСФСР передала литовской стороне оговоренные Московским мирным договором 3 млн рублей⁹⁰. Советский посол Аксельрод, будучи финансистом, посоветовал премьер-министру Литвы К. Гринюсу немедленно ввести собственную валюту, однако литовское правительство не последовало этой рекомендации, о чем Гринюс потом сожалел [1. С. 118].

Армии Литовской республики не хватало офицеров. Для решения проблемы литовский министр охраны края К. Жукас обратился 7 октября за помощью к Аксельроду⁹¹, с которым у него сложились дружеские отношения [1. С. 124–125]. В докладе Аксельрода Чичерину от 7 октября 1920 г. о разговоре с Жукасом сообщалось, что Литва готова поставить Советской России 2 млн пудов зерна в обмен на поставки вооружения, командирования военспецов из Красной армии и обучение литовских офицеров в Академии генштаба РККА⁹². «Бунт Желиговского» обострил необходимость обучения литовских офицеров, поэтому с аналогичной просьбой в НКВД обратился посол Литвы в РСФСР поэт-символист Ю. Балтрушайтис⁹³. Советское командование положительно отреагировало на просьбы литовской стороны, и 29 октября началось формирование групп красных командиров литовского происхождения для их отправки в Литву⁹⁴. Подготовка кадров литовской армии офицерами РККА свидетельствует о том, что советское руководство рассчитывало на военную поддержку со стороны Литовской республики в вероятном военном противостоянии с Польшей.

На дипломатическом уровне руководство РСФСР также оказало поддержку Литве. В РСФСР не признали не только Срединную Литву, но и, в отличие от членов Лиги Наций, легитимность референдума [5. С. 180]. В ноте заместителя председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей Л.Л. Оболенского, направленной председателю польской делегации Яну Домбскому от 30 октября 1920 г. содержалось требование немедленно вывести

⁹⁰ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 493–494.

⁹¹ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 490–492.

⁹² Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 490–492.

⁹³ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 496.

⁹⁴ Литва – Россия. 1917–1920 гг. С. 497.

части Желиговского с территории Литвы⁹⁵. Председатель российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей А.А. Иоффе 11 декабря 1920 г. направил ноту польской делегации, в которой сообщалось: «Ввиду того, что ответственность за все происходящее на означенной территории в настоящее время фактически лежит на генерале Желиговском, Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, по указанным выше соображениям, принуждено эту ответственность возложить всецело на Польское Правительство, и всякие враждебные действия против Советских Республик, предпринимаемые на территории Желиговского, будут поэтому рассматриваться как действия, предпринимаемые Польским Правительством против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»⁹⁶. Несмотря на то что требования советских дипломатов о выводе войск Желиговского из Литвы польское руководство проигнорировало [2. С. 367–368], Москва продемонстрировала Варшаве однозначную поддержку Литвы в «виленском вопросе». Посол РСФСР в Литве Аксельрод 26 ноября 1920 г. вручил литовскому правительству ноту, в которой сообщалось, что Рижский договор не аннулирует Московский договор и РСФСР признает Вильно частью Литовской республики (цит. по. [5. С. 180]).

В декабре 1920 г. советская пресса дала такую оценку Московскому договору и последующим событиям: «Литва не была готова к советскому перевороту. Народные массы поняли бы это как акт насилия со стороны Советской России. [...] С белой же Литвой мы должны были, наоборот, возможно больше сблизиться, чтобы обезопасить себя от предательского удара в спину, и так и сделали. [...] Мы выбили почву из-под ног литовских националистов. Рабочие и крестьяне Литвы видят разницу между Советской Россией и польским генералом Желиговским, попирающим ногами литовскую независимость»⁹⁷. Эта заметка в газете «Жизнь национальностей» отражает официальную позицию советской пропаганды в взаимоотношениях РСФСР и Литвы. Авторам было важно подчеркнуть, что Советская Россия в отличие от агрессивной политики Пилсудского отказывается от идеи завоевания Литвы и уважает право наций на самоопределение.

Литовские историки А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, А. Тамошайтис утверждали: «Советская Россия так или иначе была единственной страной, признавшей литовские интересы в Вильнюсе» [13. С. 163–164]. Неудача РККА в советско-польской войне и инсценированный Варшавой «бунт Желиговского» сблизил Литовскую республику и Советскую Россию. Во многом это стало возможно благодаря деятельности первого представителя РСФСР в Литве А.Е. Аксельрода. Советский посол установил, как уже указывалось выше, дружеские связи с министром охраны края К. Жукасом, послом Литвы в РСФСР Ю. Балтрушайтисом, министром иностранных дел Литвы Ю. Пурицкимс и министром финансов Э. Галванаускасом, эти политики выступили за тесный союз Литвы с РСФСР. Однако президент Литовской республики А. Стулгинскис и премьер-министр К. Гринюс относились к Советской России с большой настороженностью [1. С. 125]. Тем не менее дипломатическая и военная поддержка Каунасу со стороны Москвы позволила в 1920-е годы установиться дружественным связям между обоими государствами.

⁹⁵ ДВП СССР. Т. 3. С. 308–309.

⁹⁶ ДВП СССР. Т. 3. С. 380–381.

⁹⁷ К роли Литвы в нашей войне с Польшей // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. 15 декабря 1920 г. № 40 (96). С. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКЛ – Великое княжество Литовское
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ДВП – Документы внешней политики
наштаб – начальник штаба армии
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
РГВА – Российский государственный военный архив
РВС – Революционный военный совет
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Директивы Главного командования Красной Армии. (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. 882 с.
Директивы командования фронтов Красной Армии. (1917–1922 гг.). М.: Воениздат, 1974. Т. 3: Апрель 1920 г. – 1922 г. 765 с.
ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. 723 с.
Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1965. Т. 3. 608 с.
К роли Литвы в нашей войне с Польшей // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. 15 декабря 1920 г. № 40 (96). С. 3–4.
Какурин Н.Е. Русско-польская кампания 1918–1920: политико-стратегический очерк. М.: Воен. тип., 1922. 75 с.
Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 607 с.
Литва – Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс, З. Буткус, И.А. Кукушкина, А.В. Шубин. Вильнюс: Институт истории Литвы, 2020. 522 с.
Пилсудский Ю. 1920 год. М.: Военный вестник, 1926. 171 с.
РГВА. Ф. 182 «Управление 4-й армии Западного фронта».
Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. Смоленск: Военный редакционный совет Западного фронта, 1923. 138 с.
Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. Смоленск: Б.и., 1923. 54 с.
Żeligowski L. Zapomniane prawdy. Londyn: Drukarnia Mildnera w Londynie, 1943. 45 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буткус З. Дипломатическая деятельность первого советского посла в Литве А.Е. Аксельрода (сентябрь 1920 – март 1921 г.) // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX века. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 113–129.
2. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 496 с.
3. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923 / пер. с англ., предисл. Ненарокова А.П. М.: Прогресс, 1990. 768 с.
4. Кукушкина И.А. Литва – Россия. 1920 // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX века. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 98–112.
5. Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2015. М.: Наука, 2015. С. 169–188.
6. Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг. М.: Алгоритм, 2015. 608 с.
7. Мицкевич-Капсукас В.С. Революция в Литве (1918 г.) и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства // Историк-марксист. 1935. Т. 2–3. С. 44–52.
8. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспент пресс, 2016. 176 с.
9. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.
10. Шапошников Б.М. На Висле. К истории кампании 1920. М., 1924. 206 с.
11. Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.

12. Шубин А. В., Лауринавичюс Ч. Российско-литовские отношения в 1917–1920 гг. // Литва – Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс, З. Буткус, И. А. Кукушкина, А. В. Шубин. Вильнюс: Институт истории Литвы, 2020. С. 17–35.
13. Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы / пер. Е. Суворовой. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 317 с.
14. Łossowski P. Konflikt Polsko-Litewski 1918–1920. Warszawa: Książka i wiedza, 1996. 250 s.

REFERENCES

- Butkus Z. Diplomatiškeskaia deiatel'nost' pervogo sovetskogo posla v Litve A. Je. Aksel'roda (sentiabr' 1920 – mart 1921 g.) *Rossii i Baltiia. Narody i strany. Vioraia polovina XIX – 30-je gg. XX veka.* M., IVI RAN, 2002, pp. 113–129. (In Russ.)
- Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamoshaitis M. *Istoriia Litvy* / per. Je. Suvorovoi. Vil'nius, Eugrimas, 2013, 317 p. (In Russ.)
- Gritskovich A. P. Zapadnyi front RSFSR 1918–1920. *Bor'ba mezhdu Rossiei i Pol'shei za Belorussiiu.* Minsk, Kharvest, 2010, 496 p. (In Russ.)
- Karr E. *Istoriia Sovetskoi Rossii. Kn. 1: Tom 1 i 2. Bol'shevistskaia revoliutsiia. 1917–1923* / per. s angl., predisl. Nenarokova A. P. M., Progress, 1990, 768 p. (In Russ.)
- Kukushkina I. A. Litva – Rossiia. 1920. *Rossii i Baltiia. Narody i strany. Vioraia polovina XIX – 30-je gg. XX veka.* M., IVI RAN, 2002, pp. 98–112. (In Russ.)
- Laurinavichius Ch. Vil'niuškii vopros v mezhvojennoje vremia i ne tol'ko. *Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG.* 2015. M., Nauka, 2015, pp. 169–188. (In Russ.)
- Łossowski R. *Konflikt Polsko-Litewski 1918–1920.* Warszawa, Książka i wiedza, 1996, 250 p. (In Pol.)
- Mel'tiukhov M. I. *Pribaltiiskii platsdarm v mehdunarodnoi politike Moskvy (1918–1939 gg.* M., Algoritm, 2015, 608 p. (In Russ.)
- Mitskevich-Kapsukas V. S. Revoliutsiia v Litve (1918 g.) i sozdaniye Vremennogo revoliutsionnogo rabochekrest'ianskogo pravitel'stva. *Istoriik-marksist.* 1935, t. 2–3, pp. 44–52. (In Russ.)
- Pavlova M. S. *Litva v politike Varshavy i Moskvy v 1918–1926 godakh.* M., Aspent press, 2016, 176 p. (In Russ.)
- Sergejev Je. Iu. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniia, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniuu.* SPb., Nauka, 2019, 831 p. (In Russ.)
- Shaposhnikov B. M. *Na Visle. K istorii kampanii 1920.* M., 1924, 206 p. (In Russ.)
- Shubin A. V. *Mirovaia revoliutsionnaia volna (1918–1923).* Priliv. M., Akademicheskii projekt, 2020, 773 p. (In Russ.)
- Shubin A. V., Laurinavichius Ch. Rossiisko-litovskie otnosheniia v 1917–1920 gg. // Litva – Rossiia. 1917–1920 gg. *Sbornik dokumentov* / sost. Ch. Laurinavichius, A. Kasparavichius, Z. Butkus, I. A. Kukushkina, A. V. Shubin. Vil'nius, Institut istorii Litvy, 2020, pp. 17–35. (In Lit.)

Информация об авторе:

Баканов Дмитрий Константинович,
магистрант Государственного академического
университета гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: b79190524539@yandex.ru

Information about the author:

Bakanov Dmitry K.,
master's student State Academic
University of Humanities,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: b79190524539@yandex.ru

Славяноведение, 2023, № 1, с. 23–36

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 23–36

DOI: 10.31857/S0869544X0024716-0

Оригинальная статья / Original Article

Дипломатия переходного периода: эволюция внешней политики Румынии (декабрь 1989 года – 1992 год)

© 2023 г. И.С. Путинцев

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)

isp90@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция внешней политики Румынии в переходный период (декабрь 1989 г. – 1992 г.). Данный период сыграл важную роль в истории румынской дипломатии: именно тогда был заложен фундамент того курса, который проводился в жизнь в последующие десятилетия. Однако к нему Румыния пришла не сразу, а некоторое время пыталась сохранить характерную для нее многовекторность, балансируя между Москвой и Западом. Лишь когда первоначальные расчеты не оправдались, ее политика резко изменилась. В настоящей работе исследуются мотивы действий властей Румынии и на основании источников раскрываются многие детали событий. В частности, анализируется история подписания советско-румынского базового договора 1991 г. – единственного примера реализации так называемой «доктрины Квицинского» в отношениях СССР со странами Восточной Европы.

Ключевые слова: Румыния, Фронт национального спасения, Варшавский договор, «доктрина Квицинского», советско-румынский договор, Илиеску, Молдавия, Приднестровье.

Ссылка для цитирования: Путинцев И.С. Дипломатия переходного периода: эволюция внешней политики Румынии (декабрь 1989 года – 1992 год) // Славяноведение. 2023. № 1. С. 23–36. DOI: 10.31857/S0869544X0024716-0

Diplomacy in the Times of Transition: Evolution of Romania's Foreign Policy (From December 1989 to 1992)

© 2023. Igor S. Putintsev

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

isp90@mail.ru

Abstract. The article deals with the evolution of Romania's foreign policy during the period of transition (from December 1989 to 1992). This period has played an important role in the history of Romanian diplomacy because it has laid the foundation

of the political course that was implemented in the following decades. But Romania did not choose this course from the beginning and for a certain time maintained her typical multivector diplomacy, balancing between Moscow and the West. Only when her initial calculations turned out to be a mistake, course was abruptly changed. This paper analyzes the reasons for Romania's actions and with the usage of historical sources reveals the details of the events. In particular, the article analyzes the signing of the Soviet-Romanian basic treaty in 1991, which was the only example of how the so-called «Kvitsinsky doctrine» was put in practice in the relations between the USSR and East European countries.

Keywords: Romania, National Salvation Front, Warsaw Pact, Kvitsinsky doctrine, Soviet-Romanian treaty, Iliescu, Moldova, Transdnistria (Transnistria).

Reference for citation: *Putintsev Igor S.* Diplomacy in the Times of Transition: Evolution of Romania's Foreign Policy (From December 1989 to 1992) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 1. P. 23–36. DOI: 10.31857/S0869544X0024716-0

Переходный период, длившийся с декабря 1989 г. до октября 1992 г., является рубежным в истории современной румынской дипломатии. Именно тогда в последний раз ярко проявилось традиционное для Румынии стремление к многовекторности, но в то же время были заложены основы современной румынской внешней политики, фундаментом которой является ориентация на США и западные союзы.

Отправной точкой данного периода является свержение власти Н. Чаушеску и социалистического строя в декабре 1989 г. Новые органы власти, сформированные Фронтом национального спасения (ФНС) во главе с И. Илиеску, имели переходный характер. Вначале ФНС действовал как самопровозглашенный орган. В мае 1990 г. президент и парламент были избраны на короткий двухлетний срок, в течение которого разрабатывалась конституция страны, вступившая в силу в декабре 1991 г. Завершением переходного периода можно считать проведение в октябре 1992 г. первых президентских и парламентских выборов в соответствии с новой конституцией.

В атмосфере хаоса, насилия и революционной эйфории первоочередными задачами ФНС видел необходимость избежать прямого внешнего вмешательства в румынские события и добиться международного признания новой власти. В первом обращении ФНС к стране, выпущенном 22 декабря 1989 г. непосредственно после падения Чаушеску, говорилось: «Вся внешняя политика страны должна служить продвижению добрососедства, дружбы и мира на земле, интеграции в процесс строительства единой Европы — общего дома всех народов континента. Мы будем уважать международные обязательства Румынии и, в первую очередь, те, которые касаются Варшавского договора»¹. Последнее уточнение было явно вызвано опасениями, что дестабилизация ситуации в стране может привести к вводу советских войск по примеру Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. ФНС стремился исключить возможные поводы для такого развития событий. Впрочем, по свидетельству заведомо Румынии МИД СССР В.А. Лапшина, такая позиция у новых румынских лидеров сформировалась не сразу. Первоначально 22 декабря 1989 г. временный поверенный в делах СССР в Румынии В.Г. Поздняков передал в Москву «просьбу И. Илиеску об оказании военной помощи румынским демократическим силам»: в ответ министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе дважды давал

¹ *Iliescu I.* Fragmente de viață și de istorie trăită. București: Litera Internațional, 2011. P. 78.

указание советскому посольству сообщить о неготовности СССР к военному сценарию и уклоняться от данного вопроса².

Советский Союз в декабре 1989 г. не имел ни мотивов, ни средств для активного вмешательства в румынские события. Опубликованные документы подтверждают, что такая возможность не рассматривалась. 23 декабря 1989 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О первоочередных мерах в связи с обстановкой в Румынии», одоблив «меры к установлению прямых и постоянных контактов с руководством Фронта национального спасения Румынии, в первую очередь И. Илиеску»³. В опубликованном тогда же заявлении советского правительства говорилось, что «румынский народ решительно порвал с авторитарным режимом и встал на путь демократического обновления страны», а ФНС объединяет в своих рядах «прогрессивные силы общества»⁴.

С другой стороны, идея советской интервенции в Румынию в те дни действительно существовала, однако не в СССР, а в США и некоторых других западных странах. Госсекретарь США Дж. Бейкер в разгар декабрьских событий заявил тележурналистам, что Вашингтон не будет возражать, если в ОВД «посчитают нужным вмешаться» в процессы в Румынии [4. Р. 170]. Аналогичную позицию заняли Франция и Нидерланды [8. Р. 188]. Посол США в Москве Дж. Мэтлок в беседе с замминистра иностранных дел СССР И.П. Абоимовым 25 декабря 1989 г. зондировал возможность военного участия СССР в румынских событиях, однако получил четкий и недвусмысленный ответ, что такой сценарий «не рассматривался даже теоретически»⁵.

О том, что Советский Союз никоим образом не будет вмешиваться во внутренние процессы в Румынии, М.С. Горбачёв уведомил лидера ФНС И. Илиеску во время их первого телефонного разговора, состоявшегося 27 декабря 1989 г.⁶ В сжатые сроки был подготовлен внеплановый визит Э.А. Шеварднадзе в Румынию. По его словам, именно он был инициатором визита, который рассматривался как «жест поддержки» Румынии «в стремлении построить демократическое государство»⁷. На деле советский министр ставил задачи визита более предметно и масштабно: не только установить контакты с новым руководством, но также активизировать сотрудничество в процессе трансформации ОВД и модернизации СЭВ, а также «дать понять всей Европе и миру, что Советский Союз сохраняет свое влияние в этой части континента»⁸.

Программа визита Э.А. Шеварднадзе в Бухарест 6 января 1990 г. подробно описана в записках его помощника Т.Г. Степанова-Мамаладзе. Советский министр встретился с новым руководством страны: И. Илиеску как временным главой государства, премьер-министром П. Романом и главой МИД С. Челаком. Атмосфера встречи была «как в старые добрые времена “дружбы и братства” с полуобъятиями и “приветами от Михаила Сергеевича”, но без [приветствия] “товарищ” и прочей кодовой словесной ерунды»⁹. Характерно, что переговоры

² Лапшин В.А. К 30-летию декабрьских событий в Румынии // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 52.

³ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. СПб.: Алетейя, 2013. Т. II. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов / отв. ред. Ю.С. Новопашин. С. 548.

⁴ Анатомия конфликтов. С. 549—550.

⁵ Анатомия конфликтов. С. 554.

⁶ Илиеску И. Румыния — возрождение надежды. М.: Логос, 2002. С. 68.

⁷ Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М.: Издательство «Европа», 2009. С. 170.

⁸ Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся на наших глазах // Еженедельник 2000. 2014. № 41. С. 28.

⁹ Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся... С. 28.

шли в основном по-русски: Илиеску в юности учился в Московском энергетическом институте, а Челак был ценителем и переводчиком русской литературы. Лидер ФНС заявил, что поддержка Советского Союза имеет для Румынии огромное значение, а перемены в мире стали возможными благодаря Москве. Дружественная атмосфера встречи, впрочем, не привела к прорывам по тем вопросам, которые с практической точки зрения интересовали советскую делегацию. Обе стороны резко раскритиковали Чаушеску, но если советский министр увязал это с саботажем СЭВ и ОВД, то румынский премьер напрямую заявил, что «СЭВ – неэффективный партнер» и о его деятельности «нужна откровенная дискуссия»¹⁰. Когда Э.А. Шеварднадзе сказал, что наметившееся сближение двух стран «не означает, что у вас не может быть своей позиции», его румынский коллега С. Челак эмоционально подтвердил: «Может!»¹¹. Несмотря на это, по итогам встречи общее впечатление у советской делегации было положительным: «нынешнее румынское руководство выгодно нам»¹².

Руководство СССР с готовностью дало такую оценку, поскольку впервые, как оно посчитало, возник прецедент прихода к власти в Восточной Европе сил не менее, а более ориентированных на Москву, чем раньше. Данные оценки и ожидания были во многом завышенными, однако необходимо учитывать два фактора. Во-первых, отношения между СССР и Румынией в конце 1980-х годов окончательно зашли в тупик. По свидетельству заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.Л. Мусатова, «изменений к лучшему ждали только в случае ухода Чаушеску (добровольного или принудительного), но при этом «резервных составов руководства Румынии в Москве не готовили»¹³. То, что в итоге к власти в Бухаресте пришли не радикалы, а представители второго и третьего эшелона прежней номенклатурной элиты, порождало в Москве определенный оптимизм. Во-вторых, новое румынское руководство демонстрировало готовность договариваться с Советским Союзом по широкому кругу вопросов и прежде всего по ключевому из них – определению нового формата отношений СССР и стран Восточной Европы.

Позиция Румынии по данному вопросу имела для Москвы важное значение с учетом того, что Чехословакия, Венгрия, а постепенно и Польша стали выступать за роспуск структур советского блока. Советский Союз хотел показать, что не он один заинтересован в их сохранении. Румынии предложили стать местом проведения очередного заседания Политического консультативного комитета ОВД¹⁴, лишь после ее отказа было решено провести его в Москве в июне 1990 г. Именно тогда президент Чехословакии В. Гавел и премьер-министр Венгрии Й. Анталл поставили вопрос ребром в присутствии М.С. Горбачева: Варшавский договор надо либо ликвидировать, либо поменять его фундаментальные основы¹⁵. Позиция Бухареста была уклончивой и осторожной. Характерно, что Илиеску единственный из всех лидеров стран советского блока не стал делать отдельного заявления в ходе заседания, ограничившись краткими репликами¹⁶. Тогда же он впервые встретился с Горбачёвым

¹⁰ Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся... С. 29.

¹¹ Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся... С. 29.

¹² Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся... С. 29.

¹³ Мусатов В.Л. К 30-летию революции в Румынии // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 164.

¹⁴ Roman Jr. T. Sergiu Celac: «Am contribuit la înființarea legală a SIE» [Intervi cu S. Celac] // Jurnalul.ro. 15.12.2011. <https://jurnalul.ro/special-jurnalul/interviuri/sergiu-celac-am-contribuit-la-infiintarea-legala-a-sie-599314.html> (дата обращения: 17.01.2022).

¹⁵ Pașcu I. M. Jurnal de... «Front»: 1990–1992. București: Editura RAO, 2010. P. 103–104, 106–107.

¹⁶ Pașcu I. M. Jurnal de... P. 96.

и в последующем был единственным президентом в Восточной Европе, который нанес визит в Москву, пока Горбачёв еще оставался у власти¹⁷.

Идея советской дипломатии состояла в том, чтобы подписать со странами Восточной Европы двусторонние договоры, которые фиксировали бы обязательство не вступать во враждебные другой стороне военные союзы и не предоставлять третьим государствам свою территорию для размещения войск и военной инфраструктуры. Соответствующая развернутая концепция была утверждена Шеварднадзе¹⁸, тех же принципов придерживался и его преемник А.А. Бессмертных¹⁹. Главная идея данной концепции впоследствии получила неформальное название «формула Квцинского» по фамилии ее основного разработчика — замминистра (с мая по сентябрь 1991 г. — первого замминистра) иностранных дел СССР, курировавшего отношения со странами советского блока. Он отличался твердой позицией и пытался активно отстаивать интересы СССР в отношениях со странами Восточной Европы в сфере безопасности, главный из которых определял как «создание юридических гарантий против использования их территории во враждебных Советскому Союзу целях»²⁰. Внутри МИД СССР имелись и другие мнения: так, посол в Чехословакии и будущий министр Б.Д. Панкин считал данную позицию «ястребиной» и отмечал некоторые различия в настрое центра и послов в соответствующих странах²¹. Однако до августовских событий 1991 г. советское руководство продолжало стоять на принципах «доктрины Квцинского».

Именно в отношениях с Румынией советской дипломатии удалось добиться наибольшего продвижения по данному вопросу. Бухарест не спешил отказываться от военных гарантий в рамках ОВД. По состоянию на октябрь 1990 г. румынское правительство считало, что «от военной составляющей [Варшавского] договора требуется отказаться, но политическая составляющая данного союза может сохраниться»²². Было ясно, что при заключении двустороннего договора Румыния пойдет дальше, чем Венгрия: вопрос был скорее в выборе формулировок²³. О необходимости роспуска ОВД Румыния заявила лишь в феврале 1991 г. — последней из восточноевропейских союзников СССР [7. Р. 124]. При этом глава МИД Румынии А. Нэстасе на переговорах с Ю.А. Квцинским в Бухаресте в марте 1991 г. заострил внимание на возможных последствиях роспуска ОВД и выразил озабоченность, что это может привести к «возникновению в Восточной Европе зоны нестабильности и турбулентности»²⁴. Тогда же со стороны Румынии была озвучена идея замены Варшавского договора консультативным пактом стран Восточной Европы с возможным участием СССР. В ходе встречи глав МИД СССР и Румынии в Москве в марте 1991 г. Нэстасе вновь говорил о данной идее в виде «Союза Центральной и Восточной Европы» (на этот раз без участия СССР)²⁵. Он заявил о нежелании Румынии оказаться в изоляции: по его словам, Восточная

¹⁷ Квцинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 33.

¹⁸ Квцинский Ю.А. Время и случай. С. 88.

¹⁹ Квцинский Ю.А. Время и случай. С. 90.

²⁰ Квцинский Ю.А. Время и случай. С. 90.

²¹ Панкин Б.Д. Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно, 1993. С. 105, 111–112.

²² Documente Diplomatice Române. Seria a III-a. România și Tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și adjuncților lor (1966–1991) / sub îngr.: M.: Anton. Buzău, Alpha MDN, 2009. P. 1219–1220.

²³ Квцинский Ю.А. Время и случай. С. 96.

²⁴ Квцинский Ю.А. Время и случай. С. 97.

²⁵ Năstase A. România după Malta. 875 de zile la Externe. În 10 vol. Vol. 4. București: Fundația Europeană Titulescu, 2007. P. 172.

Европа «не может функционировать только в виде формулы Венгрия — Чехословакия — Польша», а возникший дисбаланс между Западной и Восточной Европой напоминает «магнит с одним полюсом»²⁶.

Не обходилось, впрочем, и без некоторых сложностей. Например, Илиеску в январе 1991 г. под формальным предлогом перенес запланированный визит в Москву²⁷, а положение о нерушимости границ в Европе румынская сторона хотела дополнить оговоркой, что каждый народ имеет право определять свой внешний и внутренний статус. Это можно было рассматривать как отсылку к ситуации в Советской Молдавии, хотя румынская сторона и уверяла, что вопрос границ для нее «закрыт»²⁸. В целом румынские заявления, касавшиеся Молдавии, вызывали в СССР все большее беспокойство: в записке Международного отдела ЦК КПСС, доложенной в феврале 1991 г., говорилось, что по данному вопросу «нынешние румынские руководители уже зашли гораздо дальше, чем позволял себе Н. Чаушеску», что, «однако, не мешает им обращаться к Советскому Союзу с традиционными просьбами выручить их дополнительными поставками энергоносителей»²⁹.

Конечный результат переговоров отвечал ключевым интересам Советского Союза. 5 апреля 1991 г. Горбачёв и Илиеску подписали в Москве Договор о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе — единственное соглашение такого рода между СССР и какой-либо из стран Восточной Европы. Его содержание соответствовало «доктрине Квицинского»: стороны обязывались при любых обстоятельствах рассматривать друг друга как дружественные государства, не участвовать в союзах, направленных друг против друга, и не предоставлять свою территорию и инфраструктуру третьим странам для совершения агрессии³⁰. Находясь в Москве, президент Румынии подчеркнул, что придает договору «очень большое значение» и что подписавшие его страны являются «единными по своим стремлениям»³¹.

В ходе личной встречи с Горбачёвым румынский лидер попытался осторожно обозначить и ряд потенциально острых вопросов, которые в Румынии волновали общественное мнение, парламент и оппозицию. Это была, во-первых, ситуация в Молдавии, где бурно протекали процессы суверенизации и территориального раскола республики. Илиеску посоветовал Горбачёву «больше опираться на [молдавского президента] Снегура» и «поддержать молдаван в вопросе о Транснистрии (т.е. Приднестровье. — *И.П.*) и гагаузах»³². Во-вторых, президент Румынии упомянул о проблеме разграничения шельфа в районе острова Змеиный. Третий вопрос, неоднократно поднимавшийся румынской стороной еще во времена Чаушеску, касался судьбы направленного в Россию в 1916 г. золотого запаса [2. С. 221, 229], и являлся одним из раздражителей в двусторонних отношениях. Однако если ранее он в целом находился вне публичного поля (лишь в 1986 г. в Румынии начали появляться публикации на

²⁶ Năstase A. România după Malta. Vol. 4. P. 171–172.

²⁷ Квицинский Ю.А. Время и случай. С. 85.

²⁸ Квицинский Ю.А. Время и случай. С. 96–97.

²⁹ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / сост.: И.В. Казарина, Т.М. Кузьмичева, М.Ю. Прокуменшиков (отв. сост.), П. Ругенталер. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 840.

³⁰ Полный текст договора см.: Năstase A. România după Malta. Vol. 4. P. 325–335.

³¹ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М.: Весь мир, 2010. С. 589.

³² Конец эпохи... С. 844.

эту тему), то теперь его поднимали не только руководители государства, но и журналисты [2. С. 231]. Горбачёв весьма сухо обозначил свою позицию по всем обозначенным проблемам: если по ситуации в Молдавии при этом развернулась дискуссия, то другие два вопроса советский лидер просто проигнорировал, сославшись на их незнание³³.

Советско-румынский договор 1991 г. имел основополагающее значение для румынской внешней политики начала 1990-х годов. Однако уже скоро в Бухаресте постарались откреститься от него, тем более что договор так и не был ратифицирован и не вступил в силу, а после августовских событий 1991 г. в Москве утратил актуальность. Многие румынские политики и СМИ подвергли договор резкой критике. Его так и не внесли в парламент для ратификации (как, впрочем, и в СССР): как позже утверждал премьер-министр Роман, он сделал это намеренно, вступив в спор с Илиеску и убедив его в нецелесообразности данного шага³⁴. Среди румынских исследователей утвердилось мнение, что договор был серьезной политической ошибкой, его критикуют за содержание и несвоевременность подписания [5. Р. 327–328], но главным образом за то, что договор фактически лишил Румынию возможности претендовать на вступление в НАТО. Отвечая на данную критику, Илиеску спустя много лет говорил, что такая возможность сохранялась, поскольку после окончания холодной войны НАТО не попадало под определение враждебного союза, представляющего угрозу другой стороне³⁵. Данная интерпретация далеко не очевидна, но была необходима Илиеску как аргумент против оппонентов.

Почему Румыния все же пошла на заключение договора с Советским Союзом? Можно выделить несколько ключевых причин. Бухарест на тот момент имел немало сложностей в отношениях с Западом. Главной их причиной была негативная оценка на Западе внутренних процессов в Румынии, а особенно подавления с помощью шахтеров выступлений либерально и прозападно настроенной оппозиции и студенчества в июне 1990 г. Данные действия подверглись на Западе жесткой критике. На проблемы в отношениях с США и Западом Илиеску указал в разговоре с Горбачёвым в апреле 1991 г.: по его словам, на Румынию оказывается давление извне, США блокируют выделение кредитов по линии МБРР и МВФ, а Запад «хочет воспользоваться нашим действительно тяжелым положением»³⁶. Как уже отмечалось, Бухарест также открыто выражал беспокойство по поводу ожидаемой асимметрии между Восточной и Западной Европой после роспуска структур советского блока.

Илиеску как политик, безусловно, проигрывал на Западе таким лидерам, как Л. Валенса и В. Гавел. Он был выходцем из коммунистической номенклатуры, на пике карьеры в компартии занимал должность секретаря ЦК по идеологии. То, что в юности он учился в Москве, а в конце 1980-х годов разделял идеи перестройки и социалистического обновления, создало ему «промосковский» имидж, который лишь укрепился после его прихода к власти, когда наметилось определенное сближение с СССР и установился личный контакт с Горбачёвым. Это порождало на Западе ревность и недоверие, тем более что Илиеску как политик с коммунистическим прошлым мог казаться временной,

³³ Конец эпохи... С. 845.

³⁴ *Fati S., Goșu A. Iliescu a acționat pentru apărarea intereselor URSS-ului.* [Incl. interviu cu P. Roman] // *Evenimentul Zilei*, 26.07.2004. <https://www.hotnews.ro/stiri-arhiva-1262128-iliescu-actionat-pentru-apararea-intereselor-urss-ului.htm> (дата обращения: 30.06.2022).

³⁵ *Iliescu I. Fragmente de viață...* Р. 181.

³⁶ Конец эпохи... С. 843.

переходной фигурой. По крайней мере, никто из его коллег из стран советского блока, сделавших карьеру при социализме, у власти не удержался. В этих условиях снижался интерес западных лидеров к личным контактам с Илиеску. Исключением была разве что Франция: президент Франсуа Миттеран в апреле 1991 г. совершил государственный визит в Румынию, что было связано в первую очередь с особыми историческими и культурными связями двух стран (с 1993 г. Румыния стала членом Франкофонии). В США и Великобритании румынского лидера фактически игнорировали, что контрастировало с тем, что Валенсу, Гавела, венгерских руководителей А. Гёнца и Й. Анталла не раз торжественно принимали в США, организовывали им встречи на высшем уровне, а в случае Валенсы и Гавела — даже выступления на совместном заседании палат Конгресса. Понимая, что на Западе ему не доверяют, Илиеску тем более был заинтересован в поддержании хороших личных отношений с Горбачёвым.

Сильную озабоченность в Румынии вызывало то, что ее не принимали в расчет при формировании Вышеградской тройки в составе Венгрии, Польши и Чехословакии. Политическая динамика этих стран вызвала на Западе одобрение, они все время находились в центре внимания политиков и СМИ, формируя образ «новой Центральной Европы». На этом фоне Румыния проигрывала: ее образ был существенно менее привлекательным, падение социализма там сопровождалось вспышками насилия и тяжелым социально-экономическим кризисом, у власти оказались выходцы из прежней номенклатуры. Страна вызвала ассоциации не с Центральной Европой, а со своими балканскими соседями. Идея Румынии присоединиться к Вышеградской группе не получила поддержки; страну не пригласили ни в Центральноевропейскую ассоциацию свободной торговли (ЦЕФТА), ни на встречу глав государств Центральной Европы [1. С. 27–28].

Особенно важными для Румынии в данном контексте были отношения с Венгрией. Повышенное международное внимание к проблеме национальных прав венгерского меньшинства стало заметным еще в последние годы власти Чаушеску. Фигура венгра-священника Л. Тёкеша оказалась в центре декабрьских событий 1989 г., которые привели к свержению коммунистического режима. После недолгого периода революционной эйфории, охватившей как румын, так и венгров, национальный вопрос в Трансильвании вновь обострился, особенно в районах, где их доля в населении была сопоставимой. В марте 1990 г. в результате межэтнических столкновений в Тыргу-Муреше не удалось избежать человеческих жертв. В Бухаресте с тревогой отнеслись к нашедшим заявлениям венгерского лидера Анталла в июне 1990 г. о том, что он хочет действовать не только как глава правительства десятимиллионной Венгрии, «но в душе и чувствах как премьер-министр 15 миллионов венгров»³⁷. А. Нэстасе, в ту пору глава румынского МИД, впоследствии отметил, что «слабость Румынии и привилегированная позиция Венгрии в политических отношениях с Западом создавали нездоровую асимметрию, отличавшую румыно-венгерские отношения»³⁸. С учетом того, что в Европе возрастала угроза возникновения конфликтов на этнической почве (а события в Тыргу-Муреше усиливали данные опасения), Нэстасе сделал вывод, что «СБСЕ не мог предложить нам необходимые гарантии безопасности», а «иную систему коллективной безопасности невозможно было создать в один миг»³⁹.

³⁷ *Antall J. Selected Speeches and Interviews / ed. by G. Jeszensky. Budapest: Antall József alapítvány, 2008. P. 29.*

³⁸ *Năstase A. România după Malta. Vol. 1. P. 35.*

³⁹ *Năstase A. România după Malta. Vol. 1. P. 29.*

Немаловажным фактором сближения с СССР была и экономическая слабость Румынии. Не имея доступа к западным кредитам и переживая сильнейший кризис экономической модели, Бухарест остро нуждался в материальной помощи. Экономические проблемы усиливались негативными последствиями прежнего курса на сверхцентрализацию и автаркию во времена Чаушеску, а также решением о переходе на валютные расчеты в рамках СЭВ. На переговорах министров в Москве в марте 1991 г., завершившихся парафированием советско-румынского договора, Нэстасе предложил СССР по своей инициативе сделать широкий жест в адрес Румынии и в качестве примера привел США, простивших Польше 70% долга во время визита президента Валенсы⁴⁰. Особенно важными для Румынии были вопросы о сохранении на прежнем уровне сократившихся поставок советского природного газа, нефти и снижения цены на импортную электроэнергию. Данные вопросы поднимались в ходе визита в Москву советника президента Румынии по внешней политике И.М. Пашку в феврале 1991 г.⁴¹

На решение Румынии подписать базовый договор с СССР повлияло также то, что он представлял дополнительную возможность установить прямые отношения с союзными республиками — в первую очередь, с Молдавией⁴². В Бухаресте с пристальным вниманием следили за событиями в республике. Перестройка устранила ограничения, сдерживавшие развитие румынского национального чувства в Молдавии. Однако непродолжительный период массовой эйфории (массовые митинги в Кишинёве, получившие по аналогии с румынской историей название Великие национальные собрания, переход на латиницу, «мост цветов» через Прут, принятие румынского триколора и гимна) быстро сменился обострением общественно-политической обстановки. Возникли очаги напряженности в Приднестровье и Гагаузии. Молдавская номенклатурная элита во главе с президентом Снегуром, которая вначале поддерживала националистов из Народного фронта как элемент давления на Москву, по мере ослабления союзного центра начала менять свою позицию. По свидетельству республиканского министра внутренних дел И. Косташа, Снегур говорил политикам: «Неужели вы думаете, что, если мы объединимся (с Румынией. — *И.П.*), то я буду президентом, а вы — депутатами и министрами?»⁴³.

В этих условиях Илиеску придерживался относительно сдержанной и реалистичной позиции. В отличие от премьер-министра Романа, периодически делавшего громкие заявления по молдавскому вопросу, Илиеску стремился не создавать для Румынии дополнительных сложностей в отношениях с СССР, а, наоборот, хотел воспользоваться сближением с Москвой для легализации и активизации прямых контактов с Молдавией в разных сферах. При этом в парламенте, общественном мнении, СМИ, среди оппозиции доминировали более радикальные настроения. Например, в ноябре 1991 г. румынский парламент заявил о непризнании украинского референдума о независимости на исторических территориях Бессарабии и Северной Буковины, которые «никогда не принадлежали Украине и по праву принадлежат Румынии»⁴⁴. Имея в виду различные по содержанию, зачастую противоречащие друг другу заявления по «бессарабскому вопросу», Илиеску просил

⁴⁰ *Năstase A. România după Malta. Vol. 4. P. 164—165.*

⁴¹ Конец эпохи... С. 837.

⁴² *Iliescu I. Fragmente de viață... P. 181.*

⁴³ *Косташ И. Дни затмения: Хроника необъявленной войны. Кишинёв: Изд-во «Универсул», 2010. С. 240.*

⁴⁴ *Declarația Parlamentului României privind Referendumul din Ucraina, din 1 decembrie 1991 // Monitorul Oficial al României, 1991. 29 XI. An. III. Nr. 243. P. 1.*

Горбачёва «понять то, что мы вынуждены высказываться по-разному, говорить разным языком с разными людьми»⁴⁵. Понятно, что такая позиция не устраивала Москву, но в то же время там отдавали себе отчет в том, что «румынский президент придерживается в целом более умеренных взглядов, чем премьер-министр»⁴⁶.

Вскоре после подписания договора румынская сторона предупредила Москву, что у нее могут возникнуть сложности с ратификацией соглашения, если в аналогичные договоры с другими восточноевропейскими странами не попадут формулировки о неучастии в военных союзах и непредоставлении национальной инфраструктуры третьим странам⁴⁷. Оставались нерешенными проблемы по комплексу вопросов: румынская сторона просила увеличить поставки энергоносителей, но задерживала валютные платежи за них, настаивала на ускоренных переговорах по делимитации морских границ и континентального шельфа вокруг острова Змеиный. Все это «привязывалось к теме ратификации советско-румынского договора» и было «элементом политической игры и нажима»⁴⁸. Стремительно ухудшалась и ситуация в Молдавии, румынские заявления на эту тему вызывали в Москве все большее беспокойство, воспринимались как «выдвижение открытых претензий на Молдову»⁴⁹. Так, премьер-министр Роман называл Молдавию «вторым румынским государством», населенным «братьями-румынами за Прутом»⁵⁰.

И все же вплоть до августа 1991 г. позиция Румынии в отношении СССР продолжала выделяться на общем восточноевропейском фоне. Примером тому служит речь Илиеску на церемонии роспуска ОВД в Праге в июле 1991 г.⁵¹: он упомянул, что организация оказывала не только негативное, но и положительное влияние, а на смену ей приходит разрыв в уровне безопасности в разных странах Европы. По его словам, важнейшим средством обеспечения безопасности является заключение двусторонних договоров при сохранении элементов ранее существовавших многосторонних связей между странами ОВД. Илиеску подверг критике НАТО за решение создать силы быстрого реагирования и в числе основных угроз упомянул рост центробежных сепаратистских тенденций.

Водоразделом во внешней политике Румынии начала 1990-х годов стала реакция на августовские события в Москве. Они показали Бухаресту, что ставка на сохранение особых отношений с Советским Союзом не оправдалась. С началом событий Румыния направила во все ведущие западные столицы специальных эмиссаров высокого ранга с просьбой поддержать ее и устранить все препятствия для развития отношений⁵². Уже в октябре 1991 г. президент Румынии направил генеральному секретарю НАТО заявление о решимости укреплять связи с НАТО (альянсом) и добиваться последующей интеграции в альянс [3. 70]. Бухарест в одночасье переориентировался на Запад и впоследствии уже не отступал от этой линии, а правящие силы Румынии постарались максимально дистанцироваться от своего прежнего курса в отношении

⁴⁵ Конец эпохи... С. 844.

⁴⁶ Конец эпохи... С. 840.

⁴⁷ Квицинский Ю.А. Время и случай. С. 130.

⁴⁸ Квицинский Ю.А. Время и случай. С. 159.

⁴⁹ Квицинский Ю.А. Время и случай. С. 158.

⁵⁰ Declarația de Independența. Adoptarea. Distrugere prin ardere. Restabilirea / [alcăt.]: V. Sandulachi. Chișinău: Combinatul Poligrafic, 2011. P. 237.

⁵¹ Pașcu I. M. Jurnal de... P. 209–217.

⁵² Pașcu I. M. Jurnal de... P. 225.

Москвы. Поле для маневра румынской дипломатии сузилось, и ее позиция стала совпадать с линией Вышеградской тройки, стремившейся к максимальному сближению с Западом вплоть до вступления в НАТО и европейские интеграционные объединения.

События августа 1991 г. существенно повлияли и на румынскую политику в отношении Молдавии. 27 августа 1991 г. Румыния первой в мире признала независимость Молдавии. При этом в декларации правительства говорилось, что «провозглашение независимого румынского государства на территориях, присоединенных силой по итогам секретных договоренностей пакта Молотова — Риббентропа, представляет собой решающий шаг на пути мирного устранения его несправедливых последствий»⁵³. В комментариях для СМИ премьер-министр Роман добавил, что народ Молдавии «выбрал независимость; когда народ выберет большее, необходимо будет принять [это] во внимание и быстро действовать в этом направлении»⁵⁴. Впрочем, в ходе переговоров Илиеску со Снегуром в сентябре 1991 г. вопрос об объединении не ставился⁵⁵. Глава румынского МИД Нэстасе впоследствии подробно анализировал, почему объединение не могло случиться в начале 1990-х годов. Он указал на неопределенный уровень общественной поддержки в Молдавии, присутствие советских войск, наличие действующих международных соглашений о границах и отсутствие поддержки великих держав, без которой не могло идти речи об объединении⁵⁶. Не желало его и руководство Молдавии, которое не поддерживало идею договора о братстве и интеграции, предложенного Румынией в начале 1992 г. [6. Р. 21–22]. Между тем политические сложности не препятствовали созданию основ для постепенного усиления румынского культурного влияния: в молдавских школах стали изучать «историю румын» по иностранным учебникам, а в последние месяцы 1992 г. была восстановлена деятельность Бессарабской митрополии Румынской православной церкви, поддержавшей «священную идею национального воссоединения» [9. Р. 108–110].

В 1992 г. румынская дипломатия попыталась принять активное участие в международных усилиях по урегулированию приднестровского конфликта. 23 июня 1992 г. в разгар вооруженного конфликта в Бендерах Снегур позвонил Илиеску и взволнованно убеждал его «сделать что-нибудь»; президент Румынии немедленно связался с Б.Н. Ельциным и попросил его отдать приказ о прекращении огня. Российский президент согласился при условии, что Снегур сделает то же самое, о чем Илиеску сообщил ему и получил согласие⁵⁷. На этом основании представители румынских властей делали вывод, что Илиеску «сыграл решающую роль в прекращении огня»⁵⁸. Однако данные оценки представляются завышенными с учетом того, что в целом попытки Румынии выступить посредником обернулись неудачей, встретив противодействие как России, так и Украины. Вначале Киев блокировал идею участия Илиеску во встрече лидеров четырех стран⁵⁹, а когда она все же состоялась в Стамбуле 25 июня 1992 г., сразу стало очевидным, что Россия и Украина заранее скоординировали

⁵³ Declarația de Independență... Р. 472.

⁵⁴ Declarația de Independență... Р. 476.

⁵⁵ Костаи И. Дни затмения: Хроника... С. 240.

⁵⁶ Năstase A. România după Malta. Vol. 1. Р. 33–34.

⁵⁷ Pașcu I. M. Jurnal de... Р. 405.

⁵⁸ Pașcu I. M. Jurnal de... Р. 405.

⁵⁹ Snegur M. Labirintul destinului. Memorii. [În 6 vol.] Vol. 2. Îndependența: între euforie și zbucium. Chișinău: Fundația «Draghiștea», 2008. Р. 637.

свою позицию⁶⁰. После этого Румыния выпала из переговорного процесса и не принимала участия в разработке Соглашения об основных принципах урегулирования конфликта, подписанного в июле 1992 г.

Приднестровский конфликт и его результат болезненно воспринимались в Румынии. После распада СССР конфликт с самого начала помешал Румынии выстроить конструктивные отношения с Москвой в новых реалиях. Прервались личные контакты между Ельциным и Илиеску, установленные в 1991 г. и первоначально отличавшиеся взаимным доверием (Илиеску провел отдельную встречу с Ельциным еще как с председателем Верховного совета РСФСР в апреле 1991 г., а в августе 1991 г. позвонил поддержать его во время противостояния с ГКЧП). Россия стала восприниматься в Румынии в первую очередь как конкурент за влияние в Молдавии. В условиях тяжелого кризиса 1990-х годов Москве нечего было предложить Румынии, а сам Бухарест не демонстрировал интереса к развитию двусторонних отношений.

Подводя итоги эволюции румынской внешней политики в 1989–1992 гг., можно сказать, что в данный период был заложен фундамент современного курса страны по всем ключевым направлениям. Попытки Бухареста продолжать традиционный многовекторный курс быстро сменились однозначной ориентацией на Запад с целью вступления в западную систему союзов. Распались соседние государства: СССР и СФРЮ, что усиливало нестабильность на границах страны и дополнительно стимулировало дальнейшее сближение с Западом. Связи с Москвой, вначале получившие определенный импульс, быстро сменились не только охлаждением, но и первым серьезным кризисом в 1992 г., вызванным событиями в Приднестровье. Началось открытое соперничество с Россией за влияние в Молдавии. Относительно осторожный курс в отношении этой страны сменился все более явным стремлением к созданию условий для ее объединения с Румынией, что вызвало в Кишинёве беспокойство и нежелание форсировать события. Все перечисленные процессы имели длительные последствия. Короткий переходный период завершился формированием новой внешнеполитической доктрины, которую Румыния последовательно реализовывала в последующие десятилетия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОВД – Организация Варшавского договора
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ФНС – Фронт национального спасения
ЦЕФТА – Центральноевропейская ассоциация свободной торговли

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. СПб.: Алетейя, 2013. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов / отв. ред. Ю.С. Новопашин. 864 с.

Илиеску И. Румыния – возрождение надежды. М.: Логос, 2002. 208 с.

Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 576 с.

Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / сост.: И.В. Казарина, Т.М. Кузьмичева, М.Ю. Прозументчиков (отв. сост.), П. Ругенталер. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 951 с.

Косташ И. Дни затмения: Хроника необъявленной войны. Кишинев: Изд-во «Универсул», 2010. 704 с.

⁶⁰ Pașcu I. M. Jurnal de... P. 407.

- Ланшин В.А. К 30-летию декабрьских событий в Румынии // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 42–59.
- Мусатов В.Л. К 30-летию революции в Румынии // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 147–165.
- Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М.: Весь мир, 2010. 944 с.
- Панкин Б.Д. Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно, 1993. 272 с.
- Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся на наших глазах // Еженедельник 2000. 2014. № 41. С. 28–29.
- Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М.: Издательство «Европа», 2009. 428 с.
- Antall J. Selected Speeches and Interviews / ed. by G. Jeszensky. Budapest: Antall József alapítvány, 2008. 422 p.
- Declarația de Independența. Adoptarea. Distrugere prin ardere. Restabilirea / [alcăt.]: V. Sandulachi. Chișinău: Combinatul Poligrafic, 2011. 768 p.
- Declarația Parlamentului României privind Referendumul din Ucraina, din 1 decembrie 1991 // Monitorul Oficial al României. 1991. 29 XI. An. III. Nr. 243. P. 1.
- Documente Diplomatice Române. Seria a III-a. România și Tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și adjuncților lor (1966–1991) / sub îngr.: M. Anton. Buzău: Alpha MDN, 2009. 1275 p.
- Fati S., Goșu A. Iliescu a acționat pentru apărarea intereselor URSS-ului. [Incl. interviu cu P. Roman] // Evenimentul Zilei, 26.07.2004. <https://www.hotnews.ro/stiri-arhiva-1262128-iliescu-actionat-pentru-apararea-intereselor-urss-ului.htm> (accessed: 30.06.2022).
- Iliescu I. Fragmente de viață și de istorie trăită. București: Litera Internațional, 2011. 544 p.
- Năstase A. România după Malta. 875 de zile la Externe. În 10 vol. București: Fundația Europeană Titulescu, 2006–2011.
- Pașcu I.M. Jurnal de... «Front»: 1990–1992. București: Editura RAO, 2010. 416 p.
- Roman Jr. T. Sergiu Celac: «Am contribuit la înființarea legală a SIE» [Interviu cu S. Celac] // Jurnalul. ro. 15.12.2011. <https://jurnalul.ro/special-jurnalul/interviuri/sergiu-celac-am-contribuit-la-infiintarea-legala-a-sie-599314.html> (accessed: 17.01.2022).
- Snegur M. Labirintul destinului. Memorii. [În 6 vol.] Vol. 2. Independența: între euforie și zăbucium. Chișinău: Fundația «Draghiște», 2008. 890 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лошаков А.А. Стратегия, основные направления и особенности реализации внешней политики Румынии при президенте Йоне Илиеску: дис. ... канд. ист. наук / ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2008. 227 с.
2. Покивайлова Т.А. Судьба румынского золота в России 1916–2020. Очерки истории. СПб.: Алтейя, 2021. 268 с.
3. Язькова А.А. Юго-Восточная Европа: долгая дорога к евроинтеграции // Современная Европа. 2005. № 2. С. 69–82.
4. Beschloss M.R., Talbott S. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. Boston, Little, Brown, and Company, 1993. 498 p.
5. Celac S., Dungaciu D. Romanian-Russian Relations Since 1989 // Russia and East Central Europe After the Cold War. A Fundamentally Transformed Relationship / Ed. by A. Zagorski. Prague: Human Rights Publishers, 2015, pp. 323–360.
6. Cojocea P.D. Istoria unui tratat controversat: Tratatul de parteneriat privilegiat și de cooperare între România și Republica Moldova. Chișinău: ZAMOLXE, 2000. 244 p.
7. Roth R.E. Sinatra Doctrine, Kvitsinsky Doctrine, Warsaw Pact and the Soviet «Finlandization» of Romania's Foreign Policy in the Early 1990s. Romanian Review of Political Sciences and International Relations. 2015. Vol. 12. No. 2. Pp. 112–129.
8. Siani-Davies P. The Romanian Revolution of December 1989. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. 315 p.
9. Simion A. Naționalismul românesc în primul deceniu postcomunist. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2018. 436 p.

REFERENCES

- Loshakov A.A. *Strategiia, osnovnyye napravleniia i osobennosti realizatsii vneshnei politiki Rumynii pri prezidente Ione Ilijesku*: dis. ... kand. ist. nauk. Lobachevsky State University Publ., Nizhny Novgorod, 2008, 227 s. (In Russ.)
- Pokivailova T.A. *Sud'ba rumynskogo zolota v Rossii 1916–2020. Ocherki istorii*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2021, 268 p. (In Russ.)
- Beschloss M.R., Talbott S. *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War*. Boston, Little, Brown, and Company Publ., 1993. xiv + 498 p.
- Iaz'kova A.A. Iugo-Vostochnaia Jevropa: dolgaia doroga k jevrointegratsii. *Contemporary Europe*, 2005, no. 2, pp. 69–82. (In Russ.)
- Celac S., Dungaciu D. Romanian-Russian Relations Since 1989 // *Russia and East Central Europe After the Cold War. A Fundamentally Transformed Relationship*, ed. by A. Zagorski. Prague, Human Rights Publishers Publ., 2015, pp. 323–360.
- Cojocea P.D. *Istoria unui tratat controversat: Tratatul de parteneriat privilegiat și de cooperare între România și Republica Moldova*. Chișinău, ZAMOLXE Publ., 2000, 244 p. (In Romanian)
- Roth R. E. Sinatra Doctrine, Kvitsinsky Doctrine, Warsaw Pact and the Soviet «Finlandization» of Romania's Foreign Policy in the Early 1990s. *Romanian Review of Political Sciences and International Relations*, 2015, vol. 12, no. 2, pp. 112–129.
- Siani-Davies P. *The Romanian Revolution of December 1989*. Ithaca and London, Cornell University Press Publ., 2005, 315 p.
- Simion A. *Naționalismul românesc în primul deceniu postcomunist*. Cluj-Napoca, Editura MEGA Publ., 2018, 436 p. (In Romanian)

Информация об авторе:

Путинцев Игорь Сергеевич,
 кандидат исторических наук, доцент
 Московского государственного института
 международных отношений (университета)
 Министерства иностранных дел
 Российской Федерации,
 г. Москва, Российская Федерация.
 ORCID: 0000-0002-2576-4467
 E-mail: isp90@mail.ru

Information about the author:

Putintsev Igor S.,
 Ph D. (History), Ass. prof. of Moscow State
 Institute of International Relations (University)
 of the Ministry of Foreign Affairs
 of the Russian Federation,
 Moscow, Russian Federation.
 ORCID: 0000-0002-2576-4467
 E-mail: isp90@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 1, с. 37–50

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 37–50

DOI: 10.31857/S0869544X0024749-6

Оригинальная статья / Original Article

Правонационалистические партии Польши (народовцы) в 90-е годы XX века

© 2023 г. О.Ю. Михалев

Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)

mikhalev2003@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возникновение и деятельность в период посткоммунистической трансформации в Польше правонационалистических партий, апеллирующих к традициям национальной демократии Р. Дмовского. Показаны их методы деятельности, отношения партий между собой и с другими политическими силами, участие в избирательных кампаниях, а также выдвигаемые идеи и политические требования. Проанализированы причины, по которым народовцы в 1990-е годы не смогли занять прочных позиций на польской политической сцене.

Ключевые слова: Польша, политические партии, политическая борьба, правонационалистические партии, национализм, народовцы.

Ссылка для цитирования: Михалев О.Ю. Правонационалистические партии Польши (народовцы) в 90-е годы XX века // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 37–50. DOI: 10.31857/S0869544X0024749-6

Right-wing Nationalist Parties (*Narodovtsy*) in Poland in the 1990s

© 2023. Oleg Yu. Mikhalev

Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)

mikhalev2003@mail.ru

Abstract. The article examines the emergence and activities of right-wing nationalist parties in Poland, which appealed to the traditions of national democracy by R. Dmowski, during the period of post-communist transformation. Their methods of activity, relations between them and with other political forces, participation in election campaigns, as well as their ideas and political demands are shown. The author analyzes the reasons, why in the 1990s these parties failed to take a strong position on the Polish political scene.

Keywords: Poland, political parties, political struggle, nationalist parties, nationalism, narodovtsy (natives).

Reference for citation: *Mikhalev Oleg. Right-wing Nationalist Parties (Narodovtsy) in Poland in the 1990s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 1. P. 37–50. DOI: 10.31857/S0869544X0024749-6*

Понятие «националисты» в польской политической традиции очень прочно ассоциируется с последователями Романа Дмовского, однако понятно, что такая интерпретация термина неточна. Взгляды партий, считающих себя продолжателями идей Ю. Пилсудского, с не меньшим основанием можно назвать националистическими, сильная составляющая национализма присутствует в идеологии консервативных и христианско-демократических сил, не говоря уже о крайних националистических, профашистских группировках, которые в Польше по закону не могут быть зарегистрированы в качестве партий. Поэтому для конкретизации понятия в польской историографии часто применяется термин «народовцы» («narodowcy»), который О.Б. Неменский предложил использовать и в русском языке, дабы не прибегать к слову «народник», которое имеет совершенно иную коннотацию [2. С. 25]. Я тоже буду им пользоваться, дабы отграничить партии, возводящие происхождение к довоенным национал-демократам, от других разновидностей польских националистов.

С самого начала в лагере народовцев дезинтеграционные тенденции преобладали над попытками объединения, в связи с чем в рассматриваемый период в него входило несколько десятков группировок, различающихся во взглядах и тактике действий [5. С. 113]. Далеко не все из них можно назвать партиями, да и среди получивших такой статус сколь-либо заметный след оставили лишь немногие. Здесь заслуживают внимания пять партий.

Национальная партия (НП, *Stronnictwo Narodowe*) появилась на политической сцене 8 июля 1989 г. Ее основали ветераны еще предвоенного националистического движения во главе с Яном Матлаховским (поэтому к названию партии часто добавляют определение «сеньориальная», чтобы не путать с другими подобными группировками). Она объявила себя наследницей традиций довоенных национал-демократов, политической мысли Р. Дмовского и продолжательницей дела основанной в 1928 г. одноименной партии, которая в 1930-е годы была одной из наиболее массовых и влиятельных в Польше. 83-летний Матлаховский умер в начале ноября 1989 г., и в отсутствие однозначного лидера руководство партии отличалось нестабильностью, ежегодно меняясь на каждом съезде. Однако наибольшее влияние со временем получил Мацей Гертых — сын одного из видных деятелей довоенных националистов Енджея Гертыха, профессор биологии и публицист. Весной 1991 г. он возглавил высший совет НП. М. Гертых придерживался антиамериканских, антиевропейских и пророссийских взглядов, а также стремился дистанцироваться от «Солидарности», что в националистическом движении далеко не всем пришлось по вкусу. Персональные трения, претензии НП на монополизацию наследия довоенного националистического движения, некоторые небесспорные политические решения (например о поддержке на президентских выборах 1990 г. выдвиженца Крестьянской партии Р. Бартоше), обвинения в сотрудничестве в прошлом некоторых членов с прокоммунистическими структурами привели к тому, что предпринимаемые партией попытки объединения националистических групп (как, например, проведение в сентябре 1990 г. в Варшаве объединительного съезда) оказались неудачными.

Не сумев найти союзников, НП решила участвовать в парламентских выборах 1991 г. самостоятельно. Она подготовила программу под названием «Поверим в силу польского народа». В ней утверждалось, что «социалистическая

идеология не подходит католическому народу», поэтому должна быть решительно отброшена. Однако и некритичное принятие капитализма также невозможно. НП требовала максимально препятствовать экспансии иностранного капитала, поддерживать отечественных производителей, в первую очередь семейные предприятия, что позволяло, помимо экономической, решать еще и социальную задачу укрепления семьи как основы общества. В целом партия считала необходимым ограничить внешнеэкономические связи, полагая, что такая большая страна, как Польша, может самостоятельно обеспечивать себя необходимой продукцией, преимущественно аграрной. Недоверие к Западу проявлялось и в том, что НП опасалась, что зависимость от СССР может смениться подчинением Германии и мировому финансовому капиталу. Поэтому она скептически относилась к идее вступления в Европейское сообщество, в котором главную роль играет Германия, настаивала на необходимости сохранения национального суверенитета и выстраивания дружественных отношений с тогда еще существовавшим Советским Союзом, который мог бы уравновесить западное влияние¹.

Однако предложенные НП лозунги не вызвали доверия избирателей, вследствие чего с 0,9% голосов она осталась за стенами парламента. Важными причинами поражения стали внутренние распри и трения с другими партиями правого фланга, а также отсутствие поддержки со стороны Католического костела, который предпочел сделать ставку на христианско-демократические силы. Можно даже сказать, что в ходе избирательной кампании у НП в глазах большей части поляков сложился негативный имидж, связанный с антисемитскими выпадами, которые допускали в выступлениях Гертых и другие руководители партии [8. S. 80]. Столь чувствительное поражение партия пережила с большим трудом. В начале 1992 г. от нее откололась группа во главе с Богуславом Рыбицким, который основал Национальную партию «Отчизна» (она без особых успехов просуществовала до 1996 г.). Вслед за Рыбицким ушли некоторые региональные отделения НП, а потом от партии откололось еще несколько групп. Фактически на время ее деятельность прекратилась. Единственным проявлением жизни стало нерегулярное появление бюллетеня «*Opoka w kraju*» («Опора в стране»), который издавался Гертыхом собственными силами в провинциальном Курнике, где он работал профессором биологии [4. S. 75–76].

Лишь приход в НП нескольких деятелей, вышедших из Национально-демократической партии, позволил восстановить деятельность. В 1993 г. начали возрождаться региональные отделения, увеличилось число членов (по некоторым оценкам, до 5 тыс. человек, в том числе до 200 скинхедов, однако с ними партия сотрудничала неохотно, боясь компрометации). В разных городах страны прошло несколько митингов под националистическими и ксенофобскими лозунгами. Тем не менее слабость НП была очевидной, из-за чего на парламентские выборы 1993 г. она не могла пойти самостоятельно. Договориться с другими народовцами не удалось, поэтому Гертых принял очень спорное решение поддержать консерваторов из Союза реальной политики в обмен на 25% мест в его списках кандидатов, в том числе для двух своих сыновей. Некоторые региональные комитеты отказались следовать данным курсом и вместе с НП «Отчизна» и другими правыми группировками вошли в состав Коалиции для Речи Посполитой [8. S. 83–84]. В итоге ни те, ни другие в Сейм не

¹ Program wyborczy Stronnictwa Narodowego: «Uwierzymy w siłę polskiego narodu» // Wybory 1991. Programy partii i ugrupowań politycznych / pod red. I. Słodkowskiej. Warszawa: ISP PAN, 2001. S. 183–185.

попали: полученные результаты не позволили даже приблизиться к преодолению пятипроцентного барьера. Столь же неудачно завершилась попытка Гертых баллотироваться на президентских выборах 1995 г. — ему не удалось собрать необходимое для регистрации количество подписей.

Неудачи показали, что для достижения нужных результатов на выборах НП необходимо более настойчиво доносить до общества свою позицию, используя самые разные инструменты коммуникации. Партия начала активно взаимодействовать с организацией «Всепольская молодежь», воссозданной в 1989 г. как «наследницы лучших традиций народовского лагеря»². В течение нескольких лет ее возглавлял Роман Гертых. НП издавала несколько бюллетеней, в том числе региональных, проводила научно-популярные конференции, посвященные наследию Дмовского, организовывала кампании по бойкоту импортных товаров, демонстрации и шествия. Как правило, свои мероприятия партия стремилась приурочить к 3 мая (принятие конституции 1791 г.) или 11 ноября (День независимости, связанный с воссозданием польского государства в 1918 г.). Со временем последняя дата стала наиболее значимой для всех польских националистов, они пытались монополизировать этот государственный праздник, стремясь сделать свои марши главным событием дня.

Недостаточность предпринятых усилий показала предвыборная кампания 1997 г. Не имея шансов на получение депутатских мандатов самостоятельно, НП присоединилась к коалиции под названием «Национально-христианско-демократический блок для Польши», куда также вошли деятели «Беспартийного блока поддержки реформ», ряда правых крестьянских партий и общественных организаций. Блок зарегистрировал своих кандидатов во всех избирательных округах, причем в семи из них представители НП шли первыми. Программа Блока, выдержанная в духе национальных и католических ценностей, была значительно умереннее взглядов народовцев. В частности, в ней одобрялись развитие рыночной экономики, правда, при условии поддержки малых и средних производств, приватизация и интеграция Польши в ЕС и НАТО³, тем самым, в сущности, что мало чем отличалось от предложений других правых сил. Идеиная невыразительность, пожалуй, и стала главной причиной неудачи на выборах. Хотя создатели Блока оптимистично рассчитывали на 8–10% голосов, он смог набрать лишь 1,36%, вследствие чего ни один из его кандидатов в сейм не попал. М. Гертых объяснял поражение происками СМИ, находящимися под контролем либералов, однако наблюдателям было очевидно, что блоку пришлось сражаться за одного и того же избирателя с другими правыми объединениями — «Избирательной акцией “Солидарность”» и Движением восстановления Польши. Такие соперники были ему не по зубам. В сравнении с ними кандидаты «Национально-христианско-демократического блока для Польши» были малоизвестны, а предвыборная кампания — вялой и бесцветной [4. С. 81–82].

Новое поражение определило безальтернативность для лидеров НП курса на объединение с Национально-демократической партией (НДП), который позволил бы, наконец, преодолеть раскол в движении народовцев. 18–19 декабря 1999 г. в Варшаве был проведен объединительный конгресс, создавший новую партию под прежним названием — Национальная партия. Она

² Подробнее о «Всепольской молодежи» см. [2. С. 43–44].

³ См.: Deklaracja programowa Narodowo-Chrześcijański-Demokratycznego Bloku dla Polski // Wybory 1997. Programy partii i ugrupowań politycznych / pod red. I. Słodkowskiej i M. Dołbakowskiej. Warszawa: ISP PAN, 2004. С. 37–51.

позиционировалась как еще одна сила, наряду с «Польским соглашением», находящаяся справа от «Избирательной акции» «Солидарность», и провозглашала антилиберальные и антиевропейские лозунги. Руководящие посты поделили между собой представители обеих партий (председателем стал Богуслав Ковальский из НДП, первым вице-председателем Р. Гертых, а главный совет возглавил М. Гертых), однако объединение шло трудно. Бывшие члены НДП не хотели полностью потерять субъектность своей партии и продолжали сохранять организационную обособленность. Весной 2001 г. они заявили о смене названия на Лигу польских семей (ЛПС) и объединении с рядом общественных организаций народного характера в предвыборную коалицию. Ее успех на парламентских выборах 2001 г. побудил руководство НП осенью 2002 г. принять решение об отказе от статуса партии и преобразовании ее в общественную организацию, предложив ее членам вступать в ЛПС [7. S. 183–184]. Собственно, процесс перетока членов НП в новую, более широкую правую партию шел уже вовсю, и именно по ее спискам четыре кандидата от НП прошли в сейм. Впервые представители народовцев смогли получить депутатские мандаты.

В апреле 1991 г. группа сторонников 79-летнего Яна ЗамоЙского (потомка известного аристократического рода) при поддержке деятелей эмигрантских националистических кругов объявила о создании *Национально-демократической партии* (НДП, *Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne*). Она обратилась к тем же традициям и идеям довоенных националистов, что и НП, а также наследию одноименной партии, функционировавшей в 1897–1919 гг. Собственно, слово «демократическая» появилось в названии партии только потому, что название «Национальная партия» уже было присвоено конкурирующей группой. Поскольку ЗамоЙский в силу преклонного возраста не мог полноценно руководить партией, фактически ее возглавил гораздо более молодой (1964 года рождения) Богуслав Ковальский [3. S. 84; 4. S. 147–149].

НДП считалась наиболее умеренной из группировок народовцев. Действительно, некоторые положения в подготовленной к выборам 1991 г. программе были скорее характерны для правоцентристских партий. Наряду с общими для народовцев тезисами, что главной ценностью является польский народ, что необходимо укреплять государство, выражающее интересы народа, поддерживать Католическую церковь, являющуюся опорой национальных традиций, и семью как основу общества, программа содержала и менее свойственные националистам положения. Характеризуя либеральные экономические реформы как направленные на «разграбление польского национального имущества иностранным капиталом», приведшие к обнищанию населения и росту безработицы, НДП требовала ускорения приватизации, в том числе возвращения национализированного коммунистами имущества прежним владельцам. В области внешней политики, выражая традиционное для народовцев опасение возможного доминирования Германии и выступая за развитие добрососедских отношений с Россией, партия тем не менее позитивно оценивала процесс европейской интеграции, правда, при условии, что он не будет задевать суверенитет входящих в состав сообщества государств⁴.

Хотя НДП с самого начала заявила о себе как о силе, нацеленной на консолидацию всех группировок народовцев, к соперникам из НП ее отношение было резко

⁴ Deklaracja ideowo-polityczna Stronnictwa Narodowo-Demokratycznego // Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1991. S. 1–7. Документ имеется в коллекции документов партий, собранных Институтом политологии Вроцлавского университета (Archiwum partii politycznych Instytutu Politologii Uniwersytetu Wrocławskiego. Teczka 1042. Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne).

негативным. Их обвиняли в неспособности сформулировать современную программу, архаическом языке, отсутствии политической культуры и даже в проникновении в партию бывших членов ПОРП, муссолинизме и слишком левых взглядах, компрометирующих националистическое движение [8. S. 103]. Поэтому от рассматривавшейся поначалу идеи слияния двух партий НДП отказалась. В выборах 1991 г. она решила участвовать самостоятельно, но ни одного места в сейме не получила, однако Замойский был избран членом сената (от Замоиского воеводства!) и в качестве старейшего депутата председательствовал на первом его заседании.

Впрочем, это не помогло усилить позиции НДП. Как и в случае с ее конкуренткой, после бурного начала и неудачных выборов 1991 г. в деятельности партии наметился спад. Число членов, оцениваемое в середине 1991 г. в тысячу человек, сокращалось, откололось несколько региональных отделений. В сентябре 1992 г. НДП добилась объединения с «Национальной партией в эмиграции», что позволило не только претендовать на право называться продолжательницей довоенной эндеции, но и получить солидную финансовую помощь, а также издавать еженедельник «*Myśl polska*» («Польская мысль»), являвшийся наиболее крупным печатным органом народовцев. Но, несмотря на это, НДП превратилась в типичную «диванную» партию, которая почти никак не проявляла себя в публичном пространстве: уличной активности она сторонилась изначально и дистанцировалась от протестов, которые поддерживались другими националистическими группами, проявляла свою позицию разве что в публикации заявлений и программных документов. В апреле 1993 г. партия даже выработала собственный проект конституции, предусматривавший создание в Польше президентской республики, в которой будут защищаться католические ценности, национальные традиции, семья и отечественные производители, в первую очередь крестьянские хозяйства (подробнее см. [5. S. 123–144]).

НДП достаточно быстро убедилась в ограниченности потенциала националистов и с 1993 г. стала налаживать сотрудничество и с правоцентристскими силами, надеясь посредством взаимодействия с более крупными партиями сместиться с обочины политической жизни в ее эпицентр. В какой-то мере ей это удалось, чему способствовало чувствительное поражение правых на парламентских выборах 1993 г., в первую очередь, из-за их раздробленности. После выборов одна за другой начали создаваться коалиции с задачей вывести правых из состояния кризиса. В ноябре 1993 г. НДП вошла в состав «Соглашения 11 ноября», которое составили несколько партий консервативной, христианско-демократической и крестьянской ориентации, находившиеся в оппозиции к доминирующим на правом фланге Христианскому национальному объединению (ХНО) и «Соглашению центра». Последнее было чрезвычайно эклектичным объединением, поэтому просуществовало недолго. Однако оно позволило НДП войти, по выражению Я. Томашевича, в «салоны большой политики» [8. S. 111]. В ноябре 1994 г. партия участвовала в «Конвенте святой Катажины» — блоке более десятка правых партий, созданном под патронатом варшавского епископа в соборе святой Катажины, откуда и произошло название. Основной целью Конвента было выдвижение единой кандидатуры на предстоящих президентских выборах, но этого, впрочем, не удалось добиться. НДП выступила в поддержку Л. Валенсы на президентских выборах 1995 г. и деятельно участвовала в его избирательной кампании. Один из руководителей партии, Б. Ковальский, даже выполнял обязанности его пресс-секретаря. После поражения Валенсы НДП продолжила искать союзников на правом фланге и вошла в состав «Избирательной акции “Солидарность”», образованной

в июне 1996 г. Блок составили около двух десятков партий и объединений, поэтому в идейном плане он был очень рыхлым и во многом не устраивал народовцев. Уже в феврале 1997 г. НДП вместе с рядом правых группировок создали фракцию внутри объединения под названием «Соглашение правых сил», а затем и вовсе вышли из коалиции под тем предлогом, что в ней возобладали «евро-либерально-космополитические взгляды» [8. S. 112–113]. В итоге на парламентские выборы 1997 г. деятели НДП пошли в составе списков Польской крестьянской партии. Это закончилось очередной неудачей – кандидаты народовцев получили совсем немного голосов, и ни один из них в сейм не попал.

Бесплодные метания НДП по разным коалициям вызвали в партии разочарование в идее широкого правого блока. Все они были слишком аморфными, быстро рассыпались, да и идеологически не соответствовали взглядам народовцев. Поэтому НДП, ранее смотревшая в сторону центра, в конце 1990-х годов начала сдвигаться вправо, и закономерным итогом этого движения стало упомянутое выше объединение с НП. Уже в течение 1998 г. было проведено несколько совместных мероприятий, а 19 апреля 1999 г. председатель НДП Б. Ковальский обратился к руководству НП с предложением о сотрудничестве. Объединительный съезд состоялся 18–19 декабря 1999 г., однако НДП продолжала числиться в реестре партий и сохранять свои организационные структуры. Это облегчило ей самостоятельную деятельность весной 2001 г., когда возникли условия для образования новой правой коалиции. 5 марта партия, слившись, как указывалось выше, с НП, вошла в ЛПС и стала, таким образом, основой правого блока, которому наконец-то удалось пробиться в парламент [4. S. 158–159].

Если НП и НДП, при всех особенностях их мировоззрения, можно рассматривать как системные партии, действовавшие в рамках существовавшего законодательства и воспринимавшиеся другими участниками политической борьбы как потенциальные партнеры, то на крайнем правом фланге имелось несколько группировок, которые, хотя и смогли получить легальный статус в качестве партий, считались экстремистскими, а их лидеры «нерукопожатными». Остальные акторы политической сцены предпочитали не взаимодействовать с ними, опасаясь компрометации. Одной из таких группировок являлась *Национальная партия «Щербец»* (НП «Щербец», *Stronnictwo Narodowe «Szczerbiec»*). Ее основатель и лидер – Мариан Бараньский – включился в общественно-политическую деятельность еще во второй половине 1970-х годов. Сначала он создал Польский комитет защиты жизни и семьи, выступавший против действовавшего тогда закона, разрешавшего аборт, и пользовался в этом начинании полной поддержкой Католической церкви. Однако вскоре это Бараньскому показалось недостаточным, и в 1978 г. он переименовал свою организацию в Комитет польской самообороны, который начал распространять самиздатовский листок «*Samoobrona Polska*» («Польская самооборона»). Острые критики этого издания было направлено против «жидомасонов»: они всячески вредят польскому народу и Католической церкви – не только навязали Польше социализм, но и проникли в антикоммунистическую оппозицию. Авторы высказывались против как социализма, так и капитализма, считали толерантность и права человека «масонской выдумкой», а также призывали к «очищению польского народа»⁵.

⁵ *Leszczyński A.* Senat chce uczcić obsesyjnych antysemitów, dla których KOR to «mafia żydowska». OKO.press powiadamia wszystkich senatorów // OKO.press. 2017. 07.10. URL: <https://oko.press/senat-chce-uczniec-obsesyjnych-antysemitow-dla-ktorych-kor-mafia-zydowska-oko-press-powiadamia-wszystkich-senatorow/> (дата обращения 15.02.2022).

Когда в Польше стала возможной легальная политическая деятельность, Бараньский решил возродить традиции довоенной эмиграции. 26 августа в одной из варшавских церквей было объявлено о воссоздании Национальной партии. Однако вскоре выяснилось, что партия с таким названием уже существует, поэтому группе Бараньского пришлось добавить слово «Щербец» — название древней польской реликвии, коронационного меча королей из династии Пястов, которым, по преданию, Болеслав Храбрый еще в 1018 г. ударил в Золотые ворота захваченного Киева, отчего на лезвии меча образовалась зазубрина (или шербина). Под названием НП «Щербец» партия Бараньского в октябре 1990 г. была зарегистрирована в Варшавском окружном суде. С момента образования она выпускала газету «*Głos Narodu*» («Голос народа»), которая, впрочем, выходила нерегулярно — всего несколько номеров в год. Тональность публикаций в сравнении с предыдущим периодом не изменилась: газета критиковала Бальцеровича и проводимую им экономическую реформу, которая «уничтожает экономику» и «грозит существованию народа», загоняя его в долги перед иностранным капиталом, опасалась объединения Германии и возможной немецкой агрессии, объявляла европейскую интеграцию «происками мирового масонства», стремящегося лишить народы независимости. В целом происходящие в стране и мире процессы характеризовались как «переход от коммунистической идеологии к масонской»⁶.

Для партии с подобными идеями даже ее соседки по лагерю народовцев казались недостаточно правыми. Поэтому, даже располагая ничтожной численностью (в 1992 г. она оценивалась в 100 человек) [8. S. 94], НП «Щербец» не спешила вступать в блоки. Острая критика в адрес других партий правого фланга заранее обрекала время от времени предпринимавшиеся попытки к сближению на провал. НП обвинялась в том, что была слишком левой и принимала в свои ряды бывших коммунистов, НДП — проевропейской и уделявшей недостаточное внимание национальным интересам. Зато партия Бараньского нашла общий язык со скинхедами. С их участием в 1992–1993 гг. было проведено несколько демонстраций в разных городах Польши под националистическими и антисемитскими лозунгами [8. S. 97–98]. Однако такое сотрудничество не пошло НП «Щербец» на пользу, окончательно уничтожив ее имидж в глазах системных сил. В партии начали нарастать кризисные явления. Сам Бараньский в июне 1993 г. заявил о прекращении политической деятельности: официально — потому что его семья подвергалась угрозам со стороны политических противников, неофициально — из-за обвинений в сотрудничестве со спецслужбами социалистической Польши. Фактически к концу 1993 г. сохранилось только отделение партии в Люблине, которое продолжало проявлять уличную активность, организуя немногочисленные манифестации и пикеты. Некоторое оживление в деятельности НП «Щербец» произошло в 1995–1997 гг., когда она вновь попыталась вступить в диалог с другими правонационалистическими силами. Партия начала сближаться с НП и даже приняла участие в парламентских выборах 1997 г. в составе коалиции «Национально-христианско-демократический блок для Польши». В списки Блока вошли фамилии четырех представителей НП «Щербец», в том числе Бараньского, который решил вернуться к политической деятельности и баллотировался по варшавскому округу [4. S. 114–115]. Неудача на выборах положила конец

⁶ См., например, *Głos Narodu*. Wrzesień 1990. № 4. S. 1–3. Газета сохранилась в коллекции документов партий, собранных Институтом политологии Вроцлавского университета (Archiwum partii politycznych Instytutu Politologii Uniwersytetu Wrocławskiego. Teczka 821. Stronnictwo Narodowe «Szczerec»).

активной деятельности партии, а в 2002 г. она была вычеркнута Варшавским окружным судом из реестра политических партий.

Что любопытно, с прекращением существования НП «Щербец» Мариан Бараньский не исчез полностью из общественной жизни Польши, и несколько раз его фигура оказывалась в эпицентре скандала. В 2014 г. он дал волю и ранее высказывавшимся антиукраинским взглядам⁷, написав «открытое письмо российскому народу и властям РФ». В нем Бараньский возложил ответственность за украинскую кровь на «империалистический Запад во главе с американской администрацией, киевскую хунту и политических марионеток из Польши». Несмотря на такое нетипичное для польского политика высказывание, в 2017 г. Сенат предложил отметить заслуги Бараньского в борьбе с коммунистами и оценить его вклад в борьбу за запрет аборт. В 2020 г. Бараньский вошел в штат созданного по инициативе министра культуры Петра Глинского Института наследия национальной мысли имени Р. Дмовского и И. Падеревского⁸. Такие знаки внимания к «борцу с жидокоммуной» либеральная пресса оценивала как неприемлемые.

Группировкой схожего характера являлось *Национальное возрождение Польши* (НВП, *Narodowe Odrodzenie Polski*). Оно достаточно детально описано в отечественной литературе [1. С. 36–43; 2. С. 30–36], поэтому здесь ограничусь лишь краткой характеристикой его деятельности в 1990-е годы. На своей интернет-странице НВП называет себя «дольше всего существующей действующей формацией народовцев», указывая датой образования 10 ноября 1981 г.⁹ Однако поначалу это был скорее дискуссионный клуб националистически настроенной молодежи, который после введения военного положения вынужден был уйти в подполье, где пытался наладить выпуск периодических изданий, наиболее заметным из которых стал журнал «*Jestem Polakiem*» («Я поляк»), созданный и редактируемый Адамом Гмурчиком, со временем ставшим единоличным лидером организации. Во второй половине 1980-х годов НВП было, пожалуй, наиболее заметной из националистических группировок, постоянно участвуя в демонстрациях, шествиях, забастовках. Четкого идейного лица оно еще не обрело, характеризуя себя как «союз людей, любящих народ и родину», но уже тогда остро критически относилось к другим группам народовцев, считая их коллаборантскими, прокоммунистическими, а то и излишне антисемитскими [8. С. 65–66].

Возникшая в 1989 г. новая политическая реальность на время дезориентировала НВП. Группировка долго не могла найти свое место в изменившихся условиях, ее колебания усугублялись внутренними конфликтами между сторонниками ориентации на умеренную линию классической эндации и радикалами, тяготеющими к союзу со скинхедами и нацеленными на борьбу с «жидомасонами».

⁷ В начале 1992 г. руководимый им «*Głos Narodu*» так характеризовал появление независимой Украины: «Масонство добилось своего, 24 августа 1991 г. Украина провозгласила декларацию независимости. Это странное, искусственное образование, своим острием направленное как против России, так и против Польши». Далее украинцам припоминалась волынская резня как их «вечное хобби — резать ляхов» (*Głos Narodu*. Styczeń/Luty 1992. № 1–2. С. 4.).

⁸ *Kurczab-Redlich K.* Człowiek Glińskiego składa hołd Putinowi. W Polsce ma uczyć patriotyzmu // *Wyborcza*. pl. 2020. 20.07. c <https://wyborcza.pl/7,75398,26142683,czlowiek-glinskiego-sklada-hold-putinowi-w-polsce-ma-uczyc.html?disableRedirects=true#S.DT-K.C-B.1-L.1.duzy: undefined> (accessed 16.02.2022); *Ferfecki W.* Senat uczyli walczącego z ydokomuną narodowca // *Rzeczpospolita*. 2017. 27.09. URL: <https://www.rp.pl/spoleczenstwo/art2419471-senat-uczci-walczacego-z-zydokomuna-narodowca> (дата обращения 16.02.2022).

⁹ Historia NOP // *Narodowe Odrodzenie Polski*. URL: <https://www.nop.org.pl/historia-nop/> (дата обращения 17.02.2022).

Одно время НВП пыталось даже войти в состав правокатолического ХНО, но сотрудничество длилось недолго. Кризис удалось преодолеть в 1992 г. 22 апреля группировка была зарегистрирована в качестве политической партии, завязывались контакты с другими националистическими группами и организацией «Международная третья позиция», объединявшей ряд европейских националистических и неонацистских групп. Но самое главное — начала расширяться сеть региональных отделений, прежде всего за счет молодежи, в том числе скинхедов, разочаровавшихся в деятельности других группировок. В 1997 г. количество членов НВП оценивалось от 500 до 3000 человек, их средний возраст составлял 28 лет [8. S. 153–154]. Партия в этот период не проявляла интерес к предвыборным баталиям (первый раз ее члены попытались баллотироваться в 1997 г., а на регулярной основе в выборах она начала принимать участие после 2001 г.), что вытекало из недоверия к демократической системе, поэтому главной формой ее деятельности стала уличная активность — пикеты, манифестации, митинги. Члены НВП не чурались применения насилия и неоднократно совершали нападения на проводимые левыми демонстрации, что заканчивалось стычками и даже ранениями. Кроме того, партия выделялась из других группировок народовцев большой публикационной активностью. В разных городах страны выпускалось более десятка газет и журналов, издавались книги, а также продавались диски и кассеты с музыкой националистического содержания, футболки с соответствующей символикой и т.д.

Строго говоря, НВП сложно считать частью движения народовцев. Скорее, это неонацистская группировка, которая, в восприятии других эндецких организаций, только компрометирует наследие Р. Дмовского. Однако радикализм НВП оказался привлекателен для части молодежи. Благодаря связям со скинхедами и футбольными фанатами партия является единственной из возникших в начальный период трансформации националистических структур, которая не только пережила 1990-е годы, но и продолжает действовать в настоящее время.

Пожалуй, наиболее экзотической партией крайне правого фланга было *Польское национальное сообщество* (ПНС, *Polska Wspólnota Narodowa*). Его основателем и бессменным лидером был Болеслав Тейковский — фигура чрезвычайно скандальная даже для народовцев. Он начал общественно-политическую деятельность еще в начале 1950-х годов, будучи студентом краковского политехнического института. Однако тогда Тейковский искал себя в рамках существовавшей системы, занимал должности в Союзе польской молодежи и ПОРП и даже пытался баллотироваться в сейм. После 1956 г. он был исключен из партии за поддержку студенческих волнений, а в середине 1960-х годов в его сознании произошел переворот. Тейковский не просто перешел на националистические и антисемитские позиции, но, посчитав первопричиной всех польских бед католицизм (как религию еврейского происхождения), увлекся, как он считал, исконно славянской неоязыческой религией. Он объявил себя верховным жрецом бога Святовида, начал практиковать языческие обряды. В октябре 1981 г. им был организован съезд, на котором провозглашено создание Польского союза национального сообщества с той же антикатолической позицией и апелляцией к славянским культурным корням. Он действовал недолго, поскольку его лидер в период военного положения был интернирован и возобновил общественную активность только в конце 1980-х годов¹⁰.

¹⁰ Подробнее о биографии Тейковского можно прочитать, например, в [9].

В условиях бурной политической жизни рубежа 1980–1990-х годов поначалу немногочисленная группа сторонников Тейковского стала быстро расти и укрепляться организационно. В декабре 1990 г. ПНС было зарегистрировано как политическая партия. К этому времени оно уже получило первый опыт участия в выборах: Тейковский попытался баллотироваться в президенты, но не смог собрать необходимого количества подписей. Популярность ПНС еще более выросла после того, как либеральная «*Gazeta Wyborcza*» («Газета избирателя») в начале июля 1991 г. опубликовала большое интервью с Тейковским. Предполагалось, что выделение столь неоднозначной фигуры предпринято для компрометации движения народовцев, однако эффект получился обратным. Тейковский превратился в фигуру № 1 среди националистов, к нему массово потянулись скинхеды. Количество членов партии превысило четыре тысячи человек. Под ее эгидой в различных городах страны проводились манифестации под антиеврейскими, антинемецкими, антикоммунистическими и антиэмигрантскими лозунгами. Многие из них заканчивались столкновениями с полицией или политическими противниками, главным образом анархистами. Зафиксированы случаи нападения ее сторонников на иностранцев, прежде всего, с темным цветом кожи. Радикальные призывы Тейковского быстро попали в поле зрения прокуратуры. Уже осенью 1991 г. началось расследование выступлений лидера ПНС в ходе предвыборной кампании, в которых он допускал выпады антисемитского характера, сеял межнациональную рознь и публично оскорблял действовавшую власть, утверждая, что она отдала Польшу «еврейскому и немецкому капиталу» и проводит откровенно антинародную политику¹¹. Дело тянулось долго — Тейковский то скрывался от следствия (при этом не упуская возможности выступить на митингах или даже по телевидению), то подвергался психиатрической экспертизе, пока в конце концов в октябре 1994 г. не был приговорен варшавским районным судом к году заключения под стражей с отсрочкой приговора на два года [8. S. 146–147].

ПНС негативно отзывалось о других правых партиях, обвиняя их в выражении «еврейско-немецких интересов, чуждых польскому народу». Те не оставались в долгу. Агрессивные и ксенофобские выходки Тейковского осуждались большинством группировок народовцев. Они считали, что его деятельность порочит все националистическое движение, создает ему негативный имидж и может быть использовано для его делегализации. Зато ПНС нашло общий язык с националистами из других стран, в том числе из России, участвуя в деятельности Славянского собора Станислава Карпова и Александра Баркашова [4. S. 24]. Интерес к националистам из других стран и стремление с ними сотрудничать были в целом нехарактерны для польских народовцев и стали еще одним признаком, выделяющим ПНС из этого движения.

С 1993 г. активность ПНС пошла на спад. Скинхеды начали переходить в другие группировки, прежде всего, в НВП. Мероприятия партии проводились все реже, а ее состав становился малочисленнее. От Тейковского откололись несколько групп, а большинство региональных отделений становились самостоятельными. Тем не менее ПНС все еще пыталось обозначать свое присутствие в политической сфере, в том числе посредством участия в избирательных кампаниях разных уровней. Однако результаты каждый раз были более чем скромными. На парламентских выборах 1991 г. кандидатам от партии Тейковского удалось собрать 0,05% голосов, в 1993 г. — 0,11, в 1997 г. — 0,07,

¹¹ Rasizm po polsku // *Gazeta Wyborcza*. 1992. 12.03. S. 3.

в 2001 г. — 0,02% [4. S. 27, 29]. Столь же неутешительными были итоги участия в местных выборах — ни одному выдвиженцу ПНС не удалось получить депутатского мандата. Фактически к концу 1990-х годов деятельность партии замерла. Вокруг Тейковского осталась лишь небольшая группа сторонников, которые обозначали себя, издавая разного рода заявления (например с призывом отказаться от вступления в НАТО и ЕС). В выборах после 2001 г. они уже не участвовали. ПНС существует и в настоящее время. Оно ведет сайт¹², правда не слишком регулярно. Насколько можно судить, этим ее активность и ограничивается, а влияние на общественную жизнь стремится к нулю.

На всем протяжении 1990-х годов партии народовцев оставались на краю политической сцены. Тому находится несколько причин. Во-первых, несоответствие выработанной более полувека назад идеологии современным реалиям. Ставка на национализм и католические традиции оказалась чужда обществу, воспитанному в социалистический период на ценностях интернационализма и атеизма. Обращение к «поляку-католику» находило отклик лишь в очень ограниченных и постоянно сокращающихся социальных группах, за которые еще и приходилось бороться с партиями христианско-демократического направления. Во-вторых, глубокая раздробленность движения народовцев, вызванная не только политическими противоречиями, но и персональными амбициями и антипатиями, создавали ему в глазах большинства поляков имидж вечно ссорящихся маргиналов, не способных к ответственным действиям. В-третьих, кадровая и организационная слабость, нишевый характер собственных изданий и отсутствие информации о них в крупных общенациональных СМИ, эпизодическая деятельность большинства организаций делали народовцев малопривлекательным партнером для других акторов политической сцены. Крупные правоцентристские партии не хотели с ними сотрудничать, опасаясь, что это может им только навредить. Поэтому если народовцам и удавалось заключать союзы, то с такими же слабыми партиями. Эти альянсы имели мало шансов на электоральный успех и распадались после первой же неудачи. Постоянные поражения на выборах не добавляли народовцам привлекательности как потенциальным союзникам. Наконец, их ориентация на сотрудничество с Россией и недоверие к Западу шли вразрез с основным внешнеполитическим трендом постсоциалистической Польши. После сорока лет доминирования Москвы польское общество нацелилось на «возвращение в Европу», и народовцы, призывавшие не вступать в НАТО и ЕС, не встречали понимания. Однако потенциал правонационалистических партий отнюдь не был исчерпан. Они располагали таким мощным резервом, как поддержка католической церкви. В начале XXI в. народовцы сумели ее получить, что вылилось в успехи Лиги польских семей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛПС — Лига польских семей
- НВП — Национальное возрождение Польши
- НДП — Национально-демократическая партия
- НП — Национальная партия
- НП «Щербец» — Национальная партия «Щербец»
- ПНС — Польское национальное сообщество
- ПОРП — Польская объединенная рабочая партия
- ХНО — Христианское национальное объединение

¹² Polska Wspólnota Narodowa. URL: <http://pwn.info.pl/> (дата обращения 15.03.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Deklaracja ideowo-polityczna Stronnictwa Narodowo-Demokratycznego // Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1991. 13 s.
- Deklaracja programowa Narodowo-Chrześcijański-Demokratycznego Bloku dla Polski // Wybory 1997. Programy partii i ugrupowań politycznych / pod red. I. Słodkowskiej i M. Dołbakowskiej. Warszawa: ISP PAN, 2004. S. 37–51.
- Perfecki W. Senat uczyi walczącego z żydokomuną narodowca // Rzeczpospolita. 2017. 27.09. URL: <https://www.rp.pl/spolecznostwo/art2419471-senat-uczci-walczacego-z-zydokomuna-narodowca> (дата обращения 16.02.2022).
- Głos Narodu. Wrzesień 1990. № 4. S. 1–3.
- Głos Narodu. Styczeń/Luty 1992. № 1–2. S. 4.
- Historia NOP // Narodowe Odrodzenie Polski. URL: <https://www.nop.org.pl/historia-nop/> (дата обращения 17.02.2022).
- Kurcza b - Redlich K. Człowiek Glińskiego składa hołd Putinowi. W Polsce ma uczyć patriotyzmu // Wyborcza.pl. 2020. 20.07. URL: <https://wyborcza.pl/7,75398,26142683,czlowiek-glinskiego-sklada-hold-putinowi-w-polsce-ma-uczyc.html?disableRedirects=true#S.DT-K.C-B.1-L.1.duzy:undefined> (дата обращения 16.03.2022).
- Leszczyński A. Senat chce uczyć obsesyjnych antysemitów, dla których KOR to «mafia żydowska». OKO.press powiadamia wszystkich senatorów // OKO.press. 2017. 07.10. URL: <https://oko.press/senat-chce-uczyc-obsesyjnych-antysemitow-dla-ktorych-kor-mafia-zydowska-oko-press-powiadamia-wszystkich-senatorow/> (дата обращения 15.03.2022).
- Polska Wspólnota Narodowa. URL: <http://pwn.info.pl/> (дата обращения 15.03.2022).
- Program wyborczy Stronnictwa Narodowego: «Uwierzymy w siłę polskiego narodu» // Wybory 1991. Programy partii i ugrupowań politycznych / pod red. I. Słodkowskiej. Warszawa: ISP PAN, 2001. S. 183–185.
- Rasizm po polsku // Gazeta Wyborcza. 1992. 12.03. S. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лыкошина Л.С. Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского. М.: ИНИОН РАН, 2016. 81 с.
2. Неменский О.Б. Крайне правые в современной Польше // Правый радикализм в Восточной Европе / отв. ред. Л.Н. Шаншиева. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 22–81.
3. Bojarowicz T. Partie i ugrupowania prawicowe w Polsce po 1989 roku. Toruń: Mado, 2013. 402 s.
4. Maj Cz., Maj E. Narodowe ugrupowania polityczne w Polsce (1989–2001). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. 364 s.
5. Maj E. Alternatywne projekty konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej: przypadek środowisk neoendeckich // Horyzonty Polityki. 2018. Vol. 9, № 28. S. 123–144.
6. Maj E. Myśl narodowa i nacjonalistyczna // Myśl polityczna w Polsce po 1989 roku. Wybrane nurty ideowe / red. E. Maj, A. Wójcik. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. S. 113–148.
7. Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej / pod red. K.A. Paszkiewicz. III wyd. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. 255 s.
8. Tomaszewicz J. Ugrupowania neoendeckie w III Rzeczypospolitej. Toruń: Adam Marszałek, 2003. 389 s.
9. Witkowski P. Sto twarzy Benka Tejkowera // Krytyka Polityczna. 2018. 28.08. URL: <https://krytykapolityczna.pl/kraj/sto-twarzy-benka-tejkowera/> (дата обращения 17.03.2022).

REFERENCES

- Bojarowicz T. *Partie i ugrupowania prawicowe w Polsce po 1989 roku*. Toruń, Mado Publ., 2013, 402 p. (In Pol.)
- Lykoshina L.S. *Radikal'nyi natsionalizm v sovremennoi Pol'she v svete ideinogo naslediiia Romana Dmovskogo*. Moscow, INION RAN Publ., 2016, 81 p. (In Russ.)
- Maj Cz., Maj E. *Narodowe ugrupowania polityczne w Polsce (1989–2001)*. Lublin, Wydawnictwo UMCS Publ., 2007, 364 p. (In Pol.)
- Maj E. Alternatywne projekty konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej: przypadek środowisk neoendeckich. *Horyzonty Polityki*, 2018, vol. 9, no. 28, pp. 123–144. (In Pol.)

- Maj E. Myśl narodowa i nacjonalistyczna. *Myśl polityczna w Polsce po 1989 roku. Wybrane nurty ideowe*, red. E. Maj, A. Wójcik, Lublin, Wydawnictwo UMCS Publ., 2008, pp. 113–148. (In Pol.)
- Nemenskiy O.B. Kraine pravyje v sovremennoi Pol'she. *Pravyi radikalizm v Vostochnoi Jevrope*, / otv. red. L.N. Shanshijeva, Moscow, INION RAN Publ., 2018, pp. 22–81. (In Russ.)
- Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej*, pod red. K.A. Paszkiewicz, III wyd. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Publ., 2004, 255 s. (In Pol.)
- Tomasiewicz J. *Ugrupowania neoendeckie w III Rzeczypospolitej*. Toruń, Adam Marszałek Publ., 2003, 389 s. (In Pol.)
- Witkowski P. Sto twarzy Benka Tejkowera. *Krytyka Polityczna*. 2018. 28.08. URL: <https://krytykapolityczna.pl/kraj/sto-twarzy-benka-tejkowera/> (accessed 17.03.2022). (In Pol.)

Информация об авторе:

Михалев Олег Юрьевич,
кандидат исторических наук,
доцент Воронежского
государственного университета,
г. Воронеж, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-6536>
E-mail: mikhalev2003@mail.ru

Information about the author:

Mikhalev Oleg Yu.,
Ph D. (History), associate of Voronezh State
University, Voronezh, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-6536>
E-mail: mikhalev2003@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 1, с. 51–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 51–64

DOI: 10.31857/S0869544X0024717-1

Оригинальная статья / Original Article

О важности изучения внутренней истории литературных языков (на примере словацкого литературного языка)

© 2023 г. К.В. Лифанов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

lifanov@hotmail.com

Аннотация. Изучение внутренней истории литературного языка позволяет изменить представления о его развитии, основанные исключительно на истории внешней. Внутренняя история — это прежде всего изучение формирования и изменения нормы путем сравнения текстов, относящихся к разным синхронным срезам. Так, сравнение языка переводов на словацкий язык Священного Писания, осуществленных в 1756–1759 гг. и 1830 г., с кодификацией А. Бернолака (1787–1790) показывает, что они представляют собой два этапа формирования одной и той же нормы, которую даже кодификация не смогла существенно изменить, а лишь скорректировать в основном в области правописания. В этом отношении кодификация А. Бернолака не является начальным этапом в развитии словацкого литературного языка, истоки которого восходят к более раннему периоду.

Ключевые слова: литературный язык, внешняя и внутренняя история, норма и кодификация, бернолаковский литературный язык, переводы Священного Писания, текстологический и аналитический способ формирования нормы.

Ссылка для цитирования: Лифанов К.В. О важности изучения внутренней истории литературных языков (на примере словацкого литературного языка) // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 51–64. DOI: 10.31857/S0869544X0024717-1

On the Importance of Studying the Internal History of Literary Languages (on the Example of the Slovak Literary Language)

© 2023. Konstantin V. Lifanov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

lifanov@hotmail.com

Abstract. The study of the internal history of a literary language allows you to change ideas about its development, based solely on the history of the external. Internal history is primarily the study of the formation and change of its norm by comparing texts related to different synchronous levels. So, comparisons of the language of translations into the Slovak language of the Holy Bible, carried out in 1756–1759 and 1830, with the

codification of A. Bernolak (1787) shows that they represent two different stages of the formation of the same norm, which even codification could not significantly changed, but only corrected, mainly in the field of spelling. In this regard, A. Bernolak's codification is not the initial stage in the development of the Slovak literary language, the origins of which date back to an earlier period.

Keywords: literary language, external and internal history, norm and codification, Bernolak's literary language, translations of the Holy Bible, textual and analytical method of norm formation.

Reference for citation: *Lifanov Konstantin V.* On the importance of studying the internal history of literary languages (on the example of the Slovak literary language) // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 1. P. 51–64. DOI: 10.31857/S0869544X0024717-1

Хорошо известно, что разработка теории литературных языков явилась одним из наиболее значительных достижений Пражской лингвистической школы, представители которой открыли функциональный метод — ведущий метод в изучении истории литературных языков, а также показали специфику развития и функционирования литературного языка [9. S. 113]. Если ранее представители младограмматизма относили литературный язык к одному из аспектов внешней истории языка, то в понимании прагматов сам литературный язык имел как внешнюю, так и внутреннюю сторону развития. Так, уже в 1930 г. один из представителей «поколения основателей Пражского кружка» [13] словацкий лингвист Л. Новак подчеркивал необходимость изучения не только внешней, но и внутренней истории литературного языка, в частности словацкого: «Богатое словацкое идейное брожение сороковых годов прошлого (XIX в. — К.Л.) века, вызванное волной национальной идеи нетерпимости и венгерской концепции государства и подпитываемое идеалистической немецкой философией и особенно славянской интерпретацией гегелевской философии истории, приводило к возрастающему подъему и усилению гнетущей атмосферы напряженности. Культурное и политическое движение, включая краткий эпизод реального революционного сопротивления, вылилось в создание нового славянского литературного образования, в драматические события, которые произошли над его колыбелью, — все это в целом можно включить во внешнюю историю словацкого литературного языка, которая к настоящему времени уже достаточно изучена целым рядом исследователей, среди которых следует с благодарностью упомянуть главным образом Гурбана, Влчека, Годжу, Шкультеты, Пражака и Осуцкого. Иная ситуация с внутренней историей, которая до настоящего времени не была изложена специально, синтетически. Почти во всех работах о чешско-словацком расколе¹ хотя и можно прочесть большие или меньшие главы и заметки о чисто языковых явлениях, однако, к сожалению, нельзя не сказать, что они слабо документально подтверждены и критически осмыслены» [14. S. 73].

Подобное состояние было характерно для изучения многих литературных языков, поскольку сами литературные языки возникли значительно раньше появления теории литературных языков как самостоятельной лингвистической дисциплины. Началось и их изучение, но часто именно с изучения их внешней истории. Это было характерно для истории ряда славянских литературных языков, особенно тех, в истории которых важное, иногда решающее значение

¹ Имеется в виду кодификация словацкого литературного языка Л. Штуром в 40-е годы XIX в.

имела их кодификация, которая могла представлять собой поворотный момент. Это объяснимо тем, что зачастую кодификации рождались в идеологических спорах, которые разворачивались накануне или сразу же после их осуществления. Кроме того, материал кодификационных и других грамматик как бы лежит на поверхности и сразу же доступен для их изучения. Изучение же внутренней истории предполагает исследование значительного корпуса языкового материала, что делает возможным ее описание только в процессе накопления результатов анализа. Замечу, что и в названной работе Л. Новак обращается лишь к кодификации Л. Штура и работам М.М. Годжи и М. Гатталы, в которых давалась критическая оценка кодификации Л. Штура и предлагалась ее реформа. Реальные же тексты Л. Новак не изучал, и таким образом эволюция нормы в словацком литературном языке осталась не выявленной. Между тем именно становление нормы и исследование ее изменения является важнейшим аспектом изучения внутренней истории литературного языка. Более того, по мнению некоторых исследователей, история литературного языка — это история нормы (ср., например, [3. С. 8]).

С моей точки зрения, все же точнее бы было говорить о том, что история нормы является внутренней историей литературного языка, поскольку изучение его связи с историей народа, общественно-политическая ситуация в стране и ее отражение в литературном языке, кодификации литературного языка и т.д. также входят в задачи историка литературного языка, хотя изучение нормы и ее эволюции безусловно является важнейшим аспектом истории литературного языка. Более того, изучение внутренней истории может способствовать корректировке внешней истории, поскольку, возможно, позволит иначе взглянуть и на саму кодификацию, причем более объективно, а не только сквозь призму ее восприятия современниками.

В более позднее время изучению внутренней истории словацкого литературного языка не способствовало и широко распространенная в словакистике точка зрения Я. Горецкого, утверждавшего следующее: «При такой дифференциации национального языка (при отождествлении литературного языка с его кодификацией. — К.Л.) понятие нормы в существующей интерпретации не является необходимым. Можно сказать, что литературная форма национального языка представляет собой современную норму литературного языка, так как система является свойством национального языка в целом» [8. S. 19]. Замечу, что данное утверждение противоречит пониманию нормы представителями Пражской школы. Так, Б. Гавранек определяет норму как «комплекс языковых средств, грамматических и лексических (структурных и неструктурных), используемых регулярно» [7. S. 33]. Развивая свою мысль, Б. Гавранек пишет, что понимает языковую норму как систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка с задачей достичь намеченного в области его функционирования [1. С. 339–340]. Таким образом, норма соотносится не только с понятием системы, но и с функционированием.

Кодификация современных литературных языков отражает стремление кодификаторов представить в виде правил и рекомендаций реально существующую норму, но и в данном случае с нормой она не совпадает, так как не всегда успевает отразить ее изменения. В еще большей степени кодификация и норма не совпадали в прошлом, например уже в период славянского национального возрождения. Так, уже были показаны существенные расхождения между кодификацией словацкого литературного языка А. Бернолака и реально функционировавшим бернолаковским литературным языком (бернолаковщиной), причем эти

расхождения характеризовали не тексты отдельных авторов, а имели системный характер [12]. Остается, однако, нерешенной проблема связи бернолаковщины с добернолаковской нормой, что и является целью данной статьи.

В качестве объекта исследования развития письменной нормы доштуровского периода развития словацкого литературного языка я выбираю наиболее авторитетные тексты того времени, а именно, переводы Священного Писания. Существуют два полных перевода Священного Писания доштуровского периода. Первый называют Камальдульской Библией, перевод которой был осуществлен, вероятнее всего, в восточнословацком Красном монастыре (словацкое *Červený kláštor*; в настоящее время рядом с монастырем находится село Червены-Клаштор), принадлежавшем в это время камальдулам — монахам католической конгрегации² автономного типа. Перевод Камальдульской Библии был осуществлен в 1756–1759 (либо 1760) гг. предположительно монахом Ш.Р. Гадбавным (1714–1780) или под его руководством³, а издан лишь в 2002 г. Сведения о переводе существовали давно, однако сам текст был обнаружен только в 1946 г. в приходе села Цифер недалеко от Трнавы⁴. Красный монастырь также известен тем, что там в 1763 г. был составлен латинско-словацкий словарь «*Syllabus Dictionarij Latino-Slavonicus*», получивший наименование Камальдульский словарь, и переведены на словацкий язык широко известные духовные песни французского аббата-бенедиктинца Луи де Блуа (Блозиуса).

Второй полный перевод Священного Писания, на этот раз на бернолаковщину, стал результатом усилий эстергомского каноника Ю. Палковича (1763–1835) и был издан в 1829 и 1832 гг. Палкович был одним из наиболее активных членов Словацкого ученого товарищества, занимавшегося распространением бернолаковщины, редактором и издателем Словаря А. Бернолака.

В процессе работы был сопоставлен и проанализирован язык Книги Бытия (*Genesis*) двух названных доштуровских переводов, а также языковой материал, содержащийся в «Словацкой грамматике» (*Grammatica Slavica*) А. Бернолака [5]. Основными задачами данной работы стало выяснение того, существует ли преемственность языковой нормы этих переводов и какова роль кодификации Бернолака в процессе нормализации словацкого литературного языка. Замечу, что отсутствуют какие-либо сведения об использовании Палковичем Камальдульской Библии при переводе Священного Писания. Сам характер языка переведенных текстов (использование разных лексических единиц, построение предложений и иногда даже иной смысл и т.д.) ясно и убедительно подтверждает независимость перевода Палковича и еще более повышает ценность этих текстов, поскольку обнаруженные языковые сходства будут свидетельствовать не о вероятном заимствовании, а о поэтапном процессе формирования нормы, протекавшем в течение длительного времени.

Очевидное и наибольшее расхождение языка двух рассмотренных переводов представлено в их орфографии. При этом Палкович полностью руководствовался кодификацией Бернолака, что представляется совершенно естественным. Среди кодифицированных Бернолаком и используемых Палковичем графем полностью отсутствуют чешские графемы *ů*, *ě*, *ř*. В камальдульском переводе также практически отсутствуют графемы *ů*, *ř*, хотя первая последовательно

² «В католической церкви: религиозная организация, непосредственно связанная с каким-либо монашеским орденом, имеющая свой устав и состоящая из священнослужителей и мирян. 2. Учреждение, входящее в состав римской курии» [2].

³ Научные исследования до настоящего времени этот факт не подтвердили [10].

⁴ С 1996 г. найденный экземпляр Камальдульской Библии хранится в резиденции архиепископа в Трнаве.

фиксируется в лексеме *Bûh* 'Бог', но только в ней. Даже если в тексте употребляется старочешская флексия *-ûw*, она обозначается как *-ûw*. Ср. примеры:

- (1) Y učinil *Bûh* oblahu a oddělil wodi, které byli pod oblahu, od tych, které byli nad obláhu (K).
I učinil *Bôh* Oblohu, a oddělil Wodi, které boli pod Oblohu, od Wód, které boli nad Oblohu (P).
И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так (Быт I:7)⁵.
- (2) Ale y Lot, který byl z Abramem měl stáda owec, a stáda *dobytkúw*, a stánki (K).
Ale i Lot, kteří bol z Abrahamom, mal Stáda Owec, i Woli i Šatore (P).
И у Лота, который ходил с Аврамом, также был мелкий и крупный скот и шатры (Быт XIII:5).

Сложной является ситуация с фиксацией в Камальдульской Библии графемы *ě*, исключенной из словацкого литературного языка Бернолаком и, таким образом, отсутствующей в переводе Библии Палковича. В ряде случаев, как в позиции после губных, так и после переднеязычных, эта графема используется, причем довольно широко. Ср. примеры:

- (3) Ale wssak wodi gissli a umeňssowali se až do desátého *Měsyca*: nebo desátého *Měsyca*, prwnyho Dňa *Měsyca* ukázali se wrssky hor (K).
Ale wodi odchádzali a opádali až do desátého Mesáca; nebo desátého Mesáca prwného Dna Mesáca ukázali sa Wrchi *Hór* (P).
Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор (Быт VIII:5).
- (4) Tehdy Sáray Manžélka Abramowa, nerodila *Děti*, ale magjcy *děwku* Ogyptsku ménem Ágar (K).
Tedi Sára Manželka Abramowa, nebola porodila *Ďeti*, ale magíc *Ďewku* Egiptčanku Ménem Aġar (P).
Но Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У ней была служанка Египтянка, именем Агарь (Быт XVI:1).

В большом количестве примеров, однако, знак мягкости оказывается сдвинутым на предшествующую букву, причем это может быть буква, обозначающая как переднеязычный согласный, так и губной. При этом в некоторых случаях практически невозможно установить, находится ли этот знак над гласным или согласным. В бернолаковщине и позже в штуровщине мягкость парных мягких согласных обозначается над ними⁶, тогда как над губными этот знак устраняется, так как в словацком языке они являются непарными твердыми и их йотация перед *e* из *ě* не представлена. Ср. примеры:

- (5) *Žeňe* také *poweďel*: Rozmnožjm bjdi twé, a plodi twé: wbolésti rodit budess synuw a pod mocu Muža budess, a on panowat bude nad tebu (K).
Žeňe tež rekel: rozmnožim Bolesti twoge pri *Ĥehotnosti*, z *Bolestu bud'eš* rodit Sinow (*Ďeti*) a pod Mocu Muža tweho *bud'eš*, a on panowat *bud'e* nad tebu (P).

⁵ Буква К указывает на то, что пример был извлечен из Камальдульской Библии, буква Р — из перевода Палковича на бернолаковщину, римская цифра обозначает номер главы, а арабская — стиха. Кроме примеров из двух рассматриваемых вариантов перевода приводятся также соответствующие стихи, извлеченные из текста Священного Писания, размещенного на официальном сайте Московского Патриархата Русской православной церкви (дата обращения 14.06.2021: Бытие). <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/>.

⁶ Данная система обозначения парных мягких согласных была устранена в «Краткой грамматике словацкой» 1852 г. [11].

Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою (Быт III:16).

- (6) Kdiž sto *Rokúw* m'el: w tomto zagjstě w'eku otcowém, narozen gest Ysáak (K).

Kdiž mal Abraham sto *Roków*, w tom Weku Otcowem narodil sa Izák (P).

Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его (Быт XXI:5).

В соответствии с кодификацией Бернолака устраняется также типичная для чешского языка графема *y*, которая употребляется в Камальдульской Библии, хотя и непоследовательно и даже хаотично. Ср. примеры:

- (7) *Y* stworil Bůh *welrybi* weliké, a každú dussu žiwú *y hybagjú se* (K).

I stworil Bóh *Welribi* preweliké, i *wšeligakú* Dušu *žiwú a híbagjú sa* (P).

И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся (Быт I:21).

- (8) *Y wyhnal* Adama a postawil pred Ragem rozkossi Cherubjna, *y meč plaménny* a na obe dve strani *ostry aby* opatrowal cestu k drewu žiwota (K).

A wihnal Adama, a postawil pred Ragem Rozkoše, Cherubinow, s Mečom plamenním, a obratním k Ochráňení Cesti k Stromu Žiwota (P).

И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни (Быт III:24)⁷.

Тем не менее в орфографии рассматриваемых переводов Священного Писания также имеются общие черты, указывающие на то, что основой орфографии является чешскобратская система правописания⁸. К их числу относится, например, обозначение звука *j* как *g* или *í* как *j*. Звук *v* в обоих текстах обозначается как *w*. Ср. примеры:

- (9) Kdiž téhdy byli *wstali* odtud mužé, obrátili oči proty Sodom'e: y Abrahám spolu snyma *pokračowal wyprowaďagjcy gych* (K).

Kdiž teda odtád stali Muží, obratili Oči proti Sodome, a Abraham išel spolu *odprowaďagíce gích* (P).

И встали те мужи и оттуда отправились к Содому (и Гоморре); Авраам же пошел с ними, проводить их (Быт XVIII:16).

При этом, однако, бернолаковщина сохраняет чешскобратские особенности в меньшей мере, что демонстрирует, например, замена диграфа *ss*, обозначающего звук *ž*, соответствующей графемой, тогда как в Камальдульской Библии этот диграф еще сохраняется в полной мере. Ср. примеры:

- (10) *Y z každým žiwotem žiwým, který swama gest, gak s wtáctwa, tak z howad, y zewsseckých* dobytkuw zemských, které *wyssli* s korába, *y zewsseckyma* zwjratami zémskyma (K).

A z každú *Dušú* žiwú, která gest swami, tak Ptáctwa gak Howád, a *wše* Zwirat Zeme, které *wišli* s Korábu ze *wšemi* Žiwočích Zeme (P).

и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными (Быт IX:10).

⁷ Отмечу, что в приведенных примерах отклонением от этимологического написания является использование графемы *y* в сочинительном союзе (должно быть *i*), а во флексиях им. и вин. падежа мн. числа существительных женского рода, напротив, употреблено *i* (в соответствии с этимологией должно быть *welryby*, *strany*).

⁸ Чешскобратская система письма была разработана в общине чешских братьев и применена в Кралицкой Библии (1579–1593), ставшей на долгие годы эталоном языка как в Чехии, так и в Словакии.

Изменение орфографии, однако, не было связано исключительно с кодификаторской деятельностью Бернолака, а представляло собой процесс, который находил отражение в рассмотренных текстах. Так, в переводе Палковича, в соответствии с кодификацией Бернолака, начальное *и* уже не обозначается как *у*, что характеризовало чешскобратские тексты. В целом эта ситуация обычна уже в Камальдильской Библии, хотя единичные примеры с чешскобратским обозначением все еще фиксируются. Ср. примеры:

- (11) Ale sa stalo po mnohych dňoch, že byl ob'etowal Kayn z *Užitkúw zémskych* Dari Pánu (K).

Stalo sa ale po mnohých Dnoch, že obetowal Kain z *Urodi zemskeg* Dari Pánowi (P).
Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу (Быт IV:3).

- (12) Ya sem Pán, který sem teba wywédel z *Ur Kalděgskych*, abych tebe dal zem túto, y abys s ňu włádal (K).

Ga Pán, který sem ta wiwedel z *Ur Chaldegskich* abich ti dal Zem túto, abis gu włádal (P).

И сказал ему: Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение (Быт XV:7).

Таким образом, в области орфографии Палкович следует рекомендациям Бернолака, т.е. в данном случае бернолаковщина в переводе Священного Писания отражает кодификацию Бернолака. При этом орфография бернолаковщины (как кодификации, так и перевода Священного Писания), безусловно, связана с орфографией Камальдильской Библии, которая представляет собой переходный этап между традиционной чешскобратской орфографией и орфографией бернолаковщины.

Фонетические системы языка переводов Священного Писания в целом совпадают. Было выявлено лишь одно различие в составе фонем: в языке перевода Палковича представлена фонема *dz*, тогда как в Камальдильской Библии она отсутствует. Ср. примеры:

- (13) A potok *wycházal* z mjsta rozkossi, aby rág pokropowal, který sa odtud dělj na sstyri hlawné potoki (K).

A potok *wichádzal* z Místa Rozkoše k Swlažowáňi Raga, který sa odtád dělí na štiri hlawné Potoki (P).

Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки (Быт II:10).

- (14) Protož y swada sa stala *mezy* Pastyri stád Abramowych a Lotowych (K).

Odkad i stala sa Roztržitost *medzi* Pastíri Stád Abramowich, a Lotowich (P).

И был спор между пастухами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова (Быт XIII:7).

Представляется вполне логичным то, что в переводе Палковича названная фонема была представлена, так как ее кодифицировал Бернолак. Возникает, однако, вопрос, повлияла ли кодификация на язык перевода или, напротив, она была закреплена в кодификации, поскольку процесс ее отражения в письменном языке уже осуществился. Данный вопрос является дискуссионным, поскольку процесс проникновения данной фонемы в письменный язык уже начался, хотя она еще окончательно в нем не закрепилась. Так, она последовательно отражается в произведении Г. Гавловича «Пастушья школа — нравов житница», но все еще отсутствует в языке романа Й.И. Байзы «Юноши Рене приключения и испытания». Ср. примеры:

- (15) Reču, mečem a s čym mužess, obhagug gu tuze, Nebog se pro geg ochranu upadnut do *nudze* (Речью, мечом и всем, чем сможешь, защищай ее изо всех сил, не бойся из-за ее защиты оказаться в нищете); Ach mug Synu, nežadag si bohatnut z *cudzeho*, Než usilug se žiwiti z pracowani tweho (Ах, мой сын, не желай богатеть с чужого, а стремись жить плодами своего труда); Wssak když na hluboke more bez wesla *wichadza*, Tehdy k swemu zatopeni gistotně *prichadza* (Но когда он выходит в глубокое море без весла, тогда наверняка оказывается потоплен).
- (16) libežné z ňekraganmi *zacházaiŋy* skusili (они попробовали к инородцам гостеприимно относиться); hñed od malička ludmi *cuzími*, a obzwłásťne Európai=skími obľibowala sa (сразу с малых лет ее полюбили чужие люди, особенно европейцы); odkúďkoliw ono ňech *pocházá* (пусть она происходит от чего угодно).

Вместе с тем, довольно неожиданным оказывается тот факт, что фонетическая система языка двух переводов Священного Писания имеет общие черты, противопоставляющие их кодификации Бернолака. Так, Бернолак кодифицирует *l'*, отсутствующий в фонетической системе Камальдальской Библии. Отсутствие этого звука, вопреки кодификации, обнаруживается и в переводе Палковича. Ср. примеры⁹:

- (15) *Nepratélstwj* Položjm mezy tebú a Ženu, y mezy semenem twym a semenem geym (K). *Nepratélstwo* položim medzi tebu, a medzi Žeňu, medzi Semenom twogim, a Semenom geg (P).
и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее (Быт III:15).
- (16) A kdiž se ohlédla Manžélka gehu naspátek, obrátila sa na *solny* stlúp (K).
A ohleďice sa Žena gehu spátke, obráťená gest na Stlp *solní* (P).
Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом (Быт XIX:26).

Другой общей особенностью языка рассматриваемых переводов Священного Писания является отсутствие дифтонга *ie*, который представлен в кодификации Бернолака, хотя и на периферии ее фонетической системы. В ряде случаев он допускается Бернолаком, причем, например, формы глагола *wed'eŋi* настоящего времени с названным дифтонгом являются основными (*wgem* и т.д.) [5. S. 221]. Ср. примеры:

- (17) A Pán poweďel k Kaynowi: kde gest Abel bratr twúg? ktery odpoweďel: *Newjm*: zdáliž strážnjk sem ya bratra mého? (K).
I rekel Pán ku Kainowi: kde gest Brater twog? ktery odpoweďel, *newím*, zdáliž sem ga Strážním Bratra mého? (P).
И сказал Господь (Бог) Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? (Быт IV:9).
- (18) *Dj'ŋa* osmého dňa obrezowat sa bude mezy wama (K).
Đe'ŋa osmého Dna obrezané bude medzi wami (P).
Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужеского пола (Быт XVII:12).

Отклонение от кодификации Бернолака и, напротив, совпадение употребления элементов в переводах Священного Писания характеризуют не только фонетическую систему, но в еще большей степени их морфологию. Наиболее ярко это проявляется при образовании причастий на *-l* у глаголов с основой на согласный

⁹ В кодификации Бернолака звук *l'* представлен в меньшем объеме, чем в современном словацком литературном языке. В связи с этим я привожу примеры слов, образованных от слов *práťel* и *soľ*, в которых *l'* в кодификации Бернолака фиксируется [5. S. 159, 153].

или с утрачивающимся суффиксом *-ní-*, поскольку Бернолак кодифицирует лишь форму мужского рода со вставным гласным *-o-*, однако авторы обоих переводов отдают предпочтение формам со вставным гласным *-e-*. Ср. примеры:

- (19) Ale Adamowi poweǔel: že sy *uposlechel* hlasu manžélki twég, a *gedel* sy z drewa, s kteréhosẽm byl rozkázal tebe, žebyś *negedel*, zlorečena zem w práci twég: w robotách gesti budess s ny, po wsseckych dňoch žiwota twého (K).

Adamowi ale *rekel*: že si *uposlechel* Hlas Ženi tweg, a *gedel* si ze Stromu zapoweǔeǔého, zlorečená Zem w Práci tweg, z Bolestu gesti budeš s neg, po wšecké Dni Žiwobiťa twého (P).

Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей (Быт III:17).

- (20) Y poweǔeli: Podte, uǔelágme sebe Město y wežu; kterég wrch by *dosáhel* až k Nebu (K). A rekli podme, Učĩĩme si Mesto a Wežu, ktereg Wrch bi *dosáhel* do Neba (P).

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес (Быт XI:4).

В отношении твор. падежа ед. числа существительных мужского рода Бернолак пишет следующее: «Инструментальный падеж или социатив единственного числа всегда имеет окончание *-om*» [5. S. 163]. В переводе Палковича, однако, мы вновь видим несоблюдение кодификации Бернолака, поскольку в указанном падеже представлены дублетные формы, одна из которых, с флексией *-em*, является единственно возможной в более ранней Камальдульской Библии. Ср. примеры:

- (21) Ale y Lot, který byl z *Abramem* měl stáda owec, a stáda dobytkuw, a stánki (K).

Ale i Lot, kteří bol z *Abrahamom*, mal Stáda Owec, i Woli i Šatore (P).

И у Лота, который ходил с Авраомом, также был мелкий и крупный скот и шатры (Быт XIII:5).

- (22) Ale Noe nassel milost pred *Pánem Bohem* (K).

Ale Noe našel Milost pred *Pánem* (P).

Ной же обрел благодать пред очами Господа (Бога) (Быт VI:8).

Чрезвычайно любопытно то, что связь языка Камальдульской Библии и перевода Палковича в их противопоставлении кодификации Бернолака¹⁰ наблюдается и в различии твердой и мягкой разновидности склонения прилагательных мужского и среднего родов, отсутствующей в западнословацком диалекте и восходящей к чешскому языку. Это различие, однако, в Камальдульской Библии проявляется более последовательно. Ср. примеры:

- (23) A kǔiž sa byla dokonala reč *mlúwicyho* s njm, oǔessel Bůh od Abraháma (K).

A kǔiž sa dokonala Reč *mluwícĥo* sñim, odstúpil Bóh od Abrahama (P).

И Бог перестал говорить с Авраамом и восшел от него (Быт XVII:22).

- (24) Za dňa, za kterého stworil Bůh Člow'eka, k podobenstw'u *Božmu* učinil ho (K).

W ten Ďen, keď stworil Bóh Čloweka, a k Podobenstwu *božému* ho učunil (P).

Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его (Быт V:1).

Опора Палковича на предшествующую норму наглядно просматривается и при употреблении им только одной из кодифицированных Бернолаком форм, причем употреблявшейся в Камальдульской Библии. Это явление можно иллюстрировать употреблением форм твор. падежа ед. числа существительных

¹⁰ В кодификации А. Бернолака все прилагательные склоняются по твердой разновидности [5. С. 177–179].

женского рода, а также некоторых личных местоимений, и предл. падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода. Если Бернолак кодифицирует соответственно формы с флексиями *-ú* и *-ou*, *-om* и *-ém*, в переводе Палковича так же, как и в Камальдульской Библии, находим только формы с флексиями *-ú* и *-ém*, характерными для западнословацкого диалекта. Ср. примеры:

- (25) *Žeňe také poweďel: Rozmnožjm bjdi twé, a plodi twé: wbolésti rodit budess synuw a pod mocu Muža budess, a on panowat bude nad tebu (K).*
Žeňe tež rekel: rozmnožim Bolesti twoge pri Ťehotnosti, z Bolestu budeš rodiť Sinow (Ďeňi) a pod Mocu Muža tweho budeš, a on panovať bude nad tebu (P).
 Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою (Быт III:16).
- (26) *Kdiž sto Rokúw m'el: w tomto zagistě w'eku otcowém, narozen gest Ysáak (K).*
Kdiž mal Abraham sto Roków, w tom Weku Otcowem narodil sa Izák (P).
 Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его (Быт XXI:5).

Довольно неожиданная картина вырисовывается в употреблении форм род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода. Указанные формы стали предметом спора между Бернолаком и Й.И. Байзой, причем первый весьма остро выступал против форм с продлением корневого гласного в рассматриваемых формах [6. S. 325], употребляемых Байзой. Рекомендация Бернолака отражает состояние в языке Камальдульской Библии, но ею пренебрегает Палкович, образующий соответствующие формы аналогично Байзе. Ср. примеры:

- (27) *Poweďel take Bůh: nech se stane oblaha w prostred wod: a nech oddělí wodi od wod (K).*
Rekel tež Bóh: buď Obloha u prostred Wód, a oddel Wodi od Wód (P).
 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды (Быт I:6).
- (28) *Ale wssak wodi gissli a umeňssowali se až do desátého Měsycy: nebo desátého Měsycy, prwnyho Dňa Měsycy ukázali se wrssk hor (K).*
Ale wodi od chádzali a opádali až do desátého Mesáca; nebo desátého Mesáca prwného Dna Mesáca ukázali sa Wrchi Hór (P).
 Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор (Быт VIII:5).
- (29) *Wyhladjm poweďel Pán, Člow'eka, kterého sem stworil z zemi od člow'eka až do howad, od tych ktere po zemi lazá, až do Wtáctwa Nebeského, nebo ljto my gest, že sem gich učinil (K).*
Rekel: wihubim Čloweka, kterého sem stworil, ze Zeme, od Čloweka až do Howád, od Zemeplazow až do Ptáctwa nebeského, nebo mi ge lúto že sem gich učinil (P).
 И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их (Быт VI:7).

Аналогичная картина наблюдается и в образовании форм им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода. В Камальдульской Библии эти существительные имеют краткую флексию, что и отстаивает Бернолак в споре с Байзой, однако Палкович образует указанные формы так же, как и Байза. Ср. примеры:

- (30) *Y podwrátil ty Města, y wssecku okolo kraġinu, wsseckych obywatelúw Městskych y wssecky zeleností zémské (K).*
I podwrátil tí Mestá, i celu Kraginu wúkol, wšeckích Obiwatelow tích Mést, a wšecké zelenagice sa na Zemi (P).

- И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли (Быт XIX:25).
- (31) Ale Sem a Gaffet plásst wložili na *pleca swe*, a kráčagjcy spatkem, prikryli stydliwé čzlánki Otca swého (K).
Ale Sem, a Gafet naložili Plášť na swoge *Plecá*, a kráčagice spátkem, zakrili hanebni Úd Otca swého (P).
Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего (Быт IX:23).
- (32) Stworiwše teda Pán Bóh ze Zeme wšelikú Zwer polnú, i wšecker Ptáctwo nebeské, priwedel *ge* k Adamowi, aby wiđel gakoby *gych* menowal (K).
Tehdy kdiž stworil Pán Bůh z zemi wssecko ozywugjce zemske a wssecke wtáctwo Nebéske, priwédel *gych* k Adamowi, aby wiđel gakoby *gych* menowal (P).
Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их (Быт II:19).

Формирование нормы представляет собой исторический процесс, в котором происходит вытеснение старой нормы новой. В этот период выбор нормы часто зависит от языковых предпочтений автора. Два подобных явления — продление корневой долготы в формах род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода и наличие долготы в формах им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода — были рассмотрены выше, причем Бернолак здесь занял консервативную позицию, стремясь закрепить в литературном языке уходящие формы. Эти формы тем не менее все равно смогли в него проникнуть, о чем свидетельствует перевод Священного Писания Палковича. В иных случаях, напротив, Бернолак отдавал предпочтение новым формам, которые фиксируются и в Камальдульской Библии. Палкович же возвращается к старой норме, которая отмечается, например, в языке Гавловича и Байзы. Подобным примером является употребление старой формы вин. падежа мн. числа личного местоимения 3 лица мн. числа *je* (графически *ge*) и соответствующей новой формы *jich*¹¹ (графически *gych*). Ср. примеры:

- (33) Tehdy kdiž stworil Pán Bůh z zemi wssecko ozywugjce zemske a wssecke wtáctwo Nebéske, priwédel *gych* k Adamowi, aby wiđel gakoby *gych* menowal (K).
Stworiwše teda Pán Bóh ze Zeme wšelikú Zwer polnú, i wšecker Ptáctwo nebeské, priwedel *ge* k Adamowi, aby wiđel gakobi *ge* pozwal (P).
Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их... (Быт II:19).
- (34) Sedem hodin k odpočinku, dewet k leniwosti, Gak nekdy spiss osem hodin, dost *ge* až k sitosti¹². (Семь часов сна — это отдых, девять — лень, если ты иногда спишь восемь часов — это более чем достаточно). A uwážess *ge*, gako znamenj na ruce twég¹³. (И воспримешь их как знамение на руке своей).

Итак, проведенный анализ показал, что существует глубокая преемственность между языком Камальдульской Библии и языком перевода Священного Писания на бернолаковщину, осуществленного Палковичем. И это несмотря на то, что переводчик не использовал язык Камальдульской Библии и, скорее всего, вообще не был с ним знаком. Объединяет же язык этих текстов то, что они отражают

¹¹ В подобной огласовке рассматриваемая форма представлена еще в кодификации Л. Штура [17. С. 224]; в современном словацком литературном языке — *ich*.

¹² *Sabo G.J.* Hugolín Gavlovič's Valaská Škola. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1988. P. 45.

¹³ *Bajza J.I.* Kresťanského Katolíckeho Náboženstva, ktoré lidu swému wkládal, a pre wsseobecny prospech widal Josep. Ignat. Bajza Farár Dolno-Dubowský. Díl Iý. O Wire. W Trnawe: u Václava Jelínka mestského tiskára, 1798. S. 7.

разные этапы процесса формирования одной и той же нормы. Таким образом, значение изучения внутренней истории словацкого литературного языка заключается в том, что оно позволяет отказаться от формального критерия определения его возникновения, каковым в настоящее время многими признается его кодификация, и делает возможным выявление объективных данных, связанных с развитием языковых средств и формированием нормы. Вместе с тем результаты изучения внутренней истории словацкого литературного языка не являются абсолютно новыми, а оказываются созвучными утверждениям ряда словацких лингвистов в прошлом. Так, еще С. Цамбел под псевдонимом Ян Влколинский писал, что Бернолак «лишь формально санкционировал то, что в литературном языке словаков в его время реально существовало» [18. S. 238] и «истоки нашего нового литературного языка следует искать почти за полтора столетия до выступления А. Мачая (имеется в виду издание в 1718 г. религиозного трактата А. Мачая *«Panes primatiarum aneb Chleby prwojín»*. — К.Л.)» [18. S. 234]. Ту же самую мысль высказывал и Г. Бартек: «Станислав (известный словацкий историк языка Я. Станислав. — К.Л.) вслед за некоторыми чешскими учеными мужами ведет отсчет истории словацкого литературного языка от Байзы и Бернолака, против чего мы выступаем самым решительным образом, ибо Байза и Бернолак не знаменовали собой ничего нового, а лишь узаконили в своих произведениях то, что уже давно существовало до них» [4. S. 54]. И даже Э. Паулини, вопреки выдвинутой им иной концепции развития словацкого литературного языка, признавал существование словацкого литературного языка до кодификации Бернолака: «Процесс словакизации зашел настолько далеко, что в конце первой половины XVIII в. у словацких католиков был уже достаточно строго нормированный национальный литературный язык, который ввиду его расхождения с чешским нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком» [15. S. 78]¹⁴. При этом я не умаляю значение кодификации Бернолака для развития словацкого литературного языка, представлявшей собой важную веху в его развитии, поскольку начинается переход от текстологического способа формирования нормы к аналитическому. Этот переход не был одномоментным и имел довольно длительный период сосуществования двух типов норм, в результате чего бернолаковщина на практике под воздействием традиционной нормы претерпела значительные изменения. Это проявилось прежде всего в области фонетики и морфологии, тогда как орфография, предложенная Бернолаком, была полностью принята авторами-бернолаковцами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- К — Камальдуйская Библия: Swaté Biblia Slowénské aneb pisma swatého. Bd. 1 und 2 / hrsg. von H. Rothe und F. Scholz. Unter Mitwirkung von J. Doruľa. Nachdruck der Handschrift von 1750. Paderborn et.: Schöningh, 2002. 1983 s. <http://kb.kapitula.sk/wp-content/uploads/2012/10/Genezis.pdf>.
Р — Перевод Ю. Палковича: Swaté Písmo starého i nowého Zákona: podľa obecného latinského od sw. Rímsko-katolíckég Cirkwi potvrdeného, preložené s Prirownaním ģruntowného Tekstu na Swetlo widané. 1829. Ďel prwní, 1832. Ďel druží. W Ostrihome: Witlačené z Lilterámi Josefa Beimela, Cis. Kral. Priv. Primatialského Kňihtlačára., 1250 s.

¹⁴ И хотя в более поздней монографии Э. Паулини несколько изменил данную формулировку, используя в ней гипотетическое понятие «западнословацкий культурный язык», суть ее не изменилась; ср.: «Использование западнословацкого культурного языка в католической литературе в конце первой половины XVIII в. проявилось в том, что в ней появляется достаточно строго нормированный национальный литературный язык» [16. S. 144].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Bajza J.I. Kresťanského Katolíckeho Náboženstva, ktoré lidu swému wkládal, a pre wsseobecny prospech widal Josep. Ignat. Bajza Farár Dolno-Dubowský. Díl Iý. O Wire. W Trnawe: u Václava Jelínka mestského tiskára, 1798. 710 s.
Sabo G.J. Hugolín Gavlovič's Valaská Škola. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1988. 730 p.
Swaté Biblia Slowénské aneb pisma swatého. Bd. 1 und 2 / hrsg. von H. Rothe und F. Scholz. Unter Mitwirkung von J. Dorufa. Nachdruck der Handschrift von 1750. Paderborn et.: Schöningh, 2002. 1983 s. <http://kb.kapitula.sk/wp-content/uploads/2012/10/Genezis.pdf>.
Swaté Písmo starého i nowého Zákona: podľa obecného latinského od sw. Rímsko-katolíckég Cirkwi potvrdeného, preložené s Prirownaním ģruntowného Tekstu na Swetlo widané. 1829. Ďel prwní, 1832. Ďel druhí. W Ostrihome: Witlačené z Lilterámi Josefa Beimela, Cis. Kral. Priv. Primatialského Kňíhtlačára., 1250 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей / под ред. Н.А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.
2. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. В четырех томах. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma208729.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 18.03.2021).
3. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
4. *Bartek H.* Spisovný jazyk slovenský // Slovenská reč. 1937/1938. № 6. S. 50–57.
5. *Bernolák A.* Grammatica Slavica // Gramatické dielo Antona Bernoláka / na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. S. 114–407.
6. Bernolákovské polemiky / edične pripravil, poznámky a vysvetlivky napísal dr. I. Kotvan. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. 391 s.
7. *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha: Melantrich, 1932. S. 32–84.
8. *Horecký J.* Východiská k teórii spisovného jazyka // Z teórie spisovného jazyka: zborník referátov a diskusných príspevkov / red. J. Ružička. Bratislava: Veda, 1979. S. 13–22.
9. *Jedlička A.* Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy // Slovo a Slovesnost. 1968. № 29. Č. 2. S. 113–125.
10. Kamaldulská Biblia // Encyclopaedia Beliana. <https://beliana.sav.sk/heslo/kamaldulska-biblia> (дата обращения: 27.02.2021).
11. Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, Tiskom predtým Schmidovym, 1852. 61 s.
12. *Lifanov K.V.* Метаморфозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012/2013. Band 69, Heft 2. S. 247–280.
13. *Nekula M.* PRAŽSKÁ ŠKOLA // CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny / eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová, 2017. <https://www.czechency.org/slovník/PRAŽSKÁ ŠKOLA> (дата обращения: 02.02.2021).
14. *Novák L.* K vnitřním dějinám spisovné slovenštiny // Slavia. 1932. S. 73–99, 295–322.
15. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971. 136 s.
16. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983. 256 s.
17. *Štúr L.* Náuka reči slovenskej // L. Štúr. Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. S. 151–253. Добавлено
18. *Vlkolinský J.* О «првеј» книхе slovenskej // Živena 2. 1885. S. 230–240.

REFERENCES

- Bartek H. Spisovný jazyk slovenský. *Slovenská reč*, 1937/1938, no. 6, pp. 50–57. (In Slovak)
Bernolák A. Grammatica Slavica. *Gramatické dielo Antona Bernoláka*, na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1964, pp. 114–407. (In Latin and Slovak)
Bernolákovské polemiky, edične pripravil, poznámky a vysvetlivky napísal dr. I. Kotvan. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1966, 391 p. (In Slovak)

- Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. *Spisovná čeština a jazyková kultura*. Praha, Melantrich Publ., 1932, pp. 32–84. (In Czech)
- Havránek B. Zadachi literaturnogo jazyka i jeho kultura. *Pražskij lingvisticheskij kruzhok. Sbornik statej*, pod red. N.A. Kondrashova. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 338–377. (In Russ.)
- Horecký J. Východiská k teórii spisovného jazyka. *Z teórie spisovného jazyka: zborník referátov a diskusných príspevkov*, ed. J. Ružička. Bratislava, Veda Publ., 1979, pp. 13–22. (In Slovak)
- Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy. *Slovo a Slovesnost*, 1968, no. 29, č. 2, pp. 113–125. (In Czech)
- Kamaldulská Biblia. *Encyclopaedia Beliana*. <https://beliana.sav.sk/heslo/kamaldulska-biblia> (accessed 27.02.2021). (In Slovak)
- Krátká mluvnica slovenská*. V Prešporku, Tiskom predtým Schmidovym Publ., 1852, 61 p. (In Slovak)
- Lifanov K.V. Metamorfozy kodifikacii A. Bernolaka. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2012/2013, band 69, heft 2. pp. 247–280. (In Russ.)
- Nekula M. PRAŽSKÁ ŠKOLA. *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová, 2017. <https://www.czechency.org/slovník/PRAŽSKÁ ŠKOLA> (accessed 02.02.2021). (In Czech)
- Novák L. K vnitřním dějinám spisovné slovenštiny. *Slavia*, 1932, pp. 73–99, 295–322. (In Czech)
- Pauliny E. *Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ., 1971, 136 p. (In Slovak)
- Pauliny E. *Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ., 1983, 256 p. (In Slovak)
- Slovar russkogo jazyka*, ed. A.P. Jevgenjeva. 4st izd., ster. Moscow, Russkij jazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. V che tyrech tomach. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma208729.htm?cmd=0&istext=1> (accessed 18.03.2021). (In Russ.)
- Štúr L. Náuka reči slovenskej // L. Štúr. *Slovenčina naša*. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957, pp. 151–253 (In Slovak)
- Uspenskij B.A. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002, 558 p. (In Russ.)
- Vlkolinský J. O «prvej» knihe slovenskej. *Živena* 2, 1885, pp. 230–240. (In Slovak)

Информация об авторе:

Лифанов Константин Васильевич,
 доктор филологических наук, профессор
 МГУ им. М.В. Ломоносова,
 г. Москва, Российская Федерация.
 ORCID: 0000-0002-8347-7466
 E-mail: lifanov@hotmail.com

Information about the author:

Lifanov Konstantin V.
 DSc. (Philology), Professor,
 Lomonosov Moscow State University,
 Moscow, Russian Federation.
 ORCID: 0000-0002-8347-7466
 E-mail: lifanov@hotmail.com

Славяноведение, 2023, № 1, с. 65–84

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 65–84

DOI: 10.31857/S0869544X0024719-3

Оригинальная статья / Original Article

Сочетаемость свойства словацких и венгерских наречий с общим значением «часто» (на корпусном материале)

© 2023 г. Д.Ю. Вашенко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

daranis@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется семантика словацких и венгерских наречий, относящихся к семантической группе «часто». Исследование выполнено на базе национальных корпусов словацкого и венгерского языков, а также на основе словацкого и венгерского корпусов семейства Araneum. Были выбраны по пять наиболее употребительных наречий в своей группе для анализа их сочетаемостных свойств по данным меры ассоциации logDice. Между словацкими и венгерскими наречиями здесь существует ряд структурных корреляций, целью статьи является выявление возможных семантических параллелей между языками. Показано, что в обоих языках выделяются наречия, обозначающие кратность ситуации, однако в словацком языке эту сферу обслуживают наречия с формантом кратности (*mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát*), тогда как в венгерском — с формантом неопределенной множественности (*többször* и *többszöri*). При этом в словацком языке наречия противопоставлены в плане количественной/качественной нестандартности ситуации: *často* vs *neraz*. В венгерском языке противопоставление происходит по аналитическому / непосредственному восприятию ситуации: *rendszeresen* vs *gyakran*, *sokszor*.

Ключевые слова: наречия, семантика, сочетаемость, корпусная лингвистика, словацкий язык, венгерский язык.

Ссылка для цитирования: Вашенко Д.Ю. Сочетаемость свойства словацких и венгерских наречий с общим значением «часто» (на корпусном материале) // Славяноведение. 2023. С. 65–84. № 1. DOI: 10.31857/S0869544X0024719-3

Selectional Properties of Slovak and Hungarian Adverbs with General Meaning ‘Often’ (Corpus-Based Study)

© 2023. Daria Yur. Vashchenko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

daranis@mail.ru

Abstract. The article analyzes the semantics of Slovak and Hungarian adverbs belonging to the semantic group «often». The study was carried out on the base of the national corpus of the Slovak and Hungarian languages, as well as on the basis of the Slovak and Hungarian corpus of the Araneum family. Five of the most commonly used adverbs in their group were selected, their combinability properties are analyzed according to the logDice association measure. There are a number of structural correlations between Slovak and Hungarian adverbs here, the purpose of the article is to identify possible semantic parallels between the languages. It is shown that in both languages there are adverbs denoting the multiplicity of the situation, but in the Slovak language this sphere is served by adverbs with a multiplicity formant (*mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát*), whereas in Hungarian – with a formant of indefinite multiplicity (*többször* and *többszörször*). At the same time, in the Slovak language, adverbs are opposed in terms of quantitative / qualitative non-standardness of the situation: *často* vs *neraz*. In Hungarian, the opposition occurs according to the analytical / direct perception of the situation: *rendszeresen* vs *gyakran*, *sokszor*.

Keywords: adverbs, semantics, compatibility, corpus linguistics, Slovak language, Hungarian language.

Reference for citation: Vashchenko Daria Yur. Selectional Properties of Slovak and Hungarian Adverbs with General Meaning «Often» (Corpus-Based Study) // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 1. Pp. 65–84. DOI: 10.31857/S0869544X0024719-3

В статье рассматриваются темпоральные наречия, относящиеся к семантической группе «часто», общее значение которых предполагает, что какая-либо ситуация повторяется с некоторой регулярностью, при этом количество повторений представляется говорящему большим¹.

В словацком и венгерском языках, которые хотя и не являются родственными, однако контактировали на протяжении длительного времени, слова, входящие в данную семантическую группу, обнаруживают ряд формальных, прежде всего структурных корреляций, которые могут довольно сложно пересекаться с семантическими. В цели статьи входит рассмотрение лексем, относящихся к группе «часто» в словацком и венгерском, установление основных принципов, по которым она выстроена, выявление сходств и различий между словацким и венгерским языками в указанном аспекте. Будут проанализированы сочетаемостные характеристики темпоральных наречий на корпусном материале с целью выявления возможных семантических параллелей в рамках группы: в отличие от собственно заимствований, они, как правило, остаются вне исследовательского внимания.

Предварительный состав семантической группы был взят из синонимических словарей словацкого и венгерского языков, после этого частотность наречий проверялась по национальным корпусам, и затем значение лексем верифицировалось по толковым словарям.

¹ На русском языковом материале наречия группы «часто» на предмет разведения близких синонимов рассматривались, во-первых, в докторской диссертации, и затем в монографии Ф.И. Панкова [2], где он пишет о неполной синонимии наречий *часто* и *зачастую*, и невозможности их взаимозамены в ряде контекстов; во-вторых, интересные наблюдения над семантикой темпоральных наречий представлены в монографии Е.С. Яковлевой, где автор говорит о том, что русские наречия данной группы (*часто* vs *зачастую*) различаются в плане наличия/отсутствия в их значении модально-оценочного компонента [4. С. 300].

1. Общая характеристика материала

Я буду пользоваться двумя типами корпусных баз: национальные корпуса словацкого и венгерского языков и словацкий, и венгерский корпуса в составе семьи интернет-корпусов Aranea.

Словацкий национальный корпус (SNK)² создан и поддерживается на базе Института словацкого языка им. Л. Штура Словацкой академии наук. В статье использованы материалы версии *prim-9.0-public-sane*, в которой отсутствуют тексты без диакритики, а также тексты, созданные за пределами Словакии. Указанная версия была открыта для пользования в 2020 г. Объем корпуса составляет 1 621 млн словоупотреблений / 1 257 млн слов. В SNK входят тексты, изданные после 1955 г., из них 73,96% — это публицистика, 15,98% — художественные произведения, 9,15% специальная литература, 0,91% — иные жанры.

Венгерский национальный корпус³ (MNSZ), созданный на базе Института венгерского языка Венгерской Академии Наук, имеет объем, сопоставимый со словацким аналогом: 1,04 млн слов (словоупотребления в MNSZ не указываются), из которых 350 500 млн составляет публицистика, 77 млн — художественная литература, 112 млн — научная, 98 млн — официальные документы, 300 млн — частная корреспонденция (чаты, комментарии) и 76 млн — разговорная речь. Задавая то или иное слово в строке поиска, я исключала материалы частной переписки ввиду того, что этот материал дает много дословно повторяющихся фраз и существенно искажает данные сочетаемости интересующих нас лексем.

Также в статье использованы корпуса семейства Aranea. Они разработаны в Университете Я.А. Коменского в Братиславе [5]⁴ и базируются на текстах из интернета⁵. Были взяты корпуса среднего объема, т.е. *Slovacum VI Pentaplex Maius Beta* и *Araneum Hungaricum Maius*, размер каждого составляет 1 250 млн словоформ, 1 039 млн слов. Все четыре корпуса обслуживаются поисковой системой NoSketchEngine, что позволяет получить сопоставимые результаты. Далее без специальных помет буду приводить данные, представленные в обоих корпусных «подтипах»: академическом и Aranea; в случае, если коллокация обнаруживается только в одном из них, буду оговаривать это отдельно.

Частотность словацких лексем в SNK следующая, в порядке убывания числа вхождений: *často* 479 938 (296,09 на миллион), *neraz* 59 093 (36,46 на миллион), *viackrát* 41 206 (25,42 на миллион), *mnohokrát* 15 198 (9,38 на миллион), *veľakrát* 13 206 (7,99 на миллион), *častokrát* 8 778 (5,31 на миллион); также, из менее частотных наречий: *viac ráz* 3 929 (2,42 на миллион), *veľa ráz* 2 963 (1,83 на миллион), *mnoho ráz* 1 386 (0,86 на миллион).

Araneum Slovacum демонстрирует такую картину: *často* 541 348 (433,10 на миллион), *neraz* 31 123 (24,90 на миллион), *viackrát* 26 409 (21,13 на миллион), *mnohokrát* 19 776 (15,82 на миллион), *veľakrát* 15 679 (12,54 на миллион), *častokrát* 17 671 (14,14 на миллион); также *viac ráz* 814 (0,70 на миллион), *veľa ráz* 567 (0,50 на миллион), и *mnoho ráz* 509 (0,41 на миллион)⁶.

² Slovenský národný korpus — *prim-9.0-public-sane*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения 22.06.2022).

³ Magyar Nemzeti Szövegtár — v2.0.5 URL: <http://clara.nytud.hu/mnsz2-dev/> (дата обращения 22.06.2022).

⁴ Корпусы доступны по адресу: <http://unesco.uniba.sk/aranea/> (дата обращения 22.06.2022).

⁵ На русском материале работу с Aranea см., например, в [1; 3].

⁶ Словацкие наречия с формантом *-krát* (*viackrát*, *mnohokrát*, *veľakrát*) имеют варианты с *-ráz*: *viac ráz*, *mnoho ráz*, *veľa ráz*, причем их частотность в SNK в несколько раз выше, нежели в *Araneum Slovacum*. Данная проблема остается за рамками моей статьи, хотя она безусловно заслуживает отдельного, более подробного рассмотрения.

Как можно заметить, встречаемость *často* значительно выше, нежели у остальных наречий, *neraz* примерно в 80 раз менее частотно, *viackrát* — примерно в 100 раз. Еще три наречия — *mnohokrát*, *veľakrát* и *viackrát* демонстрируют относительно сопоставимую частотность, при этом в *Aranea* у *častokrát* она вдвое выше, нежели в *SNK*.

У венгерских наречий наблюдается следующая частотность в *MNSZ* (количество вхождений на миллион в данном корпусе не приводится): *gyakran* — 142 671; *sokszor* — 113 592; *többször* — 144 118; *rendszeresen* — 63 681; *többszörre* — 55 633; *rendszerint* — 21 967; *több alkalommal* — 11 955; *nem egyszer* — 6 100, *nemegyszer* — 5 796.

В *Araneum Hungaricum* можно наблюдать следующую картину: *gyakran* — 168,131 (140,10 на миллион); *sokszor* — 144,160 (120,13 на миллион); *többször* — 120,522 (100,43 на миллион); *rendszeresen* — 72,534 (60,44 на миллион); *többszörre* — 54,209 (45,17 на миллион); *rendszerint* — 22,394 (18,66 на миллион); *több alkalommal* — 9,510 (7,90 на миллион); *nem egyszer* — 7,995 (6,70 на миллион) *nemegyszer* — 3,039 (2,53 на миллион).

Видно, что в венгерском языке сразу три наречия имеют максимальную частотность — *gyakran*, *sokszor* и *többször*, сравнимы по частотности *rendszeresen* и *többszörre*, и примерно в два раза реже встречается *rendszerint*. К периферии семантической группы принадлежат наречия *több alkalommal* и *nem egyszer / nemegyszer*.

Наблюдается определенный формальный параллелизм между словацкими и венгерскими наречиями *mnohokrát*, *veľakrát/sokszor* (внутренняя форма ‘много раз’); *viackrát/többször* (внутренняя форма ‘больше раз’); также *neraz/nemegyszer* (внутренняя форма ‘не один раз’, при этом словацкое наречие входит в число наиболее частотных в своей семантической группе, в то время как венгерское является сравнительно малоупотребительным).

В статье я буду рассматривать по пять наиболее употребительных словацких и венгерских наречий, т.е. *často*, *neraz*, *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát* — в словацком и *gyakran*, *sokszor* (внутренняя форма ‘много раз’), *többször* (внутренняя форма ‘больше раз’), *rendszeresen* (досл. ‘систематически’), *többszörre* (досл. ‘на больше’) — в венгерском.

В академической «Морфологии словацкого языка» *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát* относят к неопределенным кратным числительным [10. S. 341], а *často* и *neraz* рассматривается в ряду наречий, обозначающих «время в повторяющихся интервалах», при этом *často* трактуется как «качественное наречие» (*vlastnostná príslovka*), а *neraz* — как «обстоятельство наречие» (*okolnostná príslovka*) [10. S. 598].

В словарях словацкого языка (привожу здесь цитаты из двух толковых и одного синонимического) говорится о синонимии наречий группы «часто». В «Кратком словаре словацкого языка» толкование *často* вводится через лексемы *veľa ráz* и *mnohokrát*. Для *neraz* приводятся синонимы *nie raz*, *často*, *veľa ráz*; *mnohokrát* сходным образом вводится через синонимы «*mnohokrát* [...] *veľa ráz*, *veľakrát*»; *viackrát* — через *niekoľkokrát*, *niekoľko ráz*, а вот для *veľakrát* уже приводится более развернутое толкование: «*veľakrát* [...] во многих случаях, *mnoho ráz*, *mnohokrát*» [7]. «Словарь современного словацкого языка» выделяет два значения для *často*: «*často* 1. многократное повторение (нерегулярное), в значительном количестве, частотно [...] 2. во многих случаях, нередко», и два для *neraz*: «*neraz* [...] 1. в значительной, повторяемой распространенности [...] 2. повторение в различных интервалах». Для *mnohokrát* постулируются два значения, указано, что данное наречие: «1. Выражает кратность действия,

состояния, признака в большом численно не определенном количестве [...]. 2. Близко по значению к наречиям *v mnohých prípadoch*, *neraz*, *často* [13]. В «Синонимическом словаре словацкого языка» указано следующее: «*často* выражает (нерегулярную) повторяемость действия, состояния и т.д., встречающуюся в большом количестве», для *neraz* указываются только его синонимы: *často* и *veľakrát*. У *mnohokrát* выделяются два значения, в то время как у *veľakrát* и *viackrát* — только одно: «*mnohokrát* 1. р. *veľakrát*, *viackrát* 1, *často* 2. р. *oveľa* (намного)»; «*veľakrát* выражает кратность в большом количестве, повторение в большом количестве, во многих случаях»; «*viackrát* выражает неопределенную кратность действия, состояния; выражает повторяемость действия, состояния в неопределенном количестве случаев» [14].

Академический «Толковый словарь венгерского языка» рассматривает наречия группы «часто» в качестве близких синонимов, при этом выделяет у них соответственно фреквентативное и экзистенциальное значения. Ср. толкование *gyakran*: «1. В часто повторяющихся, быстро сменяющих друг друга интервалах. 2. Не один раз; во многих случаях; *többször*». Сходным образом выглядят толкования *sokszor*: «1. Много раз, не один-два раза. 2. Во многих случаях, не один раз»; *többször*: «1. В большем количестве по сравнению с известным. 2. В неточно установленном количестве, во многих, но не очень во многих случаях». Лишь одно значение словарь выделяет для *többszörre*: «В большей части случаев, почти всегда, *rendszerint*» [8].

Толкование *rendszeresen* в словаре не приведено, однако для прилагательного *rendszeres* указаны значения «1. Такой, в котором есть определенная система. 2. Официально установленный. 3. Повторяющийся в установленные промежутки».

Основным критерием сопоставления будет являться сочетаемость наречий по данным мер ассоциации. В отличие от показателей абсолютной частотности, меры ассоциации показывают не общее число сочетаний двух словоформ, но степень их связанности, т.е. устойчивого появления в паре, при этом учитывается частотность каждой из лексем, образующих коллокацию. В зависимости от формулы расчета степени притяжения между лексемами различаются конкретные меры — см. о них, например, в монографии [12]. Мерам ассоциации применительно к словацкому материалу посвящен подробный обзор [9], где автор, в частности, говорит о необходимости применения сразу нескольких мер, которые должны дополнять и верифицировать друг друга.

Наиболее эффективным, по всей вероятности, является именно сочетание различных мер ассоциации: позволю себе здесь ограничиться всего одной — $\logDice^7$: данная мера уже хорошо зарекомендовала себя в корпусных исследованиях, и кроме того, именно она является настраиваемой «по умолчанию» в NoSketchEngine. Во всех случаях было задано расстояние от -5 до 5 токенов, правые и левые коллокации не разделялись; в полученных списках были выбраны первые 60 строк, учитывалась как глагольная, так и неглагольная лексика. Полученные для каждого наречия списки сопоставлялись между собой.

Подобная работа сопряжена с рядом сложностей. Во-первых, списки коллокаций даже при условии применения оптимальной меры могут содержать неинтерпретируемую лексику: имена собственные, знаки препинания, энклитики, союзы — и если первые две помехи приходится принимать как некоторую данность, то вопрос о необходимости интерпретации, к примеру, союзов или

⁷ Данная мера вводится в статье [11], которая, в свою очередь, основывается на работе [6].

указательных местоимений в списках коллокаций остается открытым. Во-вторых, процент глагольной лексики в полученных списках существенно варьируется в зависимости от конкретной семантической группы, где-то глаголы составляют две трети от общего объема коллокаций, где-то, как в случае с группой «часто», около трети. В-третьих, далеко не всегда коллокации являются эксклюзивными для конкретного наречия: они могут быть представлены сразу у всех лексем в выборке, либо, чаще, сочетаться сразу с двумя/несколькими, различаясь при этом в относительном ранге.

Значимые коллокации могут быть сгруппированы по разным принципам. Выделяются семантические, тематические и жанрово-стилистические группы, каждая из которых требует отдельной интерпретации: так, семантические коллокации (например, глаголы речи) будут говорить об активизации в значении соответствующей лексики определенных семантических признаков; тематические коллокации, как я постараюсь показать, также будут свидетельствовать о «привязанности» наречия к определенной жизненной ситуации. Наконец, часто коллокации могут быть характерны для определенного публицистического жанра, представлять собой специальные термины.

2. Сочетаемость словацких наречий группы «часто» по данным мер ассоциации

2.1. Только наречие *často* сочетается с глаголами появления, обнаружения *vyskytovať* (sa) ‘встречаться, появляться’, *objavovať* (sa) ‘обнаруживаться’. При этом внезапное появление для лексики *často* нехарактерно: глаголы *stretnúť* ‘встретить’, *ocitnúť* (sa) ‘очутиться’ представлены в списках коллокаций у *neraz*, *veľakrát*, *mnohokrát*, *viackrát*, т.е. у всех остальных наречий.

2.2. Только наречие *často* сочетается с глаголами движения *chodiť* ‘ходить’, *prichádzať* ‘приходить’ (в SNK), также *navštevovať* ‘посещать’ (в SNK) — при этом совершенный вид *navštíviť* ‘посетить’ входит в верхнюю часть списка лишь для *viackrát*.

2.3. Глаголы речи характерны преимущественно для *často* и *viackrát*. *Hovoriť* ‘говорить’ входит в верхнюю часть списка у *často*, а *upozorniť* ‘обратить внимание’, *upozorňovať* ‘обращать внимание’, *zdôrazňovať* ‘подчеркивать’, *zdôrazniť* ‘подчеркнуть’ — у *viackrát*. У наречия *veľakrát* имеют сравнительно высокие ранги глаголы *rozprávať* ‘разговаривать’, *pýtať* ‘спрашивать’, а также *zasmiať* (sa) ‘смеяться’. Для *neraz* свойственны коллокации с глаголом *vučítať* ‘упрекать’, а также с выражением *klásť otázku* ‘задавать вопросы’.

2.4. Ряд коллокаций эксплицитно называет повторяемость, они появляются главным образом у *mnohokrát*, *veľakrát* и *viackrát*: это глаголы *opakovať* (sa) ‘повторяться’, *zopakovať* (sa) ‘повториться’, (*mnohokrát* и *viackrát*), также причастие *opakovaný* ‘повторный, повторенный’, и наречие *opakovane* ‘повторно’ (только *viackrát*, Aranea).

2.5. Перцептивные глаголы представлены среди коллокаций сравнительно скудно. Глагол *počuť* ‘слышать, услышать’ нехарактерен для *často* и характерен для всех остальных наречий, при этом у *veľakrát* в Aranea он занимает третью строку, а у *neraz* в обоих корпусах — строки восемь–девять. Глагол *zaznieť* ‘звучать, зазвучать’ имеет в обоих корпусах достаточно высокий logDice для *veľakrát* и *viackrát*. Глагол *vidieť* ‘видеть’ появляется у наречий *často* и *veľakrát*.

2.6. Сходная картина наблюдается у ряда ментальных предикатов, хотя данная семантическая группа в целом достаточно скупо представлена у всех наречий. Глаголы *zabúdať* ‘забывать’ и *presvedčiť* (sa) ‘убедиться’ характерны для

neraz, *mnohokrát*, *veľakrát*; *uvedomovať* ‘осознавать’, *neuveďomovať* ‘не осознавать’ — для *mnohokrát*, *veľakrát*; глаголы *zamýšľať* (*sa*) ‘задумываться’, *rozmyšľať* ‘размышлять’ — для *veľakrát*; *spomínať* ‘вспоминать’ — для *často*, *neraz*, *veľakrát*, *viackrát*. Только *neraz* сочетается с глаголами с семантикой причины, обусловленности ситуации — я здесь имею в виду *spôsobovať* ‘обуславливать’ и *vývolávať* ‘вызывать’.

2.7. Крайне обширно в списках коллокаций у наречий группы «часто» представлены различные частицы.

Параметрические наречия т.е. наречия с размерным значением, составляют одну из основных областей сочетаемости для *často*: только у этого наречия в верхнюю часть списка входят такие лексемы, как *veľmi* ‘очень’, *príliš* ‘слишком’, *dost* ‘достаточно’, *málo* ‘мало’, *pomerne* ‘относительно’, *čoraz* ‘всё (больше / меньше)’, также *oveľa* ‘намного’ и *omnoho* ‘намного’. Частица *nespočítne* ‘бесконечно, чрезвычайно’ занимает первую строку списка в обоих корпусах для *veľakrát* и 21–22 строки у *mnohokrát*.

Často также сочетается с частицами *však* ‘однако’, *až* ‘даже’, *stále* ‘постоянно’, *aj* ‘(в том числе) и’, *práve* ‘именно’ (есть и у *mnohokrát* в Aranea).

Только у *neraz* в верхней части списка находятся маркеры достоверности *veru* ‘точно’ (5 и 13 строки), *iste* ‘наверняка’ (60 строка, Aranea). Кроме того, для *neraz* характерна связанность с частицами *priam* ‘прямо-таки’ и *poriadne* ‘значительно, весьма’; также с *ba* ‘даже’, *doslova* ‘дословно’ и *dokonca* ‘даже’.

2.8. Ряд коллокаций выделяется по ситуативно-тематическому принципу, сюда входят лексемы, привязанные к определенной жизненной ситуации, в которой может оказаться говорящий.

Для *neraz* характерны в качестве коллокатов лексемы, обозначающие «тяжелые жизненные реалии»: имеются в виду сочетания с прилагательными *ťažký* ‘тяжелый’, *neľahký* ‘нелегкий’, *krutý* ‘крутой’, *zložitý* ‘сложный’, *komplikovaný* ‘затруднительный’, *nepríjemný* ‘неприятный’, *tvrdý* ‘твердый’; с существительным *osud* ‘судьба’; с глаголами *sťažovať* (*sa*) ‘жаловаться’, *poplakať* ‘заплакать’.

Только *mnohokrát* и *veľakrát* имеют в списках коллокаций глаголы с общим значением ошибки, неудачи — *pomyliť* (*sa*) ‘ошибиться’, *myliť* (*sa*) ‘ошибаться’. С этими же двумя наречиями сочетаются слова *sklamať* ‘разочаровать’, *sklamany* ‘разочарованный’. Лексемы *mylne* ‘ошибочно, напрасно’, *protichodný* ‘противоположный’, *zbytočný* ‘излишний’ свойственны лишь *mnohokrát*. Еще одну, непосредственно коррелирующую с данной, область сочетаемости для группы «часто» составляют лексемы с префиксом *ne-*, здесь основным наречием является *mnohokrát*, реже *viackrát*. Для *mnohokrát* сюда относятся: *nelogický* ‘нелогичный’, *nezmyselný* ‘бессмысленный’, *nerozhodnosť* ‘нерешительность’, *nečakaný* ‘неожиданный’, *nekvalitný* ‘некачественный’. Для *viackrát*: *nebezpečne* ‘опасно’, *neúspešne* ‘безуспешно’.

У *viackrát* специфическую зону сочетаемости составляют маркеры протекания ситуации — лексемы *počas* ‘во время, в течение’, *priebeh* (*v priebehu*) ‘во время, в течение’, *odvtedy* ‘с тех пор’, *naposledy* ‘в последний раз’.

2.9. Выделяются также «жанрово-тематические» области сочетаемости наречий. Для *viackrát* свойственна лексика из области криминалистики: *udrieť* ‘ударить’, *deklarovať* ‘декларировать’, *avizovať* ‘авизировать’, *napadnúť* ‘напасть’, *vystreliť* ‘выстрелить’, *bodnúť* ‘ткнуть, пырнуть’, *zasahovať* ‘поражать’, *trestaný* ‘арестованный’, *súdne* ‘в судебном порядке’ и некоторые другие лексемы.

3. У венгерских наречий выявляются следующие тенденции:

3.1. Глаголы со значением появления присутствуют в списках коллокаций практически у всех венгерских наречий группы «часто», однако у отдельных лексем число данных глаголов все же несколько больше. Для всех наречий характерны сочетания с *találkozik* ‘встречаться’, *fordul* ‘случаться’, *előfordul* ‘случаться, происходить’, только для *gyakran* и *többször* — с *megfordul* ‘случаться, происходить’, *megesik* ‘случаться, происходить’. Для *gyakran*, *rendszeresen*, *többszörre* свойственны коллокации с *jelentkezik* ‘появляться’. Глагол *jelenik* ‘появляться’, *megjelenik* ‘появляться’ находится в списках только у *rendszeresen*.

3.2. Глаголы речи представлены у венгерских наречий достаточно широко и связаны в первую очередь с *gyakran*, *sokszor* и *többször*. Так, *hangoztat* ‘сказать’ появляется у всех наречий, кроме *többszörre*, при этом у *gyakran* и *sokszor* данный глагол имеет ранги 7–8 в MNSZ. Глагол *emleget* ‘упоминать’ характерен для *gyakran*, *sokszor* и *többször*, *elmond* ‘сказать’ — для *sokszor* и *többször*. Из эксклюзивных коллокаций предикат *nevez* ‘называть’ появляется только у *gyakran*; *beszél* ‘говорить’, *ellentmond* ‘противоречить’ — только у *sokszor*; *hangsúlyoz* ‘подчеркивать’, *meghív* ‘позвать’ являются коллокатами *többször*.

3.3. Ментальные глаголы встречаются в списках коллокаций весьма скудно, и связаны с наречием *sokszor*. Только данное наречие имеет своими коллокатами глаголы *érez* ‘чувствовать’ и *tűnik* ‘казаться’, а также отглагольное существительное *érzés* ‘чувство’.

3.4. С лексемами, обозначающими изменение, сочетаются *gyakran* и *többször*. Здесь я имею в виду глаголы *megnövekszik* ‘расти’ и *változik* ‘изменяться’, при этом причастие *változó* ‘меняющийся’ и наречие *változóan* ‘изменчиво, переменчиво’ характерны для *többszörre*. Глагол *elmúlik* ‘проходить, протекать’ занимает в MNSZ 7–8 строки у *többször* и 38 строку у *sokszor*.

3.5. Из лексем, обладающих семантикой повторяемости, наречия *ritkán* ‘редко’, *ritkábban* ‘реже’, а также *általában* ‘обычно’ сочетаются только с *többszörre*. Глаголы *ismétel* ‘повторять’, *megismétel* ‘повторить’ встречаются в верхней части списков только у *többször*. Наречия с постфиксом *-nta*, *-nte* — *naponta* ‘раз в день’, *hetente* ‘раз в неделю’, *havonta* ‘раз в месяц’, *évente* ‘раз в год’ тяготеют к *többször*. Пространственные фреквентативные наречия *néhol* ‘где-то, кое-где’ и *helyenként* ‘местами’ являются коллокатами только *többszörre*.

Наречия и послелого, обозначающие начальную точку разворачивающейся ситуации — *azóta* ‘с тех пор’, *óta* ‘с тех пор как’, сочетаются в первую очередь с *többször*.

3.6. К параметрической лексике тяготеют в первую очередь *gyakran* и *sokszor* — они сочетаются с *nagyon* ‘очень’. Наречие *elég* ‘достаточно, вполне’ сочетается только с *gyakran* и *sokszor*, наречие *már* ‘уже’ (*még* ‘еще’ в моих данных отсутствует) — только с *sokszor*. Прилагательные *rövid* ‘короткий’ и *alacsony* ‘низкий’ являются коллокатами *többszörre*. Прилагательное *erős* ‘сильный’ и наречие *erősen* ‘сильно’ занимают верхние строчки в списках у *gyakran*, *többször*, частица *egyre* ‘все (более/менее)’ — только у *többször*.

3.7. Обширная группа лексики в списках logDice связана с непосредственным восприятием ситуации. Сюда я отношу, во-первых, лексемы с перцептивной семантикой *lát* ‘видеть’, *látható* ‘видимый’, *hallik* ‘слышать(ся)’, *hallhat* ‘мочь слышать’, характерные в первую очередь для *sokszor* и *gyakran*. Во-вторых, в эту группы лексем можно включить глаголы, обозначающие проживание, опыт. Из них *tapasztal* ‘переживать, проживать’ также имеет высокие ранги у *sokszor* и *gyakran*.

3.8. Часть коллокаций обозначает трудности, тяжелые жизненные реалии — подобное характерно прежде всего для наречий *gyakran* и *sokszor*: сюда входят такие лексемы, как *nehéz* ‘тяжелый’, *nehezen* ‘тяжело’, *nehézség* ‘трудность’, *probléma* ‘проблема’, *hiba* ‘ошибка’, *sajnos* ‘к сожалению’.

3.9. Наконец, часть коллокатов у венгерских наречий можно сгруппировать по жанрово-тематическому принципу, сюда относится главным образом метеорологическая лексика, которая представлена в списках довольно обширно и соотносится либо с *gyakran*, либо с *többszörre*. Коллокатами *gyakran* являются такие лексемы, как *viharos* ‘ветренный’, *északnyugati* ‘северо-западный’; и для *gyakran*, и для *többszörre* свойственны сочетания со словами *ég* ‘небо’, *felhős* ‘облачный’, *felhőzet* ‘небосвод’, *időjárás* ‘погода’, *szél* ‘ветер’; лишь у *többszörre* появляются *felhő* ‘облако’, *zivatar* ‘ливень’, *északi* ‘северный’, *napsütés* ‘солнечный свет, солнечная погода’, *csapadék* ‘осадок (осадки)’.

Таким образом, у словацких наречий группы «часто» выявляется следующая система противопоставлений.

Často обслуживает экзистенциально-количественный спектр значений и называет, в первую очередь, большое количество повторений, без спецификации их регулярности. Наречие имеет в числе коллокатов глаголы со значением обнаружения, появления, глаголы речи, а также ряд глаголов перемещения. *Neraz* маркирует не столько фактическую частотность, сколько частотность, которая отличается от представлений говорящего о нормальной, типичной ситуации. Наречие сочетается с лексемами, обозначающими обусловленность ситуации; с лексемами, называющими «тяжелые жизненные реалии»; с маркерами достоверности, а также с такими частицами, как *priam* и *poriadne*. Наречия *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát*, которые являются полными синонимами, обозначают именно регулярные ситуации, которые при этом можно реально наблюдать. Они имеют в верхних строках списков коллокаций глаголы со значением повторения, некоторые ментальные глаголы, лексемы со значением ошибки, неудачи. *Viackrát* при этом теснее связано с фазовым членением ситуации. При этом часть словацких наречий имеет жанрово-стилистическую отмеченность: в списках у *viackrát* представлено определенное количество терминов из области криминалистики.

Среди венгерских наречий разделение происходит по принципу аналитическое/непосредственное восприятие ситуации; отдельно выделяются наречия, подчеркивающие регулярность ситуации.

Только для *rendszeresen* характерна связанность с экзистенциальными предикатами, с глаголами движения, с фазовой лексикой.

Следующая группа наречий ориентирована на непосредственное восприятие ситуации. *Gyakran*, *sokszor* и *többször* сочетаются с глаголами речи; *gyakran* и *többször* — с глаголами, обозначающими изменение; *gyakran* и *sokszor* — с рядом параметрических наречий, с перцептивными глаголами.

Наречия с формантом *több-* при этом имеют эксклюзивными коллокатами маркеры повторяемости. Лишь *többszörre* сочетается с параметрическими наречиями, также с рядом параметрических прилагательных. Только *többször* тяготеет к глаголам, эксплицирующим повторение.

При этом у *gyakran* и *többszörre* в списках коллокаций достаточно обширно представлена метеорологическая лексика: в целом, на мой взгляд, *gyakran* и *sokszor*, *többször* и *többszörre* по данным мер ассоциации являются синонимами, либо же их спецификация требует более полного прояснения по данным взаимной сочетаемости.

Теперь, если сопоставить словацкую и венгерскую систему лексем, относящихся к группе «часто», то увидим, во-первых, что оба языка отдельно выделяют наречия, ориентированные на кратность, повторяемость ситуации, однако в словацком языке эту сферу обслуживают наречия с формантом кратности (*mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát*), тогда как в венгерском — с формантом неопределенной множественности (*többször* и *többsnyire*). Во-вторых, в обоих языках присутствуют жанрово маркированные лексемы (*viackrát* в словацком, *gyakran* и *többsnyire* — в венгерском). При этом в словацком наблюдается разделение наречий в плане несоответствия количественным либо качественным представлениям говорящего о происходящем: первые контексты обслуживает *často*, вторые — *neraz*. В венгерском языке противопоставление происходит по рациональному / непосредственному восприятию ситуации, в этом плане противопоставляются *rendszeresen* и *gyakran*, *sokszor*.

К статье прилагаются таблицы коллокаций, две словацких, составленных на базе SNK и Araneum Slovacum VI Pentaplex Maius Beta, и две венгерских, основанных на MNSZ и Araneum Hungaricum Maius. Для экономии места ранги приведены только в крайнем левом столбце, который содержит номер соответствующей коллокации в порядке уменьшения logDice. Далее столбцы попарно представляют коллокацию для заданного наречия (конкретную лексему, которая с ним сочетается), и показатель logDice для этой коллокации. Иллюстративный материал в данном случае делает семантическое описание более формализованным и позволяет читателю верифицировать приводимые в статье наблюдения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

SNK — Slovenský národný korpus
MNSZ — Magyar Nemzeti Szövegtár

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров В. П. Сочетаемость через призму корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 667–682.
2. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 44 с.
3. Хохлова М. В. Обзор больших русскоязычных корпусов текстов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии, СПб.: Университет ИТМО, 2016. С. 74–77.
4. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
5. Benko V. Aranea: Ďalšia rodina (porovnatel'nej) webovej korporácie // Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, Brno, Česká republika, 8.– 20. september 2014. Zborník / eds. P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala. Springer international publishing Switzerland. 2014. s. 57–264. (URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html) Дата обращения 22.06.2022).
6. Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // Ecology. 1945. Vol. 26. No. 3. P. 297–302.
7. Krátky slovník slovenského jazyka / red. Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M. 4 vyd., Bratislava, Veda, 2003 (URL: <https://slovník.juls.savba.sk/>) Дата обращения 22.06.2022).
8. Magyar nyelv értelmező szótára / eds. Barczy G., Ország L. et al. Köt. II. Budapest: Akadémiai kiadó. 1960. 1137 s.; Köt. V. Mo–S. Budapest: Akadémiai kiadó. 1961. 1315 s. Köt. VI. S–Ty. Budapest: Akadémiai kiadó, 1962. 883 s. (URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmezo-szotara/elolap.php>) Дата обращения 22.06.2022).
9. Majchráková D. Korpusový pohľad na spájatelnosť slov // Slovenská rec. 2011. Roč. 76. Č. 1–2. S. 84–90.
10. Morfológia slovenského jazyka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. 896 s.

11. Rychlý P. *A lexicographer-friendly association score* // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN2008* / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. Pp. 6–9.
12. Stefanowitsch A. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press, 2020. 510 p.
13. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Zv. 1. A – G / eds. Buzássyová K., Jarošová A. Bratislava: Veda, 2006, 1134 s.; Zv. 3. M – N / ed. Jarošová A. Bratislava: Veda, 2015, 1100 s. (URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> Дата обращения 22.06.2022).
14. *Synonymický slovník slovenčiny* / red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, 2004. 998 s. (URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> Дата обращения 22.06.2022).

REFERENCES

- Benko V. Aranea: Ďalšia rodina (porovnateľnej) webovej korporácie. *Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, Brno, Česká republika, 8.–20. september 2014. Proceedings*. eds. P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala, Springer International Publishing Switzerland, 2014. pp. 57–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html. (accessed 22.06.2022). (In Slovak)
- Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species *Ecology*. 1945, vol. 26, no. 3, pp. 297–302.
- Iakovleva Je.S. *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiia)*. Moscow, Gnozis Publ., 1994, 344 p. (In Russ.)
- Khokhlova M.V. Obzor bol'shikh russkoiazыchnykh korpusov tekstov. *Komp'iuternaia lingvistika i vychislitel'nyye ontologii*. Saint-Petersburg, Universitet ITMO Publ., 2016, pp. 74–77. (In Russ.)
- Krátky slovník slovenského jazyka*, red. Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., 4 vyd., Bratislava, Veda, 2003. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed 22.06.2022).
- Magyar nyelv értelmző szótára*, ed. Barczy G., Országh L. et al. Köt. II. Budapest, Akadémiai kiadó. 1960. 1137 s. Kot. V. Mo-S. Budapest. Budapest, Akadémiai kiadó. 1961. 1315 s. Kot. VI. S-Ty. Budapest, Akadémiai kiadó. 1962. 883 s. URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmezo-szotara/elolap.php> (accessed 22.06.2022).
- Majchráková D. Korpusový pohľad na spájatelnosť slov. *Slovenská rec*. 2011, roč. 76, č. 1–2, pp. 84–90. (In Slovak)
- Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. Publ., 1966, 896 p. (In Slovak)
- Pankov F.I. *Funktsional'no-kommunikativnaia grammatika russkogo narechiia*. Avtoreferat ... dokt. Filol. nauk. Moscow, 2009. 44 p. (In Russ.)
- Rychlý P. *A lexicographer-friendly association score* *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN2008*, eds. P. Sojka, A. Horák. Brno, Masaryk University Publ., 2008, pp. 6–9. (In Slovak)
- Stefanowitsch A. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin, Language Science Press Publ., 2020, 510 p.
- Slovník súčasného slovenského jazyka*, vol. 1. A–G, Buzássyová K., Jarošová A., eds., Bratislava, 2006, 1134 p.; vol. 3. M–N, Jarošová A., ed., Bratislava, 2015. 1100 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed 22.06.2022). (In Slovak)

Информация об авторе:

Ващенко Дарья Юрьевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института
славяноведения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-1628-3861
E-mail: daranis@mail.ru

Information about the author:

Vashchenko Daria Yurievna,
Ph D. (Philology),
senior researcher, Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-1628-3861
E-mail: daranis@mail.ru

Приложение 1

Сочетаемость словачских наречий группы «часто» по данным Словацкого национального корпуса, logDice

	často lemma	často logDice	neraz lemma	neraz logDice	mnohokrát lemma	mnohokrát logDice	veľakrát lemma	veľakrát logDice	viackrát lemma	viackrát logDice
1	čoraz	9,313	stávať	7,008	neuviedomovať	6,074	nespočetne	8,426	podržať	8,743
2	stávať	8,955	ba	6,867	mnohokrát	5,916	zapaďnúť	5,888	trestaný	8,730
3	bývať	8,754	bývať	6,480	opakovaný	5,780	veľakrát	5,828	súdne	8,213
4	stretávať	8,739	podržať	6,242	polovičný	5,742	podržať	5,731	zopakovať	7,560
5	veľmi	8,424	veru	6,168	splácanie	5,599	imperatív	5,401	minulosť	7,560
6	používať	8,422	unikáť	6,145	opakovať	5,540	opakovať	5,316	opakovať	7,348
7	vyskytovať	8,273	minulosť	5,971	predtým	5,212	neuviedomovať	5,285	deklarovať	6,897
8	chodiť	8,261	presvedčiť	5,948	kritizovaný	5,199	sklamať	5,229	vyznamenáť	6,788
9	objavovať	8,084	počuť	5,942	stávať	5,182	nevysychať	5,212	udrieť	6,784
10	dosť	8,032	svedok	5,872	podceňovaný	5,174	stávať	5,070	vyhrázať	6,693
11	využívať	7,983	končiť	5,765	požičanie	5,156	hektický	4,978	denne	6,485
12	človek	7,884	hoci	5,665	cenovo	5,104	zažiť	4,959	zdôrazniť	6,484
13	pomerne	7,782	stretávať	5,660	nerozhodnosť	5,093	príživník	4,927	navštíviť	6,459
14	príliš	7,668	poriadne	5,595	nelogický	5,062	nevyspatý	4,915	vyjadriť	6,397
15	chodiť	7,569	dokázať	5,581	udomácníť	5,027	plytvať	4,906	kritizovať	6,330
16	spomínať	7,548	zložitý	5,543	nečakaný	5,006	pohádať	4,869	brankár	6,273
17	dochádzať	7,511	priam	5,496	tragikomický	4,995	počuť	4,803	verejne	6,270
18	rôzny	7,497	doslova	5,495	nepožiadat	4,969	smädny	4,781	upravovaný	6,174
19	navštevovať	7,495	stať	5,481	zabúdať	4,945	pokolenie	4,775	pokúšať	6,130
20	preto	7,431	neraz	5,472	odskúšaný	4,875	zbytočne	4,751	už	6,029
21	dostávať	7,416	dochádzať	5,435	nedocenený	4,849	príčinenie	4,750	pohroziť	6,010
22	dieta	7,412	potlesk	5,431	spúšťač	4,830	nekonečne	4,738	avizovať	6,006
23	hovoriť	7,387	i	5,416	rozostretý	4,796	gaštan	4,716	upozorniť	5,970
24	meniť	7,385	prekvapiť	5,389	poškodený	4,731	kvaka	4,704	upozorňovať	5,968
25	používaný	7,376	vyčítať	5,387	nespočetne	4,681	Levi	4,676	naznačiť	5,958
26	tak	7,366	ťažký	5,357	zažiť	4,650	úkor	4,675	stretnúť	5,949

	často lemma	často logDice	neraz lemma	neraz logDice	mnohokrát lemma	mnohokrát logDice	veľakrát lemma	veľakrát logDice	viackrát lemma	viackrát logDice
27	ako	7,355	kritika	5,352	sklamať	4,642	nebývať	4,649	prevrátiť	5,913
28	sa	7,347	ocitnúť	5,250	pomýliť	4,635	hotovosť	4,617	naposledy	5,848
29	u	7,325	žiaľ	5,238	pôžička	4,560	hladiujúci	4,617	odvtedy	5,838
30	problém	7,292	pristihnúť	5,231	vyvrátený	4,558	jednotkár	4,600	meniť	5,801
31	aj	7,260	sám	5,227	zopakovať	4,550	výmenný	4,571	napadnúť	5,680
32	nestávať	7,198	popáliť	5,166	voliť	4,548	oddelené	4,557	nebezpečne	5,626
33	ich	7,194	pacient	5,160	vyznievať	4,537	maminka	4,537	vystreliť	5,615
34	však	7,194	často	5,127	podceňovať	4,535	predtým	4,527	bodnúť	5,583
35	prichádzať	7,166	spôsobovať	5,120	remeselník	4,529	nedocenený	4,465	neúspešne	5,577
36	rodič	7,166	už	5,113	protichodný	4,504	krmný	4,464	vyzvať	5,569
37	práve	7,142	klášť	5,113	úkor	4,488	pristihnúť	4,462	zákrok	5,568
38	opakovať	7,137	osud	5,102	skloňovaný	4,481	zamýšľať	4,453	novelizovaný	5,567
39	pri	7,136	zbytočne	5,098	prestíž	4,467	vedno	4,448	rokováť	5,538
40	alebo	7,120	krutý	5,082	ocenený	4,418	predísť	4,421	ohroziť	5,530
41	oveľa	7,033	zdôrazňovať	5,076	odradit'	4,409	susedský	4,405	1654	5,514
42	takýto	7,011	sťažovať	5,075	minulosť	4,394	zabúdať	4,379	1643	5,511
43	až	7,009	veď	5,065	podržať	4,384	mýliť	4,353	zaznieť	5,490
44	robiť	6,996	zažiť	5,050	svedok	4,377	opakovaný	4,314	tyždenne	5,443
45	ale	6,996	dostávať	5,044	ovplyvnený	4,354	kritizovaný	4,301	zasahovať	5,431
46	žena	6,993	trpieť	5,042	stretávať	4,331	improvizovať	4,299	potlesk	5,404
47	sám	6,983	aj	5,035	nenávisť	4,310	oprávnene	4,229	góľman	5,403
48	ktorý	6,955	protichodný	5,022	počuť	4,280	suplovať	4,228	opakovaný	5,395
49	než	6,954	spomínať	5,018	zbytočne	4,271	podceňovaný	4,215	priebež	5,386
50	že	6,950	život	5,014	strecha	4,268	novelizovaný	4,204	päť	5,382
51	k	6,922	stretnúť	4,989	zabudnutý	4,248	presvedčiť	4,191	porušiť	5,362
52	s	6,911	terč	4,988	overený	4,232	zakúsiť	4,157	vysloviť	5,342
53	otázka	6,908	komplikovaný	4,983	presvedčiť	4,231	hladný	4,152	spomenúť	5,336
54	počuť	6,906	tvrdý	4,973	klasicky	4,231	pomyliť	4,140	počas	5,316
55	svoj	6,883	úkor	4,957	mŕtvica	4,225	poobedňajší	4,082	Fico	5,315

	často lemma	často logDice	neraz lemma	neraz logDice	mnohokrát lemma	mnohokrát logDice	veľakrát lemma	veľakrát logDice	viackrát lemma	viackrát logDice
56	pretože	6,883	predtým	4,944	opýtaný	4,217	poučiť	4,064	kopnúť	5,310
57	málo	6,856	prítom	4,942	závidieť	4,213	SSE	4,061	žiadať	5,306
58	iný	6,841	zabúdať	4,940	žiaľ	4,199	ofutovať	4,057	zažiť	5,292
59	stále	6,836	dokonca	4,937	symptóm	4,182	vystavený	4,055	ocenený	5,271
60	hoci	6,830	vyvolávať	4,928	prevyšovať	4,181	zaznieť	4,035	fyzicky	5,258

Приложение 2

Сочетаемость словацких наречий группы «часто» по данным Araneum Slovacum Majus, logDice

	často lemma	často dice	neraz lemma	neraz dice	mnohokrát lemma	mnohokrát dice	veľakrát lemma	veľakrát dice	viackrát lemma	viackrát dice
1	vyskytovať	9,136	stávať	6,410	ocenený	5,628	nespočetne	8,739	opakovať	7,616
2	stávať	9,120	ba	6,008	uvedomovať	5,601	veľakrát	6,107	zopakovať	7,487
3	používať	9,000	bývať	5,997	opakovať	5,579	počuť	5,871	trestaný	7,161
4	bývať	8,987	svedok	5,882	mnohokrát	5,561	stávať	5,586	podržať	7,008
5	čoraz	8,869	pristihnúť	5,685	stávať	5,522	pristihnúť	5,112	denne	6,873
6	stretávať	8,726	presvedčiť	5,681	predtým	5,287	uvedomovať	5,084	minulosť	6,851
7	veľmi	8,710	končiť	5,585	presvedčiť	5,242	osvedčiť	4,869	súdne	6,530
8	používaný	8,543	počuť	5,554	nezmýselný	5,160	zamýšľať	4,834	prestavaný	6,327
9	objavovať	8,336	stať	5,513	bývať	5,149	opakovať	4,834	spomínať	6,321
10	krát	8,275	zachrániť	5,485	prevyšovať	5,082	nekonečne	4,813	zaznieť	6,220
11	u	8,188	prekvapiť	5,427	počuť	5,050	presvedčiť	4,808	tyždenne	6,167
12	dosť	8,154	stretávať	5,409	žiaľ	5,013	popáliť	4,784	ocenený	6,158
13	človek	8,152	veru	5,383	podceňovaný	4,985	stretávať	4,756	zdôrazniť	6,115
14	využívať	8,057	neraz	5,342	opakovaný	4,911	novelizovaný	4,752	navštíviť	6,027
15	pomerne	8,053	slza	5,310	minulosť	4,911	stretnúť	4,734	udrieť	6,020
16	ochorenie	8,027	podržať	5,253	kritizovaný	4,843	zabúdať	4,650	pokúšať	6,016
17	sa	7,921	potrápiť	5,230	stretávať	4,838	zbytočne	4,649	vyjadriť	6,012
18	chodiť	7,885	stretnúť	5,202	zabúdať	4,811	bývať	4,639	naposledy	5,846

	často lemma	často dice	neraz lemma	neraz dice	mnohokrát lemma	mnohokrát dice	veľakrát lemma	veľakrát dice	viackrát lemma	viackrát dice
19	žena	7.864	ocitnúť	5.195	úkor	4.786	zažiť	4.625	už	5.808
20	príliš	7.807	minulosť	5.110	novelizovaný	4.723	rozmysľať	4.619	deklarovať	5.768
21	problém	7.801	nejeden	5.101	nespočetne	4.702	stať	4.537	avizovať	5.685
22	preto	7.729	ťažký	5.101	zachrániť	4.664	zaznieť	4.496	prečítať	5.631
23	ako	7.724	doslova	5.088	zložitý	4.592	podržať	4.487	novelizovaný	5.604
24	málo	7.720	hoci	5.056	nekalitný	4.584	predtým	4.434	stretnúť	5.569
25	rôzny	7.715	i	5.032	dejiny	4.545	bohužiaľ	4.430	skúšať	5.560
26	dieťa	7.686	zložitý	5.030	zopakovať	4.520	zasmiať	4.395	pohroziť	5.516
27	otázka	7.682	poriadne	5.026	bohužiaľ	4.516	spomínať	4.376	spomenúť	5.515
28	dochádzať	7.662	komplikovaný	5.020	zaznieť	4.505	sklamať	4.375	substituovaný	5.508
29	pacient	7.655	žiaľ	4.979	komplikovaný	4.500	úkor	4.360	verejne	5.487
30	však	7.598	protichodný	4.959	zbytočne	4.486	podceňovaný	4.353	porcia	5.467
31	práve	7.511	priam	4.955	diskutovaný	4.420	odvtedy	4.320	brankár	5.452
32	bolesť	7.494	neľahký	4.927	bolestivý	4.412	svedok	4.319	kritizovať	5.450
33	pri	7.478	spomínať	4.872	nesprávne	4.412	skúšať	4.315	písať	5.431
34	choroba	7.477	vyvolávať	4.871	náročný	4.411	už	4.309	opakovane	5.427
35	aj	7.473	poplakať	4.858	neľahký	4.371	zdlhavý	4.220	raz	5.391
36	tak	7.424	pri tom	4.807	svedok	4.369	rozhodovať	4.183	odzníť	5.373
37	hovoríť	7.416	dokonec	4.772	podceňovať	4.364	rozprávať	4.164	upozorniť	5.361
38	meniť	7.396	zapotiť	4.771	osvedčiť	4.344	minulosť	4.157	opakovaný	5.356
39	pretože	7.376	kritika	4.750	sfilmovaný	4.321	pýtať	4.099	odvtedy	5.355
40	takýto	7.355	nepríjemný	4.745	pristihnúť	4.315	ofutovať	4.048	vyhrázať	5.322
41	ale	7.354	náročný	4.740	nedocenený	4.305	kritizovaný	4.043	naznačiť	5.321
42	príčina	7.322	terč	4.739	ťažko	4.280	zachrániť	4.034	spomínaný	5.307
43	ktorý	7.310	čeliť	4.713	neskoro	4.279	odskúšaný	4.017	opravovaný	5.274
44	alebo	7.298	ťažko	4.702	vyskúšaný	4.268	ocenенý	4.002	upozorňovať	5.270
45	že	7.294	ťažkosť	4.699	už	4.261	sklamany	3.981	počuť	5.246
46	.	7.290	dokázať	4.696	zbytočný	4.250	pomocť	3.973	vyzvať	5.194
47	muž	7.285	spôsobovať	4.695	zažiť	4.244	vtipný	3.965	bodnúť	5.153

	často lemma	často dice	neraz lemma	neraz dice	mnohokrát lemma	mnohokrát dice	veľakrát lemma	veľakrát dice	viackrát lemma	viackrát dice
48	s	7.261	bitka	4.693	tušiť	4.228	pohádať	3.951	vysloviť	5.104
49	príznak	7.259	situácia	4.683	než	4.225	mýliť	3.943	neúspešne	5.102
50	trpieť	7.245	krutý	4.670	stretnúť	4.223	zlyhávať	3.930	presvedčiť	5.094
51	robiť	7.231	už	4.660	skreslený	4.194	povedaný	3.918	spomenutý	5.070
52	táto	7.203	ocitať	4.647	zdŕhavý	4.190	nesprávne	3.903	priebeh	5.062
53	až	7.203	siahnuť	4.636	povedaný	4.179	vidieť	3.892	prestavovaný	5.048
54	oveľa	7.201	rodič	4.626	odvtedy	4.166	uponáhľaný	3.886	viackrát	5.039
55	on	7.197	konflikt	4.609	uponáhľaný	4.147	žiaľ	3.861	použiť	5.035
56	ich	7.191	zažiť	4.602	sklamať	4.141	pochybiť	3.857	čítať	5.008
57	tento	7.181	život	4.589	potvrdený	4.139	sám	3.857	skórovať	4.986
58	rodič	7.147	zabúdať	4.587	práve	4.135	pokúšať	3.842	použiteľný	4.965
59	vidieť	7.137	rozhodovať	4.585	sklamany	4.128	malíčkosť	3.839	meniť	4.956
60	to	7.136	iste	4.583	stačiť	4.127	podceňovať	3.825	počas	4.949

Приложение 3

Сочетаемость венгерских наречий группы «часто» по данным Венгерского национального корпуса, logDice

	gyakran lemma	gyakran logDice	sokszor lemma	sokszor logDice	többször lemma	többször logDice	rendszeresen lemma	rendszeresen logDice	többször lemma	többször logDice
1	előfordul	9.245	oly	8.415	előfordul	8.223	ellenőriz	8.058	felhős	9.467
2	emleget	7.829	előfordul	7.713	elhangzik	8.168	publikál	7.974	erősen	8.407
3	használ	7.748	nagyon	7.380	megnövekszik	8.074	látogat	7.735	mérsékelt	8.137
4	felhős	7.644	emleget	7.272	felhőzet	8.054	fogyaszt	7.590	hőmérséklet	8.029
5	erősen	7.463	elhangzik	7.268	naponta	7.783	frissít	7.437	légmozgás	7.854
6	oly	7.084	sokszor	7.125	korábban	7.681	frissül	7.370	időjárás	7.609
7	találkozik	7.063	hangoztat	6.949	elműlik	7.641	sportol	7.263	fok	7.551
8	hangoztat	6.972	bizony	6.923	hangoztat	7.554	AGB	7.175	nappali	7.451
9	alkalmaz	6.920	hallik	6.786	módosít	7.521	nézettség	7.038	borult	7.337
10	fordul	6.893	csókol	6.748	elmond	7.317	tájékoztat	6.894	napos	7.326

	gyakran lemma	gyakran logDice	sokszor lemma	sokszor logDice	többször lemma	többször logDice	rendszeresen lemma	rendszeresen logDice	többször lemma	többször logDice
11	látogat	6.748	elmond	6.495	hangsúlyoz	7.227	fellép	6.857	ég	7.269
12	megfordul	6.741	nehéz	6.294	erősen	7.219	bántalmaz	6.740	borul	7.134
13	túl	6.684	egy-egy	6.197	során	7.201	beszámol	6.733	párás	6.981
14	felhőzet	6.672	elég	6.019	egyre	7.194	konzultál	6.652	száraz	6.827
15	megesik	6.659	találkozik	6.016	azóta	7.073	szürke	6.522	éjszakai	6.535
16	ég	6.639	egymás	5.985	már	7.052	előfordul	6.518	mérsékel	6.517
17	elő	6.617	tapasztal	5.869	felmerül	7.014	médiakutató	6.511	várható	6.486
18	nevez	6.600	sőt	5.866	bírái	7.013	találkozik	6.490	csapadék	6.412
19	igen	6.582	sokan	5.861	utóbbi	6.999	mér	6.477	helyenként	6.390
20	megnövekszik	6.542	érezik érez	5.853	megismétel	6.966	doboz	6.467	csere	6.357
21	elég	6.525	túl	5.825	megüt	6.918	Nielsen	6.418	másutt	6.251
22	hivatkozik	6.517	szülő	5.775	találkozik	6.914	szervez	6.406	derül	6.206
23	egy-egy	6.476	nehezen	5.770	folymán	6.892	jár	6.377	alacsony	6.107
24	jár	6.414	beteg	5.761	is	6.791	televízió	6.321	változóan	6.098
25	egymás	6.411	szokik	5.750	beszámol	6.779	szed	6.280	szél	6.006
26	hallik	6.393	hivatkozik	5.727	megfordul	6.750	egyezett	6.273	eleinte	5.968
27	kifejezés	6.381	tűnik	5.713	kijelent kijelentet	6.722	felülvizsgál	6.229	zápor	5.955
28	időjárás	6.344	ismétel	5.710	kijelentet kijelent	6.682	felkeres	6.182	burkolat	5.935
29	elhangzik	6.336	ellentmond	5.699	hetente	6.665	óta	6.144	valószínű	5.882
30	szél	6.334	igen	5.696	jelez	6.619	eljár	6.134	gyenge	5.845
31	ilyenkor	6.322	gyakran	5.692	emleget	6.608	zaklat	6.110	ritkán	5.834
32	szokik	6.320	Lőrinc	5.673	időjárás	6.591	évente	6.094	felhő	5.786
33	szerepel	6.317	már	5.672	nyilatkozik	6.584	visszajár	6.089	időjárás-jelentés	5.770
34	nagyon	6.264	idéz	5.658	átépít	6.570	szerepel	6.080	változó	5.750
35	ábrázol	6.244	történelem	5.658	megpróbál	6.567	dohányzik	6.073	nedves	5.745
36	idéz	6.220	sajnos	5.655	figyelmeztet	6.552	azóta	6.052	szokik	5.730
37	viharos	6.210	érez érezik	5.651	megfenyeget	6.500	folyóirat	6.022	zivatar	5.694
38	északnyugati	6.206	elműlik	5.630	említ	6.485	ismétlődik	6.006	magas	5.689

	gyakran lemma	gyakran logDice	sokszor lemma	sokszor logDice	többször lemma	többször logDice	rendszeresen lemma	rendszeresen logDice	többször lemma	többször logDice
39	sőt	6.203	felmerül	5.622	megszúr	6.457	koncertezik	6.006	néhol	5.663
40	különböző	6.180	vita	5.587	felhív	6.435	havonta	5.961	életmód	5.663
41	okoz	6.133	érez	5.571	napsütés	6.367	használ	5.939	irányú	5.629
42	változik	6.132	beszél	5.551	cserél	6.336	vizsgál	5.929	kelet	5.559
43	viszonylag	6.107	okoz	5.532	felhős	6.316	játszik	5.916	vizes	5.521
44	mostanában	6.061	során	5.521	próbálkozik	6.315	mozog	5.909	idős	5.473
45	élénk	6.007	ugye	5.516	utal	6.300	visszatér	5.902	napközben	5.361
46	ezért	5.974	gyerek	5.509	felszólít	6.232	előadás	5.852	marad	5.350
47	során	5.971	ézés	5.503	ismétel	6.232	bejár	5.847	gyengén	5.348
48	emiat	5.963	hiszen	5.493	vita	6.188	ülésezik	5.843	egy-egy	5.327
49	panaszodik	5.961	bonyolult	5.460	ráló	6.182	hetente	5.820	alakú	5.304
50	együtt	5.941	bár	5.446	változik	6.181	felbukkan	5.806	eső	5.281
51	betegség	5.917	nehézség	5.404	visszatér	6.156	figyel	5.798	északi	5.253
52	játszik	5.902	mostanában	5.399	jár	6.154	gyógyszer	5.795	havazás	5.235
53	szülő	5.897	sokféle	5.378	bár	6.152	játéklehetőség	5.754	fiatal	5.207
54	erős	5.888	bírá	5.355	évente	6.150	végez	5.723	valamilyen	5.186
55	gyakran	5.881	probléma	5.345	hivatkozik	6.146	közzétesz	5.710	között	5.174
56	például	5.869	gyakorlat	5.333	fordul	6.130	edz	5.662	ilyenkor	5.173
57	utóbbi	5.813	használ	5.326	közben	6.117	kijár	5.636	tartózkodik	5.135
58	látható	5.778	fordul	5.322	szerepel	6.103	alkohol	5.632	idő	5.130
59	milyenhamilyen	5.766	különböző	5.314	évi	6.089	megeőszkol	5.609	nyelvű	5.111
60	tapasztal	5.763	hallhat	5.310	hallik	6.068	feltűnik	5.608	faj	5.104

Приложение 4

Сочетаемость венгерских наречий группы «часто» по данным Apanicum Hungaricum Majus, logDice

	gyakran lemma	gyakran logDice	sokszor lemma	sokszor logDice	többször lemma	többször logDice	rendszeresen lemma	rendszeresen logDice	többször lemma	többször logDice
1	előfordul	9.484	oly	8.442	naponta	9.150	ellenőriz	8.428	felhős	6.768
2	használ	7.932	előfordul	7.971	előfordul	8.166	sportol	8.426	szokik	6.229
3	találkozik	7.832	hallik	7.782	egyre	8.099	fogyaszt	8.389	erősen	6.014
4	ismétel	7.671	nehéz	7.354	minél	7.635	látogat	8.193	valamilyen	5.951
5	emleget	7.536	nagyon	7.298	hetente	7.606	publikál	7.680	ritkán	5.737
6	igen	7.474	sajnos	7.241	találkozik	7.341	frissít	7.564	ilyenkor	5.722
7	alkalmaz	7.417	elég	7.129	már	7.315	szervez	7.416	borult	5.716
8	túl	7.388	emleget	7.080	folyamán	7.290	jár	7.401	idős	5.463
9	fordul	7.324	találkozik	7.051	elmúlik	7.250	mozog	7.388	bár	5.461
10	hallik	7.300	bizony	7.046	azóta	7.238	szed	7.228	jellegű	5.423
11	elég	7.288	tapasztal	6.914	módosít	7.173	azóta	7.022	fiatal	5.361
12	elő	7.201	már	6.859	során	7.101	fellép	6.947	eredetű	5.345
13	ökoz	7.190	sokszor	6.855	korábban	7.085	óta	6.945	tűnet	5.316
14	jár	7.185	túl	6.848	megismétel	7.084	tisztít	6.932	ok	5.263
15	kérdés	7.122	egy-egy	6.781	évente	7.000	beszámol	6.930	betegség	5.250
16	oly	7.109	érezik/érez	6.748	ismétel	6.971	végez	6.859	külföldi	5.246
17	milyen/amilyen	7.051	észlel	6.741	is	6.970	használ	6.812	azonban	5.236
18	tűnet	7.002	sőt	6.708	említ	6.954	öntöz	6.811	hőmérséklet	5.220
19	látogat	6.925	okoz	6.654	napjában	6.875	tájékoztató	6.806	alacsony	5.220
20	probléma	6.910	tűnik	6.646	elhangzik	6.872	visszatér	6.802	negatív	5.214
21	tapasztal	6.873	egymás	6.625	megfordul	6.868	találkozik	6.796	néha	5.185
22	sajnos	6.854	igen	6.622	hallik	6.808	olvas	6.722	használ	5.177
23	betegség	6.847	bár	6.611	jár	6.783	karbantart	6.655	egy-egy	5.150
24	sőt	6.806	érez	6.596	közben	6.735	gyógyszer	6.628	jellemző	5.147
25	megesik	6.790	probléma	6.495	akár	6.666	edz	6.615	alkalmaz	5.146
26	ezért	6.779	jár	6.457	hangsúlyoz	6.614	veszik	6.566	mivel	5.109
27	ilyenkor	6.732	nehezen	6.445	próbálkozik	6.609	frissül	6.548	jelentkezik	5.106
28	felmerül	6.727	lát	6.428	fordul	6.597	havonta	6.531	egyedül	5.105

	gyakran lemma	gyakran logDice	sokszor lemma	sokszor logDice	többször lemma	többször logDice	rendszeresen lemma	rendszeresen logDice	többszörre lemma	többszörre logDice
29	jelentkezik	6.712	olyan	6.401	utóbbi	6.575	blog	6.503	ismeretlen	5.094
30	beteg	6.706	ember	6.377	felmerül	6.542	előfordul	6.490	lakik	5.060
31	szokik	6.658	szülő	6.343	hangoztat	6.536	hetente	6.474	hátér	5.054
32	során	6.658	mostanában	6.328	elmond	6.489	évente	6.455	csak	5.047
33	egymás	6.644	mert	6.318	mostanában	6.459	gyakorol	6.418	származik	5.044
34	szülő	6.613	jut	6.311	visszatér	6.429	hírlevél	6.412	okoz	5.039
35	megfordul	6.599	mégis	6.308	cserél	6.426	ismétlődik	6.405	fehér	5.030
36	olyan	6.598	élet	6.307	elő	6.388	naponta	6.392	forma	5.029
37	nagyon	6.574	de	6.291	egymás	6.366	eljár	6.363	fok	5.024
38	hangoztat	6.539	is	6.271	próbál	6.315	visszajár	6.345	ám	5.008
39	egy-egy	6.526	használ	6.268	emleget	6.297	megjelenik	6.305	alakú	4.969
40	nevez	6.524	felmerül	6.253	szerepel	6.296	koncertezik	6.274	marad	4.966
41	változik	6.474	fordul	6.247	egyszer	6.251	iszik	6.206	él	4.963
42	mostanában	6.472	dolog	6.244	elolvas	6.239	jelentkezik	6.188	általában	4.963
43	miatt	6.459	sokan	6.231	használ	6.226	szerepel	6.183	férfi	4.962
44	ember	6.407	hiszen	6.215	megpróbál	6.222	rendezvény	6.142	gyenge	4.961
45	szerepel	6.397	gondol	6.207	olvas	6.205	alkalmanként	6.134	fa	4.950
46	különböző	6.378	során	6.207	bár	6.193	ellenőriztet	6.116	zajlik	4.944
47	viszonylag	6.364	hangoztat	6.207	bizonyít	6.191	tart	6.102	vagy	4.943
48	mivel	6.341	veszik	6.201	megnéz	6.169	takarít	6.079	pozitív	4.940
49	együtt	6.335	helyzet	6.200	egy-egy	6.136	emeltet	6.024	elő	4.940
50	ők	6.334	egyszerű	6.198	ír	6.133	érdemes	6.022	rövid	4.936
51	is	6.314	maga	6.168	leír	6.115	ápol	6.016	ártalmatlan	4.921
52	ilyen	6.305	sem	6.167	sőt	6.108	továbbképzés	6.009	ember	4.915
53	ok	6.301	elmond	6.158	tapasztal	6.090	rész	5.972	nővény	4.909
54	kifejezés	6.298	mi	6.154	eszik	6.073	vásárol	5.965	száraz	4.897
55	társul	6.254	gyerek	6.154	ugyanaz	6.033	foglalkozik	5.956	jellemez	4.896
56	vagy	6.249	úgy	6.153	sajnos	6.033	alkalmaz	5.952	épül	4.893
57	hátér	6.231	tünet	6.150	szó	6.017	fizet	5.920	beteg	4.890
58	hiba	6.203	ezért	6.148	felhív	6.016	folyóirat	5.916	készül	4.887
59	veszik	6.201	még	6.148	kerül	5.989	jelenik	5.899	tartózkodik	4.873
60	idéz	6.184	miatt	6.148	beszámol	5.984	étkezik	5.884	szexuális	4.872

Славяноведение, 2023, № 1, с. 85–95

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 85–95

DOI: 10.31857/S0869544X0024720-5

Оригинальная статья / Original Article

Мифологические персонажи водного пространства в народных традициях Сербии и Китая

© 2023 г. Лю Ху

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

liu.hu@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу образов и наименований сербских и китайских (провинция Шаньдун) мифологических персонажей водного пространства, а также связанных с ними мифов, преданий и обрядов. В статье рассматриваются антропоморфные (серб. *водењак*, кит. *шуйгуй*, «водяной черт», *маожэньшуйгуай*, «косматый водяной дьявол») и зооморфные (серб. *водени бик*, кит. водяная черепаха *бецзин*, водяная обезьяна *шуйхоуцзы*) водные существа; кроме того, отдельную группу мифологических персонажей составляют драконы-чудовища, которые связаны не только с водной, но и с воздушной стихией (серб. *хала*, *аждаја*, *ламја*, кит. *хэдаван*, «царь речной змей», и *хайлунван*, «царь морской дракон»).

Исследование опирается на методы московской этнолингвистической школы, предполагающие реконструкцию древней народной духовной культуры на основании данных ее языка — текстов и отдельных лексических единиц (обрядовой терминологии, мифологической лексики и т.п.), и знакомит читателя с быличками и легендами, ритуалами и обрядами, связанными с «водными» персонажами, а также с их именами и лексическими моделями таких номинаций. В заключении анализируются типологические сходства и различия рассматриваемых мифологических персонажей и их имен, известных в традиционной народной культуре Сербии и китайской провинции Шаньдун.

Ключевые слова: водяной демон, народная мифология, сравнительная демонология, этнолингвистика, провинция Шаньдун, Сербия.

Ссылка для цитирования: Лю Ху. Мифологические персонажи водного пространства в народных традициях Сербии и Китая // Славяноведение. 2023. № 1. С. 85–95. DOI: 10.31857/S0869544X0024720-5

Water Space Mythological Spirits in the Serbian and Chinese Folk Traditions

© 2023. Liu Hu

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

liu.hu@mail.ru

Abstract. The paper puts into comparison the names and the identifying features of the Serbian and Chinese (Shandong province) mythological spirits (ss. water demons) along with the relevant rites and folk legends. The article examines anthropomorphic (Serb. *водењак*, lit. ‘waterman’, Chine. *shuigui*, lit. ‘water devil’, *maorensuiguai*, lit. ‘haired devil’) and zoomorphic (Serb. *водени бик*, lit. ‘water bull’, Chin. *biejing*, lit. ‘water turtle’) water demonic creatures, as well as the dragon-like water monsters that form a separate group of the demons who belong with both water and air spaces. The research is based on the methods of the Moscow ethnolinguistic school, which presupposes reconstruction of the ancient folk spiritual culture backed by the linguistic data (either texts or lexical units) and provides the reader with the stories and legends, rites and ceremonies, associated with water mythological spirits with their names and the models of such nominations. In conclusion, the author analyzes the typological similarities and differences of the investigated mythological water demons and their names, documented in the folk cultures of the Chinese Shandong province and Serbia.

Keywords: water demon, folk mythology, comparative demonology, ethnolinguistics, Shandong Province, Serbia.

Reference for citation: Liu Hu. Water Space Mythological Spirits in the Serbian and Chinese Folk Traditions // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 1. Pp. 85–95. DOI: 10.31857/S0869544X0024720-5

Вода — важная мифологема у всех народов мира. У славян водное пространство воспринимается как граница между реальным и «иным» мирами [3. С. 386]; оно выполняет роль пути в загробный мир, место обитания душ умерших и нечистой силы (водяных, чертей, утопленников и т.п.). Равным образом, по поверьям древних китайцев, обитаемое пространство суши окружено с четырех сторон морями¹, а сама вода — наряду с огнем, землей, деревом и металлом — представляет собой первоэлемент в пятичленной структуре мироздания *У-син* [12. С. 294]. Одна из легенд о сотворении мира, связывает появление водных пространств с мифическим первопредком Пань Гу, чья голова стала горами, глаза — солнцем и луной, кровь — морями и реками, а пот — дождем [13. С. 194–195]. До сих пор китайцы полагают, что водное пространство является основным местом обитания змееподобных персонажей и душ умерших [19. С. 136–140].

Настоящая работа главным образом посвящена определению базовых способов номинации водных демонов, а также анализу другой лексики, относящейся к рассматриваемому фрагменту народной мифологии. Выбор в качестве предмета исследования материала традиций, далеких по языку и культуре (сербской и восточно-китайской), интересен тем, что позволяет выявить не только отличительные особенности, но и типологические сходства в организации мифологических систем разных народов. Теоретические принципы анализа в предлагаемой статье базируются на постулатах московской этнолингвистической школы, которая реконструирует народную мифологию на основании языковых свидетельств (фольклорных текстов или отдельных лексем-терминов) и фактов традиционной культуры.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что для народного сознания — как для сербского, так и для китайского — наиболее типичны верования, согласно которым демон воды показывается в образе человека (мужчины, женщины или даже ребенка), реже — в облике животного: быка

¹ Откуда, в частности, происходит поговорка «В пределах четырех морей (т.е. во вселенной) все люди — братья».

(серб.) или черепахи (кит.). Отдельную группу составляют представления о том, что патронами водоемов, повелителями туч и облаков, являются змееподобные чудовища, драконы. Характерно, что многие из наименований рассматриваемых мифологических персонажей, содержат определение *водяной, водный, шуй* [水] (*водени бик, шуйхоуцзы* [水猴子], 'водяная обезьяна')², указывающее на локус обитания последних.

Рассмотрим подробнее каждую из обозначенных категорий.

1. Антропоморфные водные демоны и их имена: водный дух / дьявол/черт

В сербской демонологической системе сохраняются представления об общеславянском *водяном*, и наиболее распространенными сербскими названиями этого персонажа являются *водењак* (з.-серб., в.-серб., Воеводина, Косово, Черногория) или (реже) *водни човек* (Воеводина, г. Бела Црква). При этом исследователи отмечают, что в целом в южнославянской традиции понятие демона воды развито относительно слабо и многие его функции переданы дьяволу [1. С. 112], что находит отражение в таких наименованиях водяного, как *водени ѓаво* (Воеводина, муниципалитет Панчево) [5. С. 22–30] или просто *ѓаво* (с.-в. Сербия) [4. С. 331]. Сходным образом наиболее частотные названия водяного в китайской провинции Шаньдун также представляют собой образования с компонентом «черт» — *шуйгуй* [水鬼] 'водный черт', *шуйяо* [水妖] 'водный оборотень' и *шуйгуай* [水怪] 'водный демон', *лошуйгуй* [落水鬼] 'черт, упавший в воду'.

Очевидно, что имена сербского персонажа *водењак*, *водени ѓаво* и китайские *шуйгуй*, *шуйяо* и *шуйгуай* указывают на место его обитания: озера, болота, реки у сербов или дно реки, безымянные ручьи, ямы с водой у китайцев. Фольклорные тексты сообщают дополнительные подробности. Например, рассказывают, что *водењак* живет в хрустальном замке, расположенном в самой глубине, где ему прислуживают русалки и утопленники, а тот восседает на троне в короне из рыбьей чешуи [2. С. 9].

В названиях с компонентом «черт» (типа *водени ѓаво* или *шуйгуй*, 'водяной черт') отражаются представления о водяном как о нечистом духе, который вредит людям и губит их. Повсеместно в Сербии и Китае распространены истории о том, как водяной топит людей. Например, *водењак*, который редко выходит из воды, чтобы не потерять на суше свою силу, подманивает людей хлопанием в ладоши; опутывает цепями или кнутом и утаскивает к себе [2. С. 9]. Дух воды в облике женщины, одетой в белые одежды, известен в районе Имэньшань китайской провинции Шаньдун; он появляется по ночам и хватает прохожих за ноги, затагивая их в воду [7. С. 13]. Согласно сербским поверьям, водные духи Дуная ежегодно устраивают танцы около города Пореч или возле села Волоска Бара в Сипе, где решают, кого именно утопят в течение года, называют имя жертвы и приказывают ей, куда и когда прийти [6. С. 123–124]. На северо-востоке Сербии *ѓаво*, выйдя из воды, по поверьям, произносит: «Дошло је време а човека још нема» (Пришло время, а человека еще нет) [4. С. 331].

Неудивительно, что именно к водяным обращались с просьбой помочь отыскать тело утонувшего. Так, в Сербии отмечен обычай пускать после полуночи по воде хлеб с воткнутой в него свечой и монетой и просить «нечестивых» освободить утопленника [6. С. 123–124]. Кроме того, чтобы обезопасить себя от несчастных случаев на воде, сербы — особенно те, чья деятельность была связана

² См. также китайские эпитеты с опорным словом «вода» [水] — *речной* [河], *морской* [海] — в таких названиях китайских водных демонов, как *хэдаван*, 'царь речной змей', и *хайлунван*, 'царь морской дракон'.

с водой (рыбаки, лодочники, мельники) — приносили водяному подношения [2. С. 9]: бросали в воду монеты, платки, камни при переходе моста, а также соблюдали запреты на купание в определенные календарные дни [1. С. 112–113]. В некоторых селах провинции Шаньдун, чтобы выразить уважение к водяному, при обращении именовали его богом воды, *шуйшэнь* [水神] [26. С. 38–56].

В двух китайских именах водяного — *шуйхайцзы* [水孩子] ‘водяной ребенок’ и *лошуйгуи* [落水鬼] ‘черт, упавший в воду’ [7. С. 12–13] можно увидеть указание на то, что водным демоном становится умерший до срока человек — утопленник. В этой связи приведем китайское свидетельство о том, что водный демон губит человека потому, что и сам он — заблудшая душа, которая не смогла переродиться и обречена оставаться демоном, пока не найдет себе замены, т.е. не утопит другого человека. В районах Вэйфан и Цзаочжуан провинции Шаньдун Китая до сих пор сохраняется обычай (*фанхэдэн* [放河灯]) пускать речные фонари по воде на 15-й день седьмого лунного месяца, чтобы осветить и указать водяным духам путь в «иной» мир [16. С. 66]. Верят, что в этот день открываются водные «ворота», все водные духи выходят на свободу, а на землю для спасения бесприютных душ утопленников спускается *шуйгуань* [水官] ‘небесный чиновник воды’ [15. С. 6].

Как правило, фольклорные нарративы изображают водяного духа в виде человека. В Воеводине *водни човек* показывается в облике мужчины невысокого роста, волосатого, в остроконечной шапке и в зеленом костюме, будто сделанном из водорослей, или же голым по пояс. С его волос, подбородка и носа всегда капает вода [2. С. 9]. В районе Имэньшань провинции Шаньдун водяной дух в облике женщины нередко сидит на берегу и плачет, прикрывая свое лицо, а прохожим, которые увидят ее лицо, суждено умереть [7. С. 13]. Гораздо более примечательной внешностью обладают водные демоны *маожэнь* [毛人] ‘обросший шерстью человек’. Как следует из их имени, они покрыты длинными волосами, прячутся в воде днем, а ночью выходят на поверхность и вредят людям (вырывают сердце и внутренности, отрезают гениталии у мужчины или грудь у женщины). Их тело может свободно менять свои размеры, становиться большим или маленьким. Одно из сообщений описывает демона огромного роста, одетого в белый халат, с распущенными длинными седыми волосами и синими зубами, с глазами размером с фонари, светящимися красным и зеленым светом, и двумя когтями, похожими на два лезвия, чтобы ловить животных; он выпрыгивает из воды и превращается в белый луч [23. С. 188].

Завершая рассмотрение имен человекоподобных водных демонов, необходимо добавить, что в некоторых локальных сербских традициях их избегают называть прямо, предпочитая использовать эвфемистические описательные конструкции типа *онај стари* (тот старый), *онај мали* (тот маленький); или же дают им личные имена — *Тартор* (в.-серб.), *Кемза* (з.-серб., Шабач), *Анђама* (Шумадия, Крушевац) [5. С. 22–30].

2. Зооморфные водные мифические существа: водный бык, водная черепаха-оборотень / обезьяна

У балканских славян до сих пор сохранились предания о присутствии в стоячих водоемах (озере, пруду) «хозяина» в облике животного. «Чаще других упоминаются *бык, конь, баран, козел и змея*, причем развитые сюжеты повествуют только о быке (о его столкновении с миром людей и последствиях этого)» [11. С. 439]. Жителям китайской провинции Шаньдун также известно много легенд, преданий и рассказов о водных мифических существах в облике живот-

ного, а именно — о водном быке *шуйнюяо* [水牛妖], водной обезьяне *шуйхоуцзы* [水猴子] (р-н Имэньшань) и о водной черепахе-оборотне *бецзин* [鳖精]. Например, в селе Сяовэньшань рассказывают, что водный оборотень-бык вызвал наводнение и затопил соседние села. При этом наилучшей сохранностью и частотой фиксации характеризуются в наше время предания о водной черепахе-оборотне, в связи с чем именно они будут рассмотрены ниже вместе с сербскими текстами о водном быке.

Фольклорные повествования о водном быке

Рассказы о водных быках, обитавших в озерах, прудах или болотах, известны в центральной Сербии (Стришка бара в окрестностях Парачина; д. Врановац в южных предгорьях Рудника; д. Брайковац в Шумадии), а также в ее южных областях (д. Даич, д. Поляницы в районе г. Вране; Косово) [6. С. 170]. Как следует из его имени — *водни/водени бик/вол* этого речного демона представляли в виде быка черной масти (ю.-з. серб., Старый Влах), белой масти с черными рогами (ю.-серб., Вране) [11. С. 439], с красной шкурой (ю.-в.-серб., Власинское озеро) [1. С. 107], с золотыми рогами (ю.-в.-серб., Пожаревац).

Некоторые рассказы не ограничиваются описанием облика мифологического персонажа, а обрастают деталями, разворачиваясь в целые повествования о сильном быке, который появлялся из воды и губил крестьянский скот на прибрежных пастбищах. Например, рассказывали, что в окрестностях города Свилайнац (Шумадия) водный бык ежедневно забивал насмерть какое-нибудь животное, и жителям пришлось каждую пятницу оставлять на берегу вола в жертву водному демону, чтобы тот оставил в покое стадо³. Композиционная структура таких повествований была исследована и описана сербским исследователем Л. Раденковичем. Он выделяет в ней три части: 1) появление из воды быка, который уничтожает домашний скот и вселяет ужас в крестьян; 2) оковывание железом рогов деревенскому быку, чтобы тот смог дать отпор водному демону; 3) описание разрушительных для деревни последствий гибели/исчезновения раненого водного быка (озеро высыхает или превращается в лужу, град уничтожает урожай, молния убивает гончара, которому принадлежала идея оковать быку рога, или кузнеца) [11. С. 440].

Из вышеизложенного очевидно, что несмотря на весь вред, чинимый водным быком, он — существо священное и является защитником места, которое без него приходит в упадок. Подобные же представления отражаются в другой группе повествований о водных быках, рассказывающих о том, как своим ревом/появлением/исчезновением они «могут возвестить о великих невзгодах» [11. С. 440]. До наших дней сохраняется ритуал жертвоприношения водяному быку на Власинском озере, описание которого содержится в материалах полевого исследования С.Ч. Белича (2013): утром в день св. Николая (22.V) у входа в одну из центральных купален на Власинском озере закалывают поросенка, кровь, внутренности и голову которого позже выбрасывают в реку, а мясо жарят и распределяют между участниками обряда [1. С. 114–115].

Фольклорные повествования о водяной черепахе-оборотне

В настоящее время рассказы или предания о появлении водной черепахи известны преимущественно на юге провинции Шаньдун (в д. Гоцзялоу района

³ См. также сообщение о том, как в окрестностях города Сврлиг (юго-восточная Сербия) водный бык по ночам выходил из родника, бьющего в пещере, и душил крестьянский скот [11. С. 439].

Вэйфан, д. Лючжуанцунь в уезде Цзюйсян, около водохранилища Янмашуйку в уезде Шаньтинсянь, в д. Сыхоуцунь в районе Жичжао), реке на севере (например, в г. Дэчжоу) и на востоке (в д. Чаньчжицунь в прибрежном районе Лайси).

Водную черепаху считают царицей (*ван*) подводного мира, отвечающей за всех речных обитателей, поэтому называют ее *лаобеван* [老鳖王] (старая государыня-черепаха). В деревне Сихоуцунь рассказывают о том, как однажды черепаха приказала слуге-карпу созвать родственников и подданных на торжество («Позови моих потомков и чиновников на вечеринку!»), а самому следить за тем, чтобы об этом приеме не узнали люди; однако карп не справился с заданием — спавший у реки пастух проснулся от звуков музыки и бросил в воду камень, распугав гостей и повредив царский трон — за что был ослеплен и изгнан [22. С. 11].

В провинции Шаньдун люди верят, что водные черепахи бессмертны. По одной из легенд, это произошло после того, как черепаха, обитающая у подножья горы Тайшань, украла и съела чудесную траву долголетия, находившуюся в собственности Дунъюедади [东岳大帝] ‘императора горы Тайшань’ [24]. Бессмертные водяные черепахи обладают сверхъестественной силой, они могут вызывать ветер и дождь. Например, рассказывают, что черепаха из водоема Гоцзятань (г. Янчжоу) во время сильного дождя выходит из воды, взывает к небу, после чего ветер и дождь сразу прекращаются [24]. Предание из уезда Цзюйсянь связывает водную черепаху с князем Чэнъянван, который при своей жизни заботился о ней и кормил ее. После смерти князя черепаха явилась во сне местным чиновникам и пообещала им обеспечивать хорошую погоду, если те построят храм для почитания князя. Чиновники выполнили ее просьбу, и потому черепаха приносит хорошую погоду в месте, где построили храм [21].

Как правило, водная черепаха предстает в виде безобразного старика, но иногда может менять свое обличие. Внешность отражена в ее названии *лаобецин* [老鳖精] («старая бессмертная черепаха»). В настоящее время в связи с образом *бецин* [鳖精], *бе* [鳖] «черепаха» и диал. *ванба* [王八] «черепаха» стали бранными словами, ср. диал.: *бе-янэр*, *бе-сунь*, *ту-бе* («безобразная внешность»), также и ругательство *ванба-цин* (нецензурная лексика) при обращении к мужчине-рогоносцу. Переход названий демонов в экспрессивную лексику известен многим традициям. В Сербии если человек силен необыкновенно, то говорят «*Јак као ала!*» (Так как ала) [5. С. 62]. О прожорливом и нескладенном человеке говорят: «*Ждере као ала!*» (Пожирает как ала) [6. С. 11].

Способность к оборотничеству черепаха может использовать для того, чтобы обмануть человека или подшутить над ним. Так, в деревне Маюйцунь рассказывали, как водная черепаха, обитавшая в *Яньцзы* [淹子] (диал. ‘озеро’), превратилась в учителя и поселилась в небольшом горном селении, чтобы скрыться от людей, которым причинила много вреда [25. С. 16–18]. В районе Лайси записана история о том, что однажды, уже в наши дни, в фотостудию пришли две красивые девушки, похожие на фей, однако когда фотограф начал их снимать, то в объективе фотоаппарата увидел двух старых черепах. Оборотни-черепахи напугали фотографа, посмеялись над ним, а потом ушли [14]. Бытуют предания о том, как черепаха превращается в девушку и вступает в брак с человеком. Например, в селе Гоцзялоу рассказывают, что мужчина по имени Гочжуцзы спас утопающую красивую девушку (водяную черепаху), которая позже вышла за него замуж, чтобы отблагодарить его за спасение. После смерти Гочжуцзы жена-черепаха ушла и исчезла в озере [27].

Как видно из вышеприведенных текстов, зооморфные духи воды в китайской и сербской мифологических системах обладают отличными друг от друга характеристиками — сербский водный бык смертен, никогда не принимает человеческого облика, а китайская водная черепаха, напротив, — бессмертна и нередко оборачивается стариком или девушкой. Тем не менее, оба эти персонажа воспринимаются как патроны своих водных локусов и покровители проживающих около этих водоемов людей, поэтому им оказываются почести и их требования выполняются (водному быку оставляют на берегу жертвенного вола, по просьбе водной черепахи воздвигают храм). Кроме того, обращает на себя внимание связь зооморфных водных демонов с атмосферными явлениями: водный бык регулярно ревет перед переменной погодой (Косово) [6. С. 170], водная черепаха разговаривает с небом и останавливает дождь (г. Янчжоу). Такой же способностью, выраженной даже в большей степени, наделяет народное сознание змееподобных водных существ (змеев и драконов), речь о которых пойдет в следующем разделе.

3. Водный змей/дракон: (х)ала, аждаја, ала, змајеви, даван, хайлунван

Змееподобные чудовища-драконы известны обеим рассматриваемым традициям. У сербов это *хала*, *аждаја*, *ала*, *змајеви*, у китайцев — речной змей *даван* [大王] и царь морских драконов *хайлунван* [海龙王]. Змеи-драконы, которые в большинстве случаев рассматриваются одновременно как воздушные (повелители туч и облаков, подробнее см. [8]) и водные демоны, обитают в водоемах. Так, считается, что в озерах живет *хала* и сходный с ней персонаж *ла-мија*, которая нападает на людей и скот, приходящий на водопой [10. С. 53–54], *аждаја* и *ала*, в образе которых особенно четко проявляется природа демона-покровителя локуса. Например, по народным верованиям из Копаоника, в регионе уменьшился урожай с тех пор, как римляне «заковали поверхность озера балками с железными шипами, повернутыми к воде», и из него ушла *ала* [9. С. 267–276]. По данным «Сербского мифологического словаря», в озерах живут *змајеви*, противники *алы*, которая «водит» градовые облака, поэтому, когда весной бывает засуха, люди обходят озеро крестным ходом, бросают в него крест и жертвоприношение (барана) [6. С. 170].

На юго-западе провинции Шаньдун в районе реки Ханхэ известен речной змей *даван(е)* [大王爷] ‘великий государь’ (в обращении аналогично русскому «Ваше Величество»), *хэдаван* [河大王] ‘великий царь реки’, который способен вызвать дождь или остановить наводнение, в связи с чем ему молились как во время наводнения, так и во время засухи [20. С. 102]. Считается, что *даваны* — духи местных чиновников, умерших в борьбе с наводнениями. «Существуют шесть *даванов*: *Цзиньлунсы-даван* [金龙四大王], *Хуан-даван* [黄大王], *Сун-даван* [宋大王], *Бай-даван* [白大王], *Чжу-даван* [朱大王], *Ли-даван* [栗大王]» [18. С. 410]. Фамилия человека сочетается с названием духа. *Хуан* [黄], *Бай* [白], *Чжу* [朱], *Ли* [栗] — это китайские фамилии, имеющие семантику цвета: *хуан* — желтый, *бай* — белый, *чжу* — красный, *ли* — коричневый, таким образом в названии духа учитывается значение цвета давана. *Цзиньлунсы-даван* переводится буквально как «золотой четвертый дракон». Легенда гласит, что *Цзиньлунсы-даван* родился и жил на горе золотого дракона и был четвертым сыном в семье. И лишь в названии *Сун-даван*, *сун-* используется только как фамилия, которая не имеет дополнительной семантической нагрузки, относящейся к цвету [8. С. 335]. *Даваны* имеют разную внешность. Одни считают, что у них рог на квадратной голове; другие думают, что они красного, желтого или золотого

цвета; третьи полагают, что тело давана имеет форму змеи, а душа его — это душа предка [8. С. 335].

Другой тип змееподобных персонажей — царь морских драконов *хайлунван* [海龙王] известен вдоль побережья в восточной части провинции Шаньдун. Он живет под водой, на дне моря, имеет дворец с бесчисленными сокровищами, управляет всеми морскими существами. Согласно китайским верованиям, драконы способствуют хорошей погоде, поэтому каждый год на морском побережье провинции Шаньдун проводится праздник царя Драконов. Рыбаки вывешивают сети на лодке, готовят кушанья, выкладывают на нос лодки зарезанную свинью, пирожные, булочки, фрукты и т.д. Некоторые рыбаки резали большого красного петуха так, чтобы его кровь вытекала с лодки в море, и молились о благословении и безопасности (см. [17]).

* * *

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы о типологических сходствах и различиях в наименованиях водных мифологических персонажей в китайской (провинция Шаньдун) и сербской традициях, а также в комплексах народных представлений, связанных с ними.

К числу типологических сходств относятся представления о том, что каждый водный локус имеет своего «хозяина», показывающегося в виде человека или животного, который нередко враждебен человеку и домашнему скоту (китайские и сербские водяные духи топят людей, сербский водяной бык закалывает пасущийся у реки скот, китайская водяная черепаха обманывает крестьян). Однако без покровительства этого духа человеческая община существовать не может (случится засуха, наводнение, градобитие и т.д.). Потому совершаются различного рода обряды, чтобы задобрить водного демона (на Власинском озере приносят в жертву поросенка, шаньдунские рыбаки режут петуха). Главным отличием здесь оказывается вид животного, в качестве которого показывается водный демон, у сербов это — бык, у китайцев провинции Шаньдун — черепаха (хотя фиксируются единичные сообщения о водяной обезьяне или быке). Другой общей чертой, характеризующей обе рассматриваемые мифологические системы, является существование представлений о змееподобных чудовищах (серб. *аждаја*, *ала*, кит. *даван*), обитающих в воде и повелевающих тучами и дождями.

На уровне номинации, как уже отмечалось выше, большинство рассмотренных имен мифологических персонажей, содержат определение *водяной*, *водный*, *шуй* [水] (*водни човек*, *водени ђаво*, *водени бик*, *шуйгуй*, ‘водяной черт’, *шуйяо*, ‘водяной оборотень’, и *шуйгуай*, ‘водяной демон’, *лошуйгуй*, ‘черт, упавший в воду’, *шуйшэнь*, ‘водяной бог’, *шуйхайцзы*, ‘водяной ребенок’), указывающее на локус обитания последних. Кроме того, в обоих рассматриваемых традициях водные демоны могут получать личные имена — Тартор, Кемза, Анџама, Хуан-даван, Сун-даван, Бай-даван, Чжу-даван, Ли-даван.

К отличительным особенностям шаньдунской традиции отнесем наличие модели номинации с компонентом «князь/государь»: *даван*, «великий государь», *даване*, «великий государь-владыка», *хэдаван*, «великий речной государь», *хайлунван*, «царь морских драконов», *лаобеван*, «старая государыня-черепаха», а также наименований, в которых отражается внешний вид мифологического персонажа: *маожэнь*, «покрытый шерстью человек», *цзиньлунсы* (даван), «четвертый золотой (дракон)». В то же время, для обозначения водных демонов

в провинции Шаньдун не используются описательные эвфемистические конструкции типа отмеченных для сербской традиции *онај стари, онај мали*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белић С. Ђ.* Власински водени бик: фолклорни текст, ритуална пракса и замишљање заједнице // *Aquatica* / ур. М. Делић, Л. Делић. Београд: Балканолошки институт САНУ. 2013. С. 103–130.
2. *Бодирогић М.* Прогнана бића: Српска митологија. Нови сад: Орфелин, 2010. 173 с.
3. *Виноградова Л. Н.* Вода // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 386–390.
4. *Зечевић С.* Митска бића народних веровања североисточне Србије // *Гласник Етнографског музеја у Београду*. Књ. 31–32. Београд, 1969. С. 327–362.
5. *Зечевић С.* Митска бића српских предања, Београд: «Вук Караџић» – Етнографски музеј, 1981. 227 с.
6. *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.
7. *Лю Ху.* Мифологические персонажи провинции Шаньдун // *Живая старина*. 2021. № 1. С. 12–15.
8. *Лю Ху.* Змееподобные мифологические персонажи провинции Шаньдун (Китай) в сопоставлении с сербскими // *Славянский альманах*. 2021. Вып. 1–2. С. 329–345.
9. *Плотникова А. А.* Слав. **зѣмь* на Балканах // *Исследования по славянской диалектологии*. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 267–276.
10. *Плотникова А. А.* Хала (Из словаря «Славянские древности») // *Славяноведение*. 2010. № 6. С. 53–54.
11. *Раденковић Љ.* Водяной бык в преданиях балканских славян // *Полѹтропов*. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 439–446.
12. *Рыков С. Ю.* Древнекитайская философия: курс лекций. М.: ИФРАН, 2012. 312 с.
13. *Яо Сюе, Ян Хайюнь, Пак И. Я.* Образ воды как лингвокультурный концепт (на материале китайского языка) // *Вестник науки Сибири*. 2014. № 1. С. 193–198.
14. 程灿漠. 产芝水库: 螯精的故事. 访问时间: 2021年12月15日 [Чэн Цаньмо. Чаньчжи шуйку бейзин дэ гуши. (Водохранилище Чанжишуйку: история о демоне черепахи)]. [сайт]. URL: http://qingdao.dzwww.com/2017/laixiwenishi/fwcs/201712/t20171204_16277043.htm (дата обращения: 15.12.2021).
15. 高洪兴. 鬼节与阴阳五行: 从清明节和中元节说起 // *中国民族报*. 2010 年3月30日, 第 006版. [Гао Хунсин. Гуйцзе юй иньянхуэ: цун Цинминцзе хэ чжунюаньцзе шоци (Фестиваль призраков и пять элементов инь и ян: говоря о праздниках Цинмин и Чжунюань) // *Чжунгоминьцзубао*: газета. 30 марта 2010].
16. 刁统菊, 赵容. 山东中元节习俗述略 // *云南民族大学学报*. 2015 年, 第 3 期, 第 60–67页. [Дьяо Туңцзюй, Чжао Жун. Шаньдун чжунюаньцзе цзесу шулюэ (Краткое описание обычаев Шаньдунского фестиваля Чжунюань) // *Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао* (Вестник Юньнаньского университета национальностей). 2015. № 3. С. 60–67].
17. 叶涛. 海神、海神信仰与祭祀仪式—山东沿海渔民的海神信仰与祭祀仪式调查 // *民俗研究*. 2002 年, 第3期, 第65–80页. [Е Тао. Хайшэнь, хайшэнь синьян юй цзисы иши Шаньдун яньхай юйминь дэ хайшэнь синьян юй цзисы иши тяоча. (Морское божество, вера в морского божества и ритуал жертвоприношения: исследование веры в морского божества и ритуала жертвоприношения среди рыбаков на побережье провинции Шаньдун) // *Миньсу яньцзю* (Исследование фольклора): журнал. 2002. № 3. С. 65–80].
18. 胡梦飞. “河神大王”: 晚清黄运沿岸地区祀蛇风俗考述 // *淮阴师范学院学报*. 2017 年, 第4期, 第410–415页. [Ху Мэнфэй. «Хэшэнь даван»: ваньцин хуанюнь яньань дицзюй сышэ фэнсу каошу («Хэшэнь даван»: исследование народного обычая жертвоприношения змеи вдоль берега реки Хуанхэ в эпоху поздней династии Цин) // *Хуайин шифань сюэюань сюэбао* (Вестник университета). 2017. № 4. С. 410–415].
19. 李德民. 水: 神话中的精神化石 // *西北农林科技大学学报*. 2010 年, 第2期, 第136–140页. [Ли Дэминь. Шуй: шэньхуа чжун дэ цзиншэнь хуаши (Вода: духовное богатство в мифе) // *Сибэй нунлинь кэцзи дасюэ сюэбао* (Вестник Северо-западного университета сельского и лесного хозяйства). 2010. № 2. С. 136–140].

20. 李然. 传说的融合与再造—以鲁西南地区的黄河大王与秃尾巴老李传说为例 // 民俗研究. 2008 年, 第3期, 第100–110页. [Ли Жань. Чуаньшо дэ жунхэ юй цзайцзао — и лусинань дицуй дэ Хуанхэ даван юй туйба Лао Ли чуаньшо вэйли. (Слияние и воссоздание легенд — на примере легенды о давнем реке Хуанхэ и бесхвостом Лао Ли на юго-западе провинции Шаньдун) // Миньсу яньцзю (исследование фольклора): журнал. 2008. № 3. С. 100–110].
21. 刘艾. 城阳王与老鳖精 — 莒县民间故事传说 — 东方红旅社附近故事. 访问时间: 2021年12月16日 [Лю Ай. Чэнянван юй лаобецзин — Цзюйсянь миньцзянь гуши чуаньшо — Дунфанхунлюйшэ фуцзинь гуши (Князь чэнянван и старый дух черепахи — Сказки и легенды округа Цзюйсянь — Истории возле отеля Дунфанхунлюйшэ)]. [сайт]. URL: <http://www.jvxian.com/news/show-549.html> (дата обращения: 16.12.2021).
22. 卢绪首. 花子汪里的鳖精 // 北方文学, 2018年, 第8期, 第10–11页. [Лу Сюйшоу. Хуацзыван ли дэ бецзин (Дух черепахи в озере Хуацзыван) // Бэйфанвэньсюэ (северная литература): журнал. 2018. № 8. С. 10–11].
23. 许效前. “毛人水鬼”之谜, 载《金寨文史资料》第3辑, 1986年. [Сюй Сяоцянь. Маожэнь-шуйгуай чжи ми (Миф о «волосатом человекоподобном водяном черте») // Цзиньчжай вэньши цзыляо (Исторические материалы района Цзиньчжай): сб. Вып. 3. 1986].
24. 臧玉波, 李树玉. 郭家潭里老鳖精的传说. 访问时间: 2021年12月15日 [Цзан Юйбо, Ли Шуюй. Гоцзятань ли лаобецзин дэ чуаньшо (Легенда о древнем духе черепах в Гоцзятань)]. [сайт]. URL: <http://www.zhmbw.net/gentuanfenlei/detail42498058.htm> (дата обращения: 15.12.2021).
25. 张辉. 山东莒县马峪村民间信仰研究. 硕士学位论文. 新疆师范大学, 2011年. [Чжан Хуэй. Шаньдун цзюйсянь маюйцунь минь цзянь синьян яньцзю (Изучение народных верований в деревне Маюйцунь уезда Цзюйсянь провинции Шаньдун): дис. ... маг. филос. наук / Син. пед. ун-т. Синьцзян, 2011].
26. 张江波. 谣言故事与传播机制—1950年代前后的“水鬼毛人”风波 // 新闻与传播研究. 2021年, 第4期, 第38–56页 [Чжан Цзянбо. Яоянь гуши юй чуаньбо цзичжи — 1950 няньдай цянхуоу дэ шуйгуймаожэнь фэнбо (Слухи, истории и коммуникационные механизмы — буря рассказа «Шуйгуймаожэнь» в 1950-е годы) // Синьвэнь юй чуаньбо яньцзю (Исследования известия и распространения): журнал, 2021, № 4, С. 38–56].
27. 张建鲁. 兖州城西郭家楼之(二): 老鳖精多种民间的传说. 访问时间: 2021年12月15日 [Чжан Цзяньлу. Яньчжоуэнь си гоцзялоу чжи (эр): Лаобецзин дочжун миньцзянь дэ чуаньшо. (Село Гоцзялоу на западе города Яньчжоу (2): различные народные легенды о старом демоне черепахи)]. [сайт]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_6121778f0100ikjc.html (дата обращения: 15.12.2021).

REFERENCES

- Belić S.Đ. Vlasinski vodeni bik: folklorni tekst, ritualna praksa i zamišljanje zajednice. *Aquatica: književnost, kultura*. Ur. M. Detelić, L. Delić. Beograd, Balkanološki institut SANU Publ., 2013, pp. 103–130. (In Serb.)
- Bodirogić M. *Prognana bića: srpska mitologija*. Novi sad, Orfelin Publ., 2010, 173 p. (In Serb.)
- Cheng Canmo. *Chanzhi shuiku: biejing de gushi*. Available at: http://qingdao.dzwww.com/2017/laixiwenishi/fwcs/201712/t20171204_16277043.htm (accessed 15.12.2021). (In Chinese)
- Diao Tongju, Zhao Rong. Shandong zhongyuanjie jiesu shulue. *Yunnan minzu daxue xuebao*, 2015, no. 3, pp. 60–67. (In Chinese)
- Gao Hongxing. Guijie yu yinyangwuxing: cong xingmingjie he zhongyuanjie shuoqi. *Zhongguominzubao*. 2010, 30, march, p. 006. (In Chinese)
- Hu Mengfei. «Heshendawang»: wanqing huangyun yanan diqu sishe fengsu kaoshu. *Huaiyin shifan xueyuan xuebao*. 2017, no. 4, pp. 410–415. (In Chinese)
- Kulišić Š., Petrović P.Ž., Pantelić N. *Srpski mitološki rečnik*. Beograd, Nolit Publ., 1970, 328 p. (In Serb.)
- Li Demin. Shui: Shenhua zhong de jingshen huashi. *Xibei nonglin keji daxue xuebao*. 2010, no. 2, pp. 136–140. (In Chinese)
- Li Ran. Chuanshuo de ronghe yu zaizao — yi luxinan diqu de huanghedawang yu tuyibalaoli chuanshuo weili. *Minsuyanjiu*. 2008, no. 3, pp. 100–110. (In Chinese)
- Liu Ai. *Chengyangwang yu laobiejing — juxian minjian gushi chuanshuo — dongfanghonglvshе fujin gushi*. Available at: <http://www.jvxian.com/news/show-549.html> (accessed 16.12.2021). (In Chinese)
- Liu Hu. Mifologicheskie personazhi provintsii Shandun. *Zhivaia starina*. 2021, no 1, pp. 12–15. (In Russ.)
- Liu Hu. Zmeepodobnye mifologicheskie personazhi provintsii Shandun (Kitai) v сопоставлении s serbskimi. *Slavianskii al'manah*. 2021, vol. 1–2. pp. 329–345. (In Russ.)

- Lu Xushou. Huaziwang li de biejing. *Beifangwenxue*, 2018, no. 8, pp. 10–11. (In Chinese)
- Plotnikova A.A. Slav. *zmъъ na Balkanah. *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. 13. Slavianskie dialekty v situatsii Iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoiaschem)*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS, 2008, pp. 267–276. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. Hala (Iz slovarya «Slavianskie drevnosti»). *Slavianovedenie*. 2010, no. 6, pp. 53–54. (In Russ.)
- Radenković Lj. Vodianoj byk v predanijah balkanskih slavjan. *K 70-letiju Vladimira Nikolaeviča Toporova*. Moscow, Индрик Publ., 1998, pp. 439–446. (In Serb.)
- Rykov S. Yu. *Drevnekitajskaja filosofija: kurs leksicii*. Moscow, IFRAN Publ., 2012. 312 p. (In Russ.)
- Vinogradova L.N. Voda. *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar: / pod red. N.I. Tolstogo*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. 1995, vol. 1, pp. 386–390. (In Russ.)
- Xu Xiaoqian. «Maorensuigui» zhi mi. *Jinzhai wenshi ziliao*, 1986, no. 3 (In Chinese)
- Yao Xiuye, Yan Haiyun, I. Ya. Pak. Obraz vody kak lingvokulturnyj kontsept (na materiale kitajskogo jazyka). *Vestnik nauki Sibiri*, 2014, no. 1, pp. 193–198. (In Russ.)
- Ye Tao. Haishen, haishenxinyang yu jisiyishi – shandong yanhai yumin de haishen xinyang yu jisi yishi diaocha. *Minsuyanjiu*. 2002, no. 3, pp. 65–80. (In Chinese)
- Zang Yubo, Li Shuyu. *Guojiatan li de laobiejing de chuanshuo*. Available at: <http://www.zhmbw.net/gentuanfenlei/detail42498058.htm> (accessed 15.12.2021). (In Chinese)
- Zečević S. Mitska bića narodnih verovanja severoistočne Srbije, *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*. vol. 31–32. Beograd, 1969, pp. 327–362. (In Serb.)
- Zečević S. *Mitska bića srpskih predanja*, Beograd, «Vuk Karadžić» – Etnografski muzej Publ., 1981, 227 p. (In Serb.)
- Zhang Hui. *Shandong juxian majucun minjian xinyang yanjiu*. Shuoshi xuewei lunwen. Xinjiang shifan daxue, 2011. (In Chinese)
- Zhang Jianlu. *Yanzhouchengxi guojialou zhi (er): laobiejing duozhong minjian de chuanshuo*. Available at: http://blog.sina.com.cn/s/blog_6121778f0100ikjc.html (accessed 15.12.2021). (In Chinese)
- Zhang Jiangbo. Yaoyangushi yu chuanbojizhi – yijiuwuling niandai qianhou de «shuiguimaoren» fengbo. *Xinwenyuchuanboyanjiu*, 2021, no 4, pp. 38–56. (In Chinese)

Информация об авторе:

Лю Ху,
аспирант Отдела этнолингвистики
и фольклора
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-1662-098X.
E-mail: liu.hu@mail.ru

Information about the author:

Liu Hu
PhD student
Department of the Etnolinguistic
Studies and folklore.
Institute of Slavic Studies of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-1662-098X
E-mail: liu.hu@mail.ru

Страсти вокруг II конкурса пианистов имени Фридерика Шопена в Варшаве (1932)

© 2023 г. Т.Р. Семакина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация,)

semakinaaa@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена польско-советским культурным контактам в межвоенный период. Автор рассматривает подготовку и проведение II Конкурса пианистов имени Фридерика Шопена (1932) в контексте развития советской культурной дипломатии. В статье затрагиваются такие вопросы, как роль ВОКС в налаживании культурных связей, значение конкурса для внешней политики СССР. Большое внимание автор уделяет участию советских представителей в организации конкурса и их отношению к данному мероприятию. Статья написана на архивных материалах, основными источниками послужили отчеты советских представителей и их переписка. Автор приходит к выводу о том, что политический аспект второго Шопеновского конкурса являлся одним из самых важных для советской стороны. Советское руководство, как показано в статье, постепенно осознало значение «мягкой силы» для создания положительного образа СССР на международной арене.

Ключевые слова: польско-советские отношения, культурная дипломатия, политика «мягкой силы», дипломатия, ВОКС, II конкурс пианистов имени Шопена.

Ссылка для цитирования: Семакина Т.Р. Страсти вокруг II конкурса пианистов имени Фридерика Шопена в Варшаве // Славяноведение. 2023. № 1. С. 96–104. DOI: 10.31857/S0869544X0024721-6

‘Passions’ Around the Second Fryderyk Chopin Piano Competition in Warsaw (1932)

© 2023. Tatiana R. Semakina

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

semakinaaa@gmail.com

Abstract. The article is devoted to Polish-Soviet cultural contacts in the interwar period. Author examines the preparation and holding of the II Frederic Chopin Piano Competition in the context of the development of Soviet cultural diplomacy. The article touches upon such issues as the role of VOKS in establishing cultural ties,

the importance of the competition for the foreign policy of the USSR. The author pays great attention to the participation of Soviet representatives in the organization of the competition and their attitude to this event. The article is based on archival documents, the main sources were the reports of Soviet representatives and their correspondence. The author comes to the conclusion that the political aspect of the second Chopin competition was one of the most important for the Soviet side. The Soviet leadership, as the author of the article shows, gradually realized the importance of soft power to create a positive image of the USSR in the international arena.

Keywords: Polish-Soviet relations, cultural diplomacy, soft power politics, diplomacy, VOKS, II Chopin Piano Competition.

References for citation: *Semakina Tatiana R. Passions Around the Second Fryderyk Chopin Piano Competition in Warsaw // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 1. P. 96–104. DOI: 10.31857/S0869544X0024721-6*

Польско-российские культурные контакты имеют давнюю традицию, не прерывались они и в период между двумя мировыми войнами, когда на советских деятелей культуры руководством страны была возложена непривычная им пропагандистская функция. Своим мастерством они должны были демонстрировать зарубежной общественности не только индивидуальный талант советских творцов культурных ценностей, но и внимание к развитию многонациональной культуры и искусства в Советском Союзе. Задачи налаживания и поддержания такого сотрудничества были возложены на Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), созданное с этой целью в 1925 г.¹ Формирование положительного образа СССР в глазах европейской общественности рассматривалось в Москве как одно из средств повышения привлекательности советского строя. ВОКС занималось всеми вопросами организации и финансирования участия советских авторов и исполнителей в международных выставках, конкурсах и фестивалях, а также решением вопросов пребывания зарубежных культурных деятелей в СССР. И далеко не последнее место в деятельности Общества занимало выступление на международных музыкальных конкурсах. В Варшаве в межвоенный период проводились два таких конкурса: пианистов имени Ф. Шопена (с 1927 г.) и скрипачей имени Г. Венявского (с 1935 г.).

Именно первый конкурс пианистов имени Шопена стал тем событием в области пропаганды советского музыкального искусства в Польше, и не только, которое ВОКС могло считать своим громким успехом. Он завершился ошеломительным триумфом советских исполнителей². Именно тогда широкая общественность Польши имела возможность убедиться, что Советский Союз — это не империя «торжествующего хама», а страна, где культивируют традиции высокого искусства и на этой основе ведут поиск путей его развития уже в новых социальных условиях. Во многом благодаря конкурсу советские исполнители стали пользоваться популярностью у польской публики. Поэтому неудивительно, что второй Шопеновский конкурс, намеченный на 6–23 марта 1932 г., оказался в центре достаточно пристального внимания ВОКС. Ожиданиям нового успеха благоприятствовало, в том числе, и то, что с конца 1931 г. в политических отношениях Варшавы и Москвы явно обозначилось потепление. Стороны

¹ Создание и функционирование ВОКС детально рассмотрено в статье И.В. Жилинской [1].

² Победителем тогда стал Л.Н. Оборин (1907–1974) — советский пианист, композитор, педагог, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии. Вторые места заняли польские пианисты С. Шпинальски (1901–1957) и Р. Эткин (1908–1945). Четвертым стал еще один представитель СССР Г.Р. Гинзбург (1904–1961).

наконец-то согласились как можно скорее подписать договор о ненападении, предложенный советской стороной еще в 1926 г.³

Переговоры об участии представителей СССР во втором Шопеновском конкурсе начались еще в 1931 г. и составляли значительную часть деловой переписки сотрудников ВОКС. Стоит отметить, что у представителей СССР уже были налажены деловые контакты с некоторыми организаторами конкурса. В их числе были такие авторитетные музыкальные деятели Польши, как, например, представитель известной музыкальной династии Адам Тадеуш Венявский (1876–1950). О его весомой позиции в польском музыкальном мире свидетельствует хотя бы то, что он с 1928 г. возглавлял Варшавское музыкальное общество и работавшую под его патронатом Высшую школу музыки имени Ф. Шопена. Имело значение и то, что, по свидетельству сотрудников ВОКС, А. Венявский не раз говорил о своих симпатиях к СССР⁴. К тому же его уже знали в Москве, так как А. Венявский в 1931 г. вместе с группой польских музыкантов совершил гастрольную поездку в Советский Союз, о которой очень тепло отзывался впоследствии.

Другим организатором конкурса и его непосредственным инициатором в 1927 г. был Ежи Журавлев (1887–1980), также работавший в Высшей школе музыки имени Ф. Шопена. Он не только состоял в переписке с советскими дипломатами, но и неоднократно бывал в советском полпредстве, активно участвовал в развитии музыкальных связей между Польшей и СССР. Именно А. Венявский и Е. Журавлев были главными промоутерами советских музыкальных достижений в Варшаве, именно к их помощи чаще всего прибегали уполномоченные ВОКС, когда речь шла об организации концертов, гастролей и т.д. Конечно же, для советской стороны было важно представительство в жюри конкурса людей, благожелательно относящихся к СССР, поскольку это давало определенную возможность оказывать на жюри благоприятное для советских конкурсантов влияние.

Немаловажным обстоятельством, сказывавшимся на характере всей подготовки к конкурсу, была советская победа в первом Шопеновском конкурсе в 1927 г. Руководство ВОКС и советские дипломаты в Варшаве хотели повторить этот успех, или, как они писали, чтобы «и на втором конкурсе линия художественного качества никоим образом не была снижена»⁵. Кроме того, они считали важным представить на конкурсе пианистов из разных союзных республик, чтобы придать советскому представительству в Варшаве поистине грандиозный размах. Наконец, если не помешать, то хотя бы минимизировать участие в конкурсе представителей русской эмиграции, также выражавших желание приехать в польскую столицу.

Между уполномоченным ВОКС в Варшаве М.В. Юшкевичем, А. Венявским и Е. Журавлевым даже возникали споры о целесообразности такого участия. Для СССР это было неприемлемо прежде всего по политическим причинам, поскольку доступ исполнителей-эмигрантов как исполнителей просто от России (а ее не существовало уже более 10 лет) создавал двусмысленную ситуацию. Поэтому М.В. Юшкевич прямо предупредил организаторов, что «подчеркивание участия эмиграции в конкурсе может привести к тому, что наша делегация

³ Подробнее об этом см. в работе К. Рака [2].

⁴ См. например, Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС. 5.01.1931. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 3.

⁵ Докладная записка об участии СССР во II конкурсе им. Ф. Шопена. 1931. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 5. Д. 13. Л. 54.

вообще воздержится от выезда на конкурс либо покинет конкурс, если это проявится на самом конкурсе»⁶. В конечном итоге после долгих обсуждений было решено выделить всех эмигрантов в отдельную группу лиц без гражданства. Конечно же, это была важная для советской стороны победа.

Как уже говорилось выше, советская сторона была заинтересована в обеспечении максимально лояльного советским конкурсантам состава польской части жюри. А по первоначальным наметкам организаторов он, однако, оставлял желать лучшего. В жюри конкурса должны были войти А. Венявский, С. Невядомский, Е. Моравский, Ф. Бжезинский, М. Домбровский, З. Джевецкий, Р. Ясинский, Ю. Каден-Бандровский, З. Рабцевич, К. Шимановский, Ю. Смидович, Ю. Турчинский, Е. Журавлев⁷. Как полагали в ВОКС, все эти деятели, кроме А. Венявского и Е. Журавлева, были настроены антисоветски, и поэтому судейство могло быть необъективным. Так, ярким представителем враждебной музыкальной интеллигенции М.В. Юшкевич называл К. Шимановского. Он его однозначно причислял к лагерю пилсудчиков⁸ и утверждал, что тот «мракобес каких мало, ненавидит не только коммунизм, но всякую мало-мальскую либеральную мысль»⁹. Помимо Шимановского, к антисоветской музыкальной интеллигенции советский уполномоченный относил С. Невядомского, называя его «эндетствующим»¹⁰ и враждебным СССР.

Юшкевич внимательно отслеживал публичные проявления отношения влиятельных представителей польской общественности к участию советских исполнителей в конкурсе и тут же извещал о них руководство ВОКС. Особенно если это были высказывания людей, имевших отношение к организации конкурса и работе жюри, то есть способных как-то повлиять на конечный результат и помешать кому-то из советской делегации вновь стать триумфатором. Так, он с тревогой ставил в известность московское руководство, что член жюри приближающегося конкурса Ю. Каден-Бандровский, входивший в состав редакции близкой правительству «*Gazeta Polska*», предупредил, что «будет

⁶ Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС. 8.01.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 76.

⁷ Невядомский Станислав (1859–1936) — польский композитор, педагог, музыкальный критик, преподавал во Львовской и Варшавской консерваториях; Моравский-Домброва Евгениуш (1876–1948) — польский композитор, педагог, художник, в 1932–1939 гг. — ректор Варшавской консерватории; Бжезинский Франтишек-Ксаверы (1867–1944) — польский композитор, музыкальный критик, юрист, сотрудничал с изданием «*Kurjer Warszawski*»; Домбровский Марьян (1878–1958) — польский журналист, предприниматель, основатель издательства *Ilustrowany Kurjer Codzienny*, самый крупный медиамагнат в межвоенной Польше, депутат Сейма от проправительственного Беспартийного блока; Джевецкий Збигнев (1890–1971) — польский пианист и музыкальный педагог, в 1931–1932 гг. — директор Варшавского института музыки; Ясинский Роман (1900–1987) — польский пианист, музыкальный публицист и педагог; Каден-Бандровский Юлиуш (1885–1944) — польский писатель и публицист, общественный деятель, в 1933–1939 гг. — генеральный секретарь Польской академии литературы, значительное место в его произведениях занимает образ Ю. Пилсудского (именно он в 1915 г. первым употребил слово «пилсудчики» для обозначения сторонников своего кумира), его произведения переводились и издавались в СССР: «Генерал Барч» в 1926 г., а цикл романов «Черные крылья» в 1931 г.; Рабцевич Зофья (1870–1947) — польская пианистка; Шимановский Кароль (1882–1937) — польский композитор, пианист, педагог, музыкальный критик, в 1926–1929 и 1930–1933 гг. возглавлял Варшавскую консерваторию; Смидович Юзеф (1888–1962) — польский пианист, профессор Высшей музыкальной школы в Варшаве; Турчинский Юзеф (1884–1953) — польский пианист, музыкальный педагог.

⁸ Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС 1.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 98.

⁹ Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС 18.02.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 93.

¹⁰ Этим эпитетом советские дипломаты определяли сторонников правой Национальной партии.

европейский скандал, если большевики опять получают приз»¹¹. Чтобы еще больше усугубить негативную характеристику Ю. Каден-Бандровского, Юшкевич напомнил, что тот — отъявленный пилсудчик, и даже предположил, что его «приставили» к жюри конкурса специально, в роли политического комиссара¹².

Представитель ВОКС продолжал информировать Москву и о ходе начавшегося конкурса. Пока шли отборочные туры, Юшкевич делал главный упор на весьма благосклонное восприятие слушателями выступлений советских исполнителей¹³. По его словам, «стоит председателю жюри огласить список выступающих на следующий день, в котором называется фамилия нашего пианиста, как в зале происходит оживление. Тусклые выступления первых дней конкурса совершенно отбили бы охоту у публики посещать филармонию, если бы не советские выступления. Обычно пустой зал в “советские дни” полон»¹⁴. А вот о выступлениях других конкурсантов, в том числе и представителей страны-организатора, М.В. Юшкевич отзывался пренебрежительно. Так, выступления членов польской делегации, по его мнению, были крайне слабы, и «можно определенно констатировать, что поляки на этом конкурсе осрамились. Особенно слаба Варшава. Кое-что есть в провинции, где талантливые молодые люди не успели пройти “школы” профессора Журавлева и ему подобных»¹⁵.

Степень подозрительности Юшкевича к своим польским партнерам хорошо передает история поиска им политической подоплеки в «подозрительном случае с собакой, очутившейся на верхнем этаже филармонии». По его вполне серьезному свидетельству, в один из дней конкурса, когда по программе должно было начаться выступление советского пианиста Л. Сагалова, собака начала выть. По счастливой случайности вследствие болезни одного из участников выступление Сагалова передвинулось и «собака облаяла другого выступавшего»¹⁶. Серьезное отношение Юшкевича к такому рода курьезам свидетельствует о его недоверии к польской стороне, от которой ждали любого подвоха.

Юшкевич не менее внимательно следил и за освещением конкурса в польской прессе. Его возмущало замалчивание ею явного преимущества советских пианистов. Он даже утверждал, что вначале некоторые официальные издания (например «*Gazeta Polska*», охарактеризовавшая их игру как детскую¹⁷) проводили при этом откровенно антисоветскую линию.

Юшкевич, не желавший мириться с таким положением дел, обратился напрямую к А. Венявскому: «Я указал, что меня как представителя ВОКСа серьезно беспокоит атмосфера, складывающаяся вокруг нашего участия в конкурсе. Участники конкурса считают себя обиженными поведением польского официоза. Я напомнил, что приехавшие советские пианисты являются не заурядными пианистами, а способными и имеющими уже имя педагогическими и критическими работниками в СССР. Они прекрасно видят и понимают, чья

¹¹ Письмо уполномоченного ВОКС. 8.01.1932. Л. 75.

¹² Письмо уполномоченного ВОКС. 1.03.1932. Л. 98.

¹³ В состав советской делегации вошли пианисты И.Н. Аптекарев, А.Б. Дьяков, И. Элинсон, Э. Гроссман, Т. Гутман, А.Л. Иохелес, А.М. Луфер, Т. Микиша, Н. Перельман, В. Разумовская, Л. Сагалов, П.А. Серебряков.

¹⁴ Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 13.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 104.

¹⁵ Отчет уполномоченного ВОКС. 13.03.1932. Л. 104. Сейчас трудно объяснить, чем был продиктован этот упрек в адрес Журавлева, активно помогавшего популяризировать советских исполнителей в Польше.

¹⁶ Отчет уполномоченного ВОКС. 13.03.1932. Л. 104.

¹⁷ Отчет уполномоченного ВОКС. 13.03.1932. Л. 105.

игра является детской»¹⁸. Уполномоченный ВОКС предостерег собеседника, что впечатления советских участников конкурса найдут отражение в советской прессе, которая не позволит умалить их заслуги и скрыть их превосходство над польскими музыкантами. Интересно, что Юшкевич обратил внимание Венявского и на отдельные эпизоды, по его мнению, отражающие недоброжелательное и предвзятое отношение польского жюри к советским участникам. Например, уполномоченный ВОКС напомнил польскому коллеге и «кулуарные разговоры о советско-жидовских выступлениях», и упомянутый выше позорительный случай с собакой.

Кроме того, Юшкевич сообщил об антисоветских выступлениях, которые польская организация «Антибольшевистская лига» и белая эмиграция готовились организовать 19 и 20 марта. «Я просил Венявского, если он является сторонником развития культурных отношений, — писал советский уполномоченный, — принять меры, пока не поздно, чтобы Международный конкурс Шопена, который по своей идее должен явиться орудием культурной связи, не превратился в орудие антисоветской пропаганды»¹⁹.

Трудно однозначно сказать, в какой степени были результатом решительного протеста Юшкевича уход из жюри Ю. Каден-Бандровского, а также изменение тона публикаций «Газеты Польской». Сам уполномоченный ВОКС не абсолютизировал свои заслуги и не преминул упомянуть, что «в этом деле сыграла роль и оппозиционная пресса, указавшая на связь члена жюри с редакцией „Gazeta Polska”»²⁰. Юшкевич подозревал, что деятельность Каден-Бандровского по подготовке антисоветских настроений в прессе и среди общественности не была его личной инициативой, а являлась частью более масштабной пропагандистской кампании²¹. По его убеждению, на освещение конкурса в официальной польской прессе повлияло также нарастание успеха советских пианистов, выступления которых вызывали восторг у польской публики. В результате стечения всех этих обстоятельств, к 15 марта, по словам Юшкевича, произошел «явный перелом к лучшему»²², советская сторона имела ««санированное» жюри, завоеванную аудиторию и хорошую прессу»²³.

Однако окончательные результаты конкурса 1932 г. оказались не столь блестящими для советской делегации, как в 1927 г. Лучшими из советских музыкантов стали А.М. Луфер, получивший четвертую премию (при этом, что примечательно, все решил жребий: у третьего и четвертого места было одинаковое количество баллов), и Л.Г. Сагалов, ставший шестым. Первое место было присуждено эмигранту из России А. Юнинскому, что могло восприниматься представителями ВОКС как весьма досадный факт, второе — венгру И. Унгару (первое и второе место вновь было распределено по жребию из-за равенства баллов), а третье — поляку Б. Кону²⁴.

¹⁸ Отчет уполномоченного ВОКС. 13.03.1932. Л. 105.

¹⁹ Отчет уполномоченного ВОКС. 13.03.1932. Л. 105.

²⁰ Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 15.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 107.

²¹ Отчет уполномоченного ВОКС. 15.03.1932. Л. 107.

²² Отчет уполномоченного ВОКС. 15.03.1932. Л. 108.

²³ Отчет уполномоченного ВОКС. 15.03.1932. Л. 108.

²⁴ А.М. Луфер (1905–1948) — украинский советский пианист и музыкальный педагог. С 1929 г. возглавлял фортепианное отделение КГК им. П.И. Чайковского; Сагалов Л.Г. (1910–1940) — украинский советский пианист; Юнинский А. (1910–1972) — американский пианист украинского происхождения, эмигрант; Унгар И. (1909–1972) — венгерский пианист и музыкальный педагог; Кон Б. (1906–1936) — польский пианист, с 1929 г. профессор консерватории в Кракове.

Юшкевич нашел удачное объяснение произошедшему: в своем отчете он указал, что судейство было нечестным, но с поставленной задачей — пропагандой советской музыкальной школы пианисты полностью справились. Главный же акцент он сделал на благожелательном отношении польской публики и части прессы к советским музыкантам и возмущении зрителей неподобающим поведением жюри. После конкурса ВОКС планировало организовать концерты советских лауреатов в Варшаве и польской провинции, причем особое внимание Юшкевич уделил Познани и Катовицам. Он мотивировал этот выбор тем, что указанные города являются крупными центрами немецкой культуры, и в них «существует самое дикое представление о Советском Союзе», потому что «никто и никогда от нас туда не заезжал»²⁵. В условиях наблюдавшейся нормализации польско-советских отношений в начале 1930-х годов продвижение советской культуры и, следовательно, формирование положительного образа СССР не только в Варшаве, но и в провинции конечно же было сильным вкладом ВОКС в этот процесс. «Если в начале нашей работы по дальнейшему показу пианистов, — писал Юшкевич, — со стороны провинции чувствовалось некоторое выжидание и настороженность, то по мере наших успехов обстановка изменилась настолько радикально, что перед нами открылась буквально вся Польша [...] После конкурса лауреаты выступали в Варшаве, Кракове, Вильно, Лодзи, Львове и Данциге — всюду с большим успехом. Особенное политическое значение имели концерты во Львове»²⁶.

Важно отметить, что интерес к ходу и результатам конкурса проявляло не только ВОКС, но и наркомат иностранных дел, что свидетельствует о политическом значении данного музыкального события для советской стороны. Полпред СССР в Варшаве В.А. Антонов-Овсеенко направил в НКВД свой отчет, выдержанный в том же тоне, что и отчет Юшкевича. Он также отметил противостояние между польской публикой и предвзятым жюри, которое «постаралось оттеснить наших артистов, допустило ко второму туру состязаний лишь четверых из 12, явно незаслуженно принизило оценку этих четырех»²⁷. Советские финалисты были действительно выдающимися пианистами, после конкурса они продолжили музыкальную карьеру, многие позже занялись преподавательской деятельностью. Однако музыканты, обошедшие советских участников, также имели важные заслуги, так что с уверенностью говорить о предвзятости жюри не представляется возможным. К тому же польский участник получил только третью премию, в то время как первое и второе места достались иностранным исполнителям.

Как и Юшкевич, Антонов-Овсеенко подчеркивал важность дальнейшего продвижения советской культуры в Польше и предлагал организовать выступления советских финалистов в Варшаве и провинции. Полпред также указал на некоторые ошибки советского руководства, которые не позволили добиться всех поставленных целей: «Не было принято должных мер к поддержке наших артистов в жюри (отсутствовал в жюри представитель советской музыкальной профессуры) и музыкальной критике (у полпредства не оказалось нужных связей, из Москвы не прибыл ни один музыкальный критик)». В целом же,

²⁵ Стоит отметить, что концерты в этих городах так и не состоялись, о чем Юшкевич М.В. с сожалением сообщил в отчете от 25.04.1932 г.

²⁶ Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 25.04.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 127–128.

²⁷ Отзыв полпреда СССР в Польше В.А. Антонова-Овсеенко о II Шопеновском конкурсе в НКВД. 25.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 109–111.

по словам Антонова-Овсеенко, «наше участие на данном турнире было крайне скверно организовано», хотя главную цель — показ достижений советской культуры — отчасти удалось достичь благодаря благосклонному отношению польской публики к советским пианистам.

В заключение Антонов-Овсеенко еще раз подчеркнул политическое значение конкурса и выразил недоверие к польским организаторам, чьи мотивы расходились с мотивами советской стороны: «нашей целью являлось показать достижения советской культуры. Конечно, правящие круги Польши не могли сочувствовать этим нашим намерениям». И сделал обобщающий политический вывод: «Надо раз и навсегда признать, что культурный фронт есть тоже фронт политической борьбы. Наши противники это прекрасно понимают и принимают все меры к тому, чтоб не допустить наших побед на этом фронте»²⁸.

Таким образом, политический аспект второго Шопеновского конкурса являлся одним из самых важных для советской стороны. Конкурс, будучи международным, представлял собой прекрасную возможность продемонстрировать успехи советского музыкального искусства. Можно полагать, что советское руководство к этому времени окончательно пришло к пониманию важности политики «мягкой силы» для формирования в сознании просвещенного общества в Польше альтернативного знания о Советском Союзе. Именно поэтому представитель ВОКС так внимательно следил за организацией конкурса, стремился принимать в ней активное участие и не выпускал из поля зрения ни один из его этапов. Для понимания того значения, которое придавалось советской стороной не только конкурсу им. Ф. Шопена, но и двустороннему культурному сотрудничеству, сошлюсь на общий вывод отчета Юшкевича в ВОКС от 25 апреля 1932 г.: «Участие СССР в Шопеновском конкурсе целиком себя оправдало. Наша группа в основном проделала большую культурно-политическую работу в Польше в интересах Советского Союза вообще, Полпредству же в Варшаве, в частности, конкурс создал более благоприятную атмосферу и облегчил работу на будущее»²⁹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

КГК — Киевская государственная консерватория, ныне Национальная музыкальная академия Украины им. П.И. Чайковского

НКВД — Народный комиссариат иностранных дел

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС. 5.01.1931. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 3.

Докладная записка об участии СССР во II конкурсе им. Ф. Шопена. 1931. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 5. Д. 13. Л. 54.

Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС. 8.01.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 76.

Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС 1.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 98.

Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича в правление ВОКС 18.02.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 93.

²⁸ Отзыв полпреда СССР в Польше. Л. 109—111.

²⁹ Отчет уполномоченного ВОКС. 25.04.1932. Л. 128.

Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 13.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 104–105.

Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 15.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 107–108.

Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М.В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 25.04.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 127–128.

Отзыв полпреда СССР в Польше В.А. Антонова-Овсеенко о II Шопеновском конкурсе в НКВД. 25.03.1932. ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 109–111.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жилинская И. В.* Институциональные основы советской культурной дипломатии в 20–30-е гг. XX в. // Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: Зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаны 80-годдзю Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і 65-годдзю гістарычнай адукацыі Гродзенскім дзяржаўным ўніверсітэце імя Янкі Купалы. У 2 частках. Гродна: Гродненскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2019. С. 229–233.
2. *Rak K.* Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa: wyd. Bellona, 2021. 1030 s.

REFERENCES:

Zhilinskaia I. V. *Institutsional'nyye osnovy sovetskoi kul'turnoi diplomatii v 20–30-ye gg. XX v. Belarus' u kantéktse jeŭrapejskaŭ historyi: asoba, hramadstva, dziazhava: Zbornik navukovykh artykulaŭ, prysvechany 80-hoddzju Hrodzenskaha dziazhaŭnaha ŭniversiteta imia Ianki Kupaly i 65-hoddzju historychnaŭ adukatsyiŭ Hrodzenskim dziazhaŭnym universitetsie imia Ianki Kupaly. U2 chastkakh.* Hrodna, Grodnenskii gosudarstvennyi universitet imeni Ianki Kupaly Publ., 2019, pp. 229–233. (In Russ.)

Rak K. *Piłsudski między Stalinem a Hitlerem.* Warszawa, wyd. Bellona Publ., 2021, 1030 p. (In Pol.)

Информация об авторе:

Семакина Татьяна Рудольфовна,
 аспирант исторического факультета МГУ
 им. М.В. Ломоносова,
 Москва, Российская Федерация.
 E-mail: semakinaaaa@gmail.com

Information about the author:

Semakina Tatiana R.,
 post-graduate student
 Faculty of History
 Lomonosov Moscow State University,
 Moscow, Russian Federation.
 E-mail: semakinaaaa@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 1, с. 105–112

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 105–112

DOI: 10.31857/S0869544X0024722-7

Оригинальная статья / Original Article

Обзор материалов экспедиции к арумынам Северной Македонии

© 2023 г. И.И. Казаков, А.И. Чиварзина

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ivan.kazakov.1999@gmail.com, mss-vah@yandex.ru

Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484
«Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд
в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)

Аннотация. В настоящей статье освещены общие результаты полевой этнолингвистической экспедиции 2022 г. в г. Крушево и в села округа г. Битола (Северная Македония). Данный регион представляет собой зону интенсивных контактов славян македонцев с иноэтничным населением. Осуществление полевого обследования арумын, проживающих в тесном соседстве с македонцами в этой местности, стало целью экспедиции. Постоянные интенсивные контакты между этими разными этническими группами способствовали языковой и культурной интерференции в исследуемых традициях. Основным направлением работы был сбор материала по погребально-поминальной обрядности, мифологическим представлениям и терминологии, обслуживающей этот фрагмент народной традиции. В ходе экспедиции был выявлен широкий пласт заимствований как в языке, так и в народной культуре.

Ключевые слова: похоронно-поминальная обрядность, Северная Македония, влахи, арумыны, диалектная лексика, заимствования, культурная традиция.

Ссылка для цитирования: Казаков И.И., Чиварзина А.И. Обзор материалов экспедиции к арумынам Северной Македонии // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 105–112. DOI: 10.31857/S0869544X0024722-7

Review of the Materials from the Expedition to the Aromanians of North Macedonia

© 2023. Ivan I. Kazakov, Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ivan.kazakov.1999@gmail.com, mss-vah@yandex.ru

The study was supported by the Russian Science Foundation with a grant project № 22-18-00484 «Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)

Abstract. The review highlights the general results of the field ethnolinguistic expedition in the city of Krushevo and in the villages of the Bitola district (North Macedonia) in 2022. The purpose of the expedition was a survey of the Aromanians living close to the Slavic Macedonian population in this area. The constant intensive contacts and interaction of the Slavic and the non-Slavic population contributed to linguistic and cultural interference and borrowing in the traditions under consideration. The field research was directed to the collection of the material on funeral and memorial rituals, mythological ideas and terminology serving this «mortal» sphere. In the course of the survey, a wide vocabulary layer of borrowings was revealed both in the language and folk culture.

Keywords: funeral and memorial rites, North Macedonia, Vlachs, Aromanians, dialect vocabulary, borrowings, cultural tradition.

Reference for citation: Kazakov Ivan I., Chivarzina Alexandra I. Review of the Materials from the Expedition to the Aromanians of North Macedonia // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 1. P. 105–112. DOI: 10.31857/S0869544X0024722-7

С 4 по 14 июня 2022 г. состоялась этнолингвистическая экспедиция в Северную Македонию. Целью экспедиции стало проведение полевого обследования арумынского и контактирующего с ним славянского населения, проживающего в селах округа Битола и в городе Крушево для изучения погребально-поминальной обрядности. В окрестностях Битолы находятся анклавы арумын (Маловиште, Гопеш), села со славянским македонским населением (Ротино, Цапари), а также села со смешанным македонско-арумынско-албанским населением (Тырново, Ниждополе, Магарево). Город Крушево считается центром арумынского языка и культуры в Северной Македонии. Здесь по-прежнему активно используется арумынский язык в повседневном общении горожан. В ходе экспедиции были замечены тенденции к постепенному исчезновению активных носителей идиома. Большинство информантов — люди пожилого возраста, а их дети и внуки преимущественно являются пассивными носителями. Несмотря на все предпринимаемые меры в рамках популяризации арумынского в Северной Македонии (просветительские мероприятия, издание словарей и учебников, телерадиовещание на арумынском), существует реальная опасность исчезновения этого идиома. В связи с этим было важно зафиксировать архаическую и инновационную лексику у живых носителей арумынского.

Современные арумыны — наряду с румынами, молдаванами, мегленорумынами и истрорумынами являются потомками романизированного населения Балканского полуострова. В румынской лингвистике и историографии арумыны описываются как потомки примитивных румын, т.е. носителей проторумынского языка до его разделения на диалекты [6. Р. 161].

Среди всего балканороманского населения арумыны, наряду с румынами, единственные сохранили свое генетическое имя, происходящее от латинской лексемы *romanus* ‘римский’. Так, арумыны называют себя *armânji*. Интересно, что в этой лексеме обнаруживаются наиболее примечательные особенности арумынского вокализма, отличающее его от румынского языка (протеза гласного *a* и синкопа неударного *u*, ср. с рум. *român* ‘румын’). Термины *арумын*

(с восстановленным гласным по типу *румын*) и *македорумын* не используются среди арумынского населения и имеют научное происхождение.

По отношению к арумынам встречаются и другие этнонимы. Контактные славянские народы, как правило, называют арумын *влахами* (а язык — *влашским*). У сербов и греков встречаются насмешливые этнонимы — *цинцары* (термин, возникший в связи с широким распространением аффрикаты *ts* в арумынском идиоме) и *куцовлахи* (буквально — *хромые влахи*). Среди албанцев и турок распространен термин *чабан* (т.е. ‘пастух’) в связи с тем, что на протяжении долгих веков основным занятием арумын оставалось овцеводство.

У арумынского населения также существует ряд самоназваний, отражающих их географическое происхождение: *эпириоты* (население исторического региона Эпир, поделенного между Грецией и Албанией), *грамостяны* (население горного хребта Грамос на границе Греции и Албании), а также *фаршероты* (от названия албанского села Фрашери), населявшие юг Албании близ города Корча и других крупных городов.

Арумынское население Северной Македонии представляют в основном фаршероты, переселившиеся из албанского города Мосхополь (или Воскопоя). До XVIII в. Мосхополь был настоящей метрополией, а его жители вели торговлю не только на территории всего Балканского полуострова, но и с западноевропейскими странами. Однако из-за набегов со стороны турок, большая часть мосхопольских арумын была вынуждена покинуть свой город и расселиться по Балканскому полуострову и странам Западной Европы.

Одним из направлений миграции мосхопольских арумын стал македонский город Крушево. Согласно историку А. Матковскому, переселение арумын в Крушево происходило в несколько волн — в 1769, 1788, 1812 и 1821 гг. [2. С. 17]. Крушево привлекало арумын-скотоводов своим географическим положением, будучи одним из самых высоко расположенных балканских городов (1250 м. над уровнем моря), а также своими просторными лугами.

В связи с языком арумын существует множество споров по поводу его статуса. Если для отечественной лингвистики традиционным является описание южнодунайских идиомов как языков или разновидностей романской речи [1. С. 49], то румынская лингвистика рассматривает все балканороманские языки как диалекты (в том числе румынский), восходящие к проторумынскому языку [6. Р. 37–38].

Не вступая в дискуссию ни с одной, ни с другой точкой зрения, отметим, что наш опыт полевых обследований показал, что факт владения современным литературным румынским языком не гарантирует успешной коммуникации, что объясняется наличием ряда отличительных особенностей, свойственных арумынскому идиому. Кроме того, в ходе общения с информантами мы отметили, что владение арумынским идиомом необязательно обеспечивает легкое и быстрое усвоение литературного румынского языка. Сами арумыны рассматривают румынский как отдельный язык и сравнивают степень схожести между ними со схожестью сербского и македонского языков.

Отметим некоторые архаичные и инновативные черты арумынского идиома, отличающее его от румынского языка. В области вокализма и консонантизма арумынский характеризуется, например, сохранением этимологического гласного *и* в позиции конца слова после согласных (*lupu* ‘волк’, ср. с рум. *lup*) и консонантных групп (*lemn* ‘древесина’, ср. с рум. *lemn*), а также аффрикат *d* (*dzatsi* ‘десять’, ср. с рум. *zece*) и *g* (*gioc* ‘игра, хоро’, ср. с рум. *joc*), сохранившихся в проторумынской стадии, но утраченных в современном литературном

румынском языке. Отличительными инновативными чертами арумынского являются протеза гласного *a*, особенного перед согласными *r*, *l*, *s* (*alavdu* ‘хвалить’, ср. с рум. *laud*), а также дентальный характер аффрикат *ɖ* и *ʈ*, развившихся из латинской группы *c*, *g* + *e*, *i* (*sāndzā* ‘кровь’, ср. с рум. *sânge*; *tsintsi* ‘пять’, ср. с рум. *cinci*).

В области морфологии консервативность арумынского идиома выражается в преимущественном употреблении простого перфекта по сравнению со сложным для выражения аористных значений (подобная тенденция на территории Румынии отмечается только в трансильванских говорах). Тесное взаимодействие арумынского с контактными славянскими языками подтверждается наличием морфологических инноваций: в речи информантов нам встретились формы превосходной степени, образованной с помощью македонского префикса *naj-* (*bun* ‘хороший’ – *najbun* ‘лучший’).

На лексическом уровне арумынский идиом примечателен сохранением латинских лексем, утраченных в современном румынском, (*arushu* ‘блондин’ < лат. *russeus*, *aratu* ‘плуг’ < лат. *arratus*, *dimāndu* ‘требую, запрашиваю’ < лат. *demandare* и др.), а также большим количеством заимствований из контактных языков – греческого (арум. *hārisescu* ‘радуюсь’, арум. *chiro* ‘время’ и др.), турецкого (арум. *cāsābā* ‘город’, арум. *dirmanī* ‘избавление’ и др.). В ходе проведенной экспедиции были также отмечены многочисленные славянские заимствования.

В соответствии с темой исследовательского проекта особое внимание при полевом обследовании сел уделялось лексике похоронно-поминальной обрядности и экстралингвистическим контекстам, которые отражают фрагменты народного календаря и мифологические представления, связанные с «мортальной» сферой. В беседах использовался этнолингвистический вопросник, благодаря которому удалось записать перекрестные лексические заимствования в области терминологии похоронно-погребальной обрядности [3].

Отличительной особенностью македонской арумынской традиции являются поминки, которые совершаются в течение трех лет (в отличие от румынской традиции, предполагающей семилетний период поминания после смерти). Данный обычай называется у арумын *aradā* (из диал. макед. *ped* «поминки в течение трех лет после смерти»)¹ и включает следующие периоды: *trei dzāli* «три дня», *nauūā dzāli* «девять дней», *yinhgits dzāli* «двадцать дней», *patrudzāts di dzāle* «сорок дней», три месяца, полгода, девять месяцев, год и три года: *S-duc la mormintsā tu nauūā dzāli, tu patrudzāts di dzāle (cu mācari). D-apoia trei mesh, shase mesh, nauūā mesh. D-apoia yini un an. [...] A treilea iesti... cama nu s-duc la mortsu.* (На кладбище ходят на девять дней, на сорок дней (с трапезой). Затем три месяца, шесть месяцев, девять месяцев. Затем наступает один год. [...] На третий [...] больше не ходят к покойнику) (ДБ).

Среди арумын сохранилась традиция выпекания пяти пресных хлебов на поминки. Такие хлеба, украшенные просфорной печатью (макед. *шаралник*), называются арум. *liturghii* (диал. макед. *литургии*).

Один из хлебов съедается дома сразу после отпевания: *Обавезно колак го правим. После. Литургиј. Знаеш шо е? Шо ја пеат попоите. Тоа и со крстот шо го праат. Тоа тркалезно така мало. И после попо го сече. И турва вино. Црвено вино во него таму. Оттога се пее за умренио. Или за умренио или кога се прави ред. Без литургија не можеш.* (Обязательно колак. Затем. Литургиј. Знаешь, что

¹ Ср. данные из других регионов Македонии: диал. макед. *реди* ‘причитать’ (Теово, р-н Велеса), *редене* ‘причитание, голошение’ (Мариово, Брегалница) [5. С. 580].

это? Это то, что освещают священники. Такое с крестом, которое освящается. Такое кругленькое такое маленькое. И затем священник его надрезает. И наливает вино. Красное вино прямо в него. И тогда отпевает покойного. Или на отпевании, или когда совершает *ред*. Без *литургии* нельзя) (СС).

Два хлеба относятся в церковь для употребления на службе. Четвертая *liturgia* оставляется на день похорон, чтобы разломить и раздать присутствующим на поминках. А последняя, пятая, оставляется на третий день поминок: *Tsintsi liturgiile li darā muljeri. Unā pi cāndu va s-yinā preftu s-darā presache (?) la mortu. Dau pi biserică. Unā pi prānzul tu-suflit tu-mortu shi unā pi trei dzāli*. (Пять литургий раздают женщины. Одну священнику, когда он приходит отпевать (?) покойника. <Две> отдают в церковь. Одну на поминки и одну на третий день) (ТС).

Общее родовое название обрядового хлеба — арум. *culak* (< мак. *колак* ‘ка-лач’), в Маловиште в значении обрядового хлеба на поминках используется форма *colacu*: *Mari. S-taie, preftu yiseshci shi la tots da cāti un colacu*. (<Колак> большой. Его разрезают, священник освящает его и всем дает по колаку) (ДБ).

Вместе с хлебами готовится пять блюд из пшеницы (арум. *gārnu, colivā*), которые распределяются и раздаются по такому же принципу.

По народным представлениям, покойный должен переночевать в своем доме. Если человек умер до полуночи, его отпевают и хоронят на следующий день, а если после полуночи, то похороны назначают только на второй день после смерти.

Во всех обследованных арумынских пунктах отмечался обычай поливать водой могилы в течение 40 дней. Если родственники вынуждены уехать, то они просят соседей ухаживать и поливать свежую могилу в течение указанного периода. На кладбищах можно заметить сосуды, наполненные водой. Информанты не могли иначе мотивировать свои действия, кроме как устоявшейся традицией: *Ninte sugā soarli, cathi zu s-duc la mortu, patrudzāts di dzāle*. (Перед закатом каждый день ходят к покойнику, 40 дней) [ДБ].

Привлечение более широкого контекста дает параллели с влахами Сербии. У славян северо-востока Сербии, проживающих в тесном соседстве с восточнороманским населением, существует поверье о сильной жажде на «том свете». Среди многочисленных обычаев, связанных с водой, в Болевацком крае бытует традиция привязывать бутылку к деревянному кресту, чтобы через проделанное отверстие капала вода в изголовье могилы в течение первых 40 дней после смерти [4].

После похорон присутствующие приглашаются на поминальную трапезу *prānzul tu-suflit tu-mortu* или *prānzul la mortush* (ср. диал. макед. *ручек за душа на умрениот* «обед для души умершего»). Для обозначения поминальных трапез в другие периоды специальной лексемы не было обнаружено, например, *trei dzāli di cāndu muri omlu* (три дня со смерти человека) (ТС).

На поминальном столе помимо обрядового хлеба и блюда из пшеницы, которые делят за душу умершего, раздают также небольшие булочки без украшения, посыпанные кунжутом — арум. *bobitsi* (из диал. макед. *бобици* «маленькие булочки без украшения»), другое их название — арум. круш. *priscurā* (ср. диал. макед. *проскурник*). В Маловиште (арум. *Mulovishte*) было записано, что таких булочек должно быть четное количество: диал. макед. *Се дава чифт. 2, 4, 6, 8, 10 — бобици се викат тие. Тие чифт одат. Не може 11 кај умрен. 11 е за множење, за радост. Ако се родит. Ако е 300 се вели 300 уште една. Ама тек. Дали ме разбираш? А кај умрен во чифт се дават. 8, 10. И кога на четириесет на пример има осумдесет души, осумдесет и еден. Ама тие прават осумдесет порции*.

Или осумдесет и две. За умрен (Дают чет. 2, 4, 6, 8, 10 — называются бобицы. Они идут в паре. Нельзя 11 на поминках. 11 — для умножения, для радости. Если родится кто. Если 300 <гостей> говорят 300 и еще одна. Но нечет. Ты понимаешь? А на поминках дают четное число. 8, 10. И когда на сороковой день, например, придет восемьдесят человек, восемьдесят один. Но делают восемьдесят порций. Или восемьдесят две. И умершему) (ДБ).

На третий и в последующие дни нет предписания устраивать поминальную трапезу, однако поминальные булочки раздаются на кладбище и всем соседям. На полгода, на год и три совершаются поминки, которые также называются *aradā*: *Cāndu o fitseam dzuuā nauuā mesh di nicuchira mea, yini preftu [...] o cāntā, unā altā, i mu plak'ash na popo', ama tamu, na grobo'.* *Tora adunām putsinishi, samo di familia aproapea.* *Tora yini dzuuā cāndu va s-facā un an, daosprādzatse di mesh, cāndu va s-facā anlu fitsem mari gozbā tu cafine.* *Li adunām tutā soia noastrā* (Когда я устраивал девять месяцев со дня смерти жены, пришел священник [...] отпел ее, то-сё, затем платишь священнику, но уже на кладбище. Тогда мы пригласили немногих, только из самых ближних. А когда наступает один год, двенадцать месяцев, когда год наступает, мы устраиваем большой пир в ресторане. Собираем всю нашу родню) (СС).

Далее *aradā* завершается, умершие предки поминаются уже лишь в специально отведенные дни в календаре — диал. макед. *задушници*, *Мртва сабо-та* (Маловиште), арум. *misali, arāsali* (Крушево), *Cārleagă* «Вселенская мясопустная родительская суббота»: *Cāndu va s-treacā trei ani, la trei ani iasti, aftari n-ari <...> la mormintsā nu s-duc.* *Pānā la trei ani i se fatsi a mortlui tinjia.* *Di la trei ani cama da pa, va s-merdzā la groapā, va s-aprindzā tsearā* (Когда проходит три года, на третий год, подобного нет [...] не ходят на кладбище. До трех лет покойнику отдается честь. А после трех лет и в дальнейшем, бывает, придут на могилу, зажгут свечу) (СС), ср. то же в [7. Р. 28, 79].

Заметим, что в округе Битолы и в г. Крушево существует традиция повторного погребения, которое не имеет специального наименования и совершается при следующей смерти: *Si scolā osili, s-bagā tu albu sac.* *Preftu tornā yin tu osili di mortu tsi era dininte, shi o bagā prot al mortu tsi muritoresh, deapoia li bagā osili di murtu tsi muri dininte* (Кости поднимают и кладут в белый мешок. Священник орошает вином кости предыдущего покойника, кладет останки нового, а затем кости старого) (КЗ). По останкам при повторном погребении определяют загробную судьбу покойного. Если тело по каким-то причинам не разложилось, говорят, что человек о чем-то очень тосковал или кто-то его проклял: *На време ако те колне некој. Ако му сториш несреќа на некој ќе речеш јас ќе останам, нема да скапам земјата. Жив. Така ќе останам. Од болка. Од некоја тага да речам. [...] Грев имам. Знаеш што расипав ете што сакав чупе, дете. Старите ни си кажаа гревовите. И ќе рече немам да скапам земја дека направив грев. Го расипав работа на тоа чупе да е мажено за филјан. Грешив. Ќе го моли Господ да оди во рајот. Рајот треба да си чист. И ќе рече така да останам, нема да скапам земјата* (Тогда, если тебя проклянет кто-либо. Если причинишь кому-то горе и скажешь, я останусь, не буду портить землю. Как живой. Так и останусь. От боли. От тоски, скажем. [...] Грех у меня. Знаешь, соблазнил я девушку, дите. Старики рассказывали нам свои грехи. И скажет, что не будет осквернять собой землю, потому что согрешил. Испортил жизнь той девушке, чтобы она не могла выйти замуж за кого хотела. Грешил. И будет молиться Господу, чтобы пойти в рай. В раю ты должен быть чистым. И скажет так и останусь, не буду осквернять землю) (ДБ).

В 2022 г. Троица выпадала на 12 июня. Таким образом, даты полевого обследования региона совпали с периодом Троицкого комплекса, приуроченного к поминовению усопших, и участники экспедиции получили редкую возможность лично участвовать в обряде, который здесь проводится на второй день праздника и называется *arãsalji*. Накануне Троицы на сельских и городских кладбищах можно было увидеть много людей, пришедших на могилы родственников, чтобы почистить и украсить захоронения цветами. На этот период церковь и прихрамовые помещения украшаются зеленью ореха и полевыми цветами. Во время службы прихожане сплетают небольшие венки, которые забирают домой. Считается, что троичская зелень защищает одежду и другое имущество от вредоносных насекомых (КЗ). В церковь на литургию приносили вино и хлеб на поминовение. Такие обрядовые хлеба — арум. *liturghii* — чаще выпекают дома и украшают просфорной печатью. Вино в дальнейшем используется в процессе литургии, а хлеба используются в ходе службы, и частично раздаются прихожанам для поминовения. Служба ведется только на македонском языке.

Собранный этнолингвистический материал свидетельствует о культурной общности македонских арумын не только с другими анклавами восточнороманского населения Балканского полуострова, но и о регулярных перекрестных языковых и культурных заимствованиях с соседними балканославянскими народами.

Фотоматериалы, сделанные в ходе экспедиции на городских и сельских кладбищах, отражают историю переселений народа, изменения в языке и письменности на протяжении двух столетий. Надписи на надгробных памятниках обнаруживают влияние череды исторических событий: болгарская оккупация, югославская эпоха, латинизация алфавита в новейшее время. Встречаются также и старые надписи по-гречески, что свидетельствует об осознании первыми переселенцами своей связи с исторической родиной в Эпире.

Всего в ходе десятидневной этнолингвистической экспедиции были получены интервью от 20 информантов (еще от некоторых респондентов были записаны совсем короткие, но ценные реплики и замечания в общих беседах), а полевой архив исследователей пополнился аудио и видеоматериалами с подробными диалектными текстами на македонском и арумынском языках из области семейной и календарной обрядности, отчасти — народной мифологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДБ — Димитрий Баталия, 1961 г.р., село Маловиште.
КЗ — Константина Зафироска, 1959 г.р., город Крушево.
СС — Славе Стерийовски, 1936 г.р., село Трново.
ТС — Томе Симена, 2000 г.р., город Крушево.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию: Учеб. / ред. Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. М.: Высшая школа, 2007. 453 с.
2. Матковски А. Историја на Крушево и Крушевско. Од постановок на градот до поделбата на Македонија. Книга прва. Крушево: Собрание на општината, 1978. 374 с.
3. Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 160 с.
4. Плотникова А.А. Наименование поминальных дней в традициях восточной Сербии: этнолингвистический аспект // Славяноведение. 2022. № 6.
5. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.
6. Guia S. Elemente de dialectologie română. Iași: Vasiliana'98, 2014. 292 p.
7. Țîrcomnicu E. Obiceiuri și credințe macedoromâne: dicționar. București: Biblioteca Bucureștilor, 2009. 116 p.

REFERENCES

- Alisova T.B. *Vvedeniye v romanskuiu filologiyu: Textbook*, ed. T.B. Alisova, T.A. Repina, M.A. Tariverdieva. Moscow, Vysshaya shkola, 2007. (In Russ.)
- Guia S. *Elemente de dialectologie română*. Iași, Vasiliana'98 Publ., 2014. (In Rom.)
- Matkovski A. *Istorija na Kruševo i Kruševsko. Od postanokot na gradot do podelbata na Makedonija*. Kruševo, Sobranie na opštinata, 1978, kn. 1, 374 p. (In Mac.)
- Plotnikova A.A. *Etnolingvističeskaja geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow, Indrik Publ., 2004. 768 s. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. *Materialy dlja etnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala*. Moscow, Institute of Slavic studies RAS Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. Naimenovaniia pominal'nykh dnei v traditsiiakh vostochnoi Serbii: etnolingvističeskii aspekt. *Slavianovedeniye*, 2022, no. 6. (In Russ.)
- Țîrcomnicu E. *Obiceiuri și credințe macedoromâne: dicționar*. București: Biblioteca Bucureștilor Publ., 2009, 116 p. (In Rom.)

Информация об авторах:

Казаков Иван Игоревич,
младший научный сотрудник Института
славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0001-7601-3287
E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

Information about the author:

Kazakov Ivan I.,
Junior researcher
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-7601-3287
E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

Чиварзина Александра Игоревна,
младший научный сотрудник Института
славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Chivarzina Alexandra I.
Junior researcher
Institute of Slavic studies,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

IN MEMORIAM

Славяноведение, 2023, № 1, с. 113–115

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 113–115

Оригинальная статья / Original Article

К 100-летию Сергея Васильевича Никольского (1922–2015)

© 2023 г. И.А. Герчикова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

geririna@inbox.ru

Ссылка для цитирования: Герчикова И.А. К 100-летию Сергея Васильевича Никольского (1922–2015) // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 113–115.

On the Centenary of the Birth of Sergey V. Nikolski (1922–2015)

© 2023. Irina A. Gerchikova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

geririna@inbox.ru

Reference for citation: Gerchikova Irina A. On the Centenary of the Birth of Sergey V. Nikolsky // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 1. P. 113–115.

Сергею Васильевичу Никольскому 27 февраля 2022 г. исполнилось бы 100 лет. Это большая дата для российской славистики, ибо заслуги Никольского перед наукой, его вклад в отечественную богемистику, в литературоведение вообще — велики. В широких кругах чешской общественности Никольский, по словам Ф. Черного, — видного театроведа, профессора Карлова университета, исследователя творчества братьев Чапеков, возглавлявшего в 1992–1997 гг. Общество братьев Чапеков, действующее в Чехии с 1947 г., — «самый известный зарубежный специалист по истории литературы» [4. С. 66. S. 3].

Имя выдающегося российского ученого, профессора, заслуженного деятеля науки России, почетного доктора Оломоуцкого университета, награжденного медалями Ф. Кс. Шальды, Й. Добровского и другими наградами Чешской республики, известно всем, кто занимается славянскими литературами, а для коллег, работавших с ним бок о бок, это была огромная честь знать его и учиться у него.

С.В. Никольский проработал более шестидесяти лет в Институте славяноведения АН СССР. Окончив русское отделение филологического факультета МГУ в 1945 г., он готовился стать специалистом по русской литературе, но, когда с открытием в 1947 г. Института потребовались новые кадры, знатоки литератур социалистических стран, Сергею Васильевичу было поручено сформировать и возглавить сектор славянских литератур, которым он и руководил сорок лет. Надо сказать, что русская литература никогда не уходила из поля зрения Сергея Васильевича.

Близость с ней, образ мыслей и склад характера ученого всегда были прочно связаны с русской культурой, которая и взрастила этого настоящего русского интеллигента.

За годы работы Сергей Васильевич написал более 500 научных работ по истории прежде всего чешской литературы, чешско-русским литературным связям. В 1949 г. Никольский защитил кандидатскую диссертацию, посвященную Ф.Л. Челаковскому и связям с русским фольклором, а в 1971 г. — докторскую, посвященную К. Чапеку. Он писал о К.Г. Махе, И. Волькере и многих других чешских поэтах и прозаиках. Я. Гашек и К. Чапек — главные авторы, которыми занимался Никольский. Ему принадлежат, в частности, монографии «Карел Чапек — фантаст и сатирик» (1973; издано в Москве и в Праге), «Две эпохи чешской литературы» (М., 1981), «Карел Чапек» (М., 1990), «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» (М., 1997), «Над страницами антиутопии К. Чапека и М. Булгакова. Поэтика скрытых мотивов» (М., 2001).

Под руководством С.В. Никольского были подготовлены десятки востребованных в нашей стране специалистов, написаны академические истории чешской, словацкой, польской, болгарской литератур, созданы работы по взаимосвязям русской литературы с литературами западных и южных славян. При его участии в качестве члена редколлегии и автора вышли «Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв.» (М., 1963), «История всемирной литературы» (М., 1983–1994. Т. 1–8), «Краткая литературная энциклопедия» (М., 1962–1978. Т. 1–9), «История литератур западных и южных славян» (М., 1997–2001. Т. 1–3). В последнем издании Никольский был ответственным редактором второго тома. Никольский входил в состав редколлегий «Кратких сообщений» (1951–1955) и «Ученых записок» (1957–1966) Института славяноведения, с 1979 г. он был членом редколлегии журнала «Славяноведение».

В течение многих лет Никольский входил в Советский комитет славистов. С 1958 г. он — член правления и председатель сначала литературной комиссии Общества советско-чехословацкой дружбы, а затем секции чешского Общества братьев Чапек в России. Нельзя не вспомнить об огромной популяризаторской деятельности Никольского, активно пропагандировавшего творчество чешских писателей, издавшего их сочинения, его выступления с лекциями. Труды российского богемиста получили признание и у нас, и за рубежом, издавались в Чехии, Польше, Югославии, Германии.

К юбилеям Сергея Васильевича Институтом славяноведения были выпущены сборники «Фантастика и сатира в литературе славянских народов» (М., 2004), «С.В. Никольский и современная славистика» (М., 2013). В год столетия вышел и сборник «Российская богемистика вчера и сегодня», приуроченный к «большой дате» выдающегося ученого.

Последней книгой, которую выпустил при жизни Сергей Васильевич, стало в 2009 г. второе исправленное и дополненное издание «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова. Поэтика скрытых мотивов», ставшее большим событием не только в отечественной богемистике, но и булгаковедении. Эту книгу он посвятил «светлой памяти своего отца — Никольского Василия Сергеевича».

Вспоминая Сергея Васильевича, стоило бы сказать и о тех, кто был рядом с ним и оказал на его жизнь большое влияние. И в первую очередь это его отец, о котором лишь в начале 2000-х годов стало достоверно известно. Жизнь священнослужителя, подвижника Василия Никольского служила примером для сына. В августе 2000 г. В. Никольский был канонизирован Архиерейским Собором русской православной церкви и признан священномучеником. В 1933 г. Василий Никольский был обвинен в антисоветской агитации (по доносу) и осужден на три года. Срок отбывал в Свирских лагерях, вернулся домой в 1936 г. А в 1937 г. в селе Поречье был вновь арестован, повторно по доносу обвинен в антисоветской агитации и по приговору тройки НКВД по Калининской области 3 ноября 1937 г. расстрелян. Был реабилитирован 16 марта 1989 г. Эти сведения собрал краевед из Твери Владимир Иванович Коркунов [2; 3].

Важную роль в жизни Сергея Васильевича сыграла его супруга Раиса Лаврентьевна Филиппикова (род. 19.07.1930). Она сама была богемистом, а для Никольского настоящим другом и коллегой. Р. Филиппикова, наверное, последний из ныне живущих литературоведов того поколения, что начинало богемистику в послевоенные годы. Она пришла не с русского отделения филологического факультета МГУ, а изучала чешский язык как основной на кафедре славянской филологии филологического факультета, который закончила в 1953 г. Потом пришла работать в Институт мировой литературы (ИМЛИ), где в 1957 г. внутри отдела зарубежных литератур, в который она влилась, выделили сектор литератур социалистических стран. Здесь в стенах ИМЛИ Филиппикова защитила в 1963 г. кандидатскую диссертацию «Романы Алоиса Ирасека о крестьянских восстаниях: К вопросу об истоках реализма в чешском историческом романе».

И в последующие годы активно занималась чешской литературой, в частности творчеством В. Ванчуры, чешским экспрессионизмом.

В юбилейный год С.В. Никольского, вспоминая его научные заслуги, яркую личность, хотелось бы процитировать Л.Н. Будагову, возглавившую Отдел истории славянских литератур после Сергея Васильевича и ушедшую от нас также в 2022-м, в год своего 90-летия. «Яркие личности в науке, к какому бы поколению они не принадлежали, остаются непревзойденными. К таким непревзойденным ученым-славистам относится Сергей Васильевич Никольский» [1. С. 28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагова Л.Н. Выдающийся русский славист // С.В. Никольский и современная славистика. М.: ИСЛ РАН, 2013. С. 28.
2. Коркунов В.И. Новомученики Кимрской земли. Тверь: Тверь 2006. 32 с.
3. Коркунов В.И. Это было, было...: к 10-летию канонизации кимрских новомучеников: (краеведческие очерки). Тверь: Марина, 2008. 115 с.
4. Černý F. Nikolskému k osmdesátinám Zprávy Společnosti bratří Čapků. Praha: Zprávy Společnosti bratří Čapků. 2002. Č. 66. S. 3.

REFERENCES

- Budagova L.N. Vydayushchiysya russkij slavist. S.V. Nikol'skij i sovremennaya slavistika. Moscow, ISIRAN Publ., 2013, p. 28. (In Russ.)
- Korkunov V.I. *Novomucheniki Kimrskoj zemli*. Tver', Tver' Publ., 2006, 32 p. (In Russ.)
- Korkunov V.I. *Eto bylo, bylo...: k 10-letiyu kanonizacii kimrskih novomuchenikov: (kraevedcheskie ocherki)*. Tver', Marina Publ., 2008, 115 p. (In Russ.)
- Černý F. Nikolskému k osmdesátinám. Praha, Zprávy Společnosti bratří Čapků Publ., 2002, č. 66, p. 3. (In Czech.)

Сведения об авторе:

Герчикова Ирина Александровна,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института
славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-1009-9182
E-mail: geririna@inbox.ru

Information about the author:

Gerchikova Irina A.,
Ph D. (Philology),
Research Fellow, Institute of Slavic Studies of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-1009-9182
E-mail: geririna@inbox.ru

Славяноведение, 2023, № 1, с. 116–118

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 116–118

Оригинальная статья / Original Article

К 100-летию Елены Захаровны Цыбенко (1923–2011)

© 2023 г. А.Г. Шешкен

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

asheshken@yandex.ru

Ссылка для цитирования: *Шешкен А.Г.* К 100-летию Елены Захаровны Цыбенко (1923–2011) // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 116–118.

On the Centenary of the Birth of Elena Z. Tsybenko (1923–2011)

© 2023. Alla G. Sheshken

Moscow State Lomonossov University
Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

asheshken@yandex.ru

Reference for citation: *Sheshken Alla G.* On the Centenary of the Birth of Elena Z. Tsybenko // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 1. P. 116–118.

2 января 2023 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося российского слависта профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Елены Захаровны Цыбенко, которая сыграла ключевую роль в возрождении и формировании литературоведческой полонистики в нашей стране. Эта деятельность требовала настоящего подвижничества, она стала исторической миссией молодых славистов, пришедших в науку после войны. Они должны были заново создать научное направление, фактически разгромленное в результате «дела славистов» в середине 1930-х годов. Славистика начала возрождаться во время войны с фашизмом, когда вновь открылись кафедры славянской филологии, в том числе на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (1943). Елена Захаровна, как и другие представители первого поколения славистов, пришла в славистику из русистики. Перед войной в 1940 г. она поступила на русское отделение Ленинградского университета (родилась 2 января 1923 г. в Царском Селе, оно тогда называлось Детским Селом, и до войны жила в Ленинграде), в эвакуации в 1942–1943 гг. училась в Свердловском университете, затем в 1943 г. перешла на славянское отделение МГУ, которое закончила в 1945 г. Потом были годы учебы в аспирантуре (1945–1948) и начало преподавательской деятельности на филологическом факультете (1948), где она проработала до самой смерти, более шестидесяти лет. Елена Захаровна защитила кандидатскую диссертацию «Реализм в творчестве Болеслава Пруса» (1951), была избрана доцентом,

а после защиты докторской диссертации («Польский социальный роман 40–70-х годов XIX в.», 1969) стала профессором кафедры славянской филологии. В 1973 г. она была удостоена звания Заслуженного профессора Московского университета. Заведовала кафедрой славянских литератур (1952–1964), а после слияния литературоведческой и лингвистической кафедр почти сорок лет руководила литературоведческой секцией кафедры славянской филологии (1972–2001). Елена Захаровна внесла решающий вклад в воссоздание традиции преподавания и изучения польской литературы в нашей стране (список ее научных трудов составляет более 300 наименований), создала мощную научную школу, воспитала не одно поколение исследователей, переводчиков и популяризаторов польской культуры.

Буквально с самого основания в 1947 г. она тесно сотрудничала с Институтом славяноведения, куда были направлены на работу многие ее ученики, в свою очередь внесшие огромный вклад в полонистику и славистику. Многие из них создали свои научные школы. Среди них блистательный ученый, исследователь и популяризатор польской поэзии, творчества Адама Мицкевича и польского романтизма Б.Ф. Стахеев (1924–1993) и известный далеко за пределами нашей страны Заслуженный деятель науки Российской Федерации, исследователь и организатор науки В.А. Хорев (1932–2012). Можно сказать, что, за редким исключением, филологи-полонисты старшего и среднего поколения Института славяноведения являются выпускниками кафедры славянской филологии МГУ и в той или иной степени прошли школу Елены Захаровны. Литературоведы под ее руководством писали курсовые и дипломные работы, лингвисты — слушали курс польской литературы. Елена Захаровна была постоянным участником научных конференций, которые проходили в Институте, научных изданий в качестве автора или рецензента (например, двухтомной «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны»), членом советов по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Выпускники Елены Захаровны трудились везде, где преподавалась или изучалась польская литература. В ИМЛИ долгие годы работал литературовед, музыковед, критик и телеведущий лауреат Государственной премии Российской Федерации Святослав Бэлза (1942–2014). В российских и зарубежных университетах работали (где-то работают до сих пор): в Грузии — В. Оцхели, в Вильнюсе — Г. Туркевич и А. Баранов, в Канаде — О. Медведева-Нату и др. В МГИМО по настоящее время трудится Г.М. Лесная. Полонистика Республики Беларусь также формировалась при помощи Елены Захаровны, щедро делившейся с коллегами своим опытом. Она выступала с лекциями в университетах Минска и Гродно. Читала лекции также во Львове, Вильнюсе, Берлине, Польше — в Варшавском, Ягеллонском, Силезском, Торуньском университетах.

В основу лекций Елены Захаровны, как и всех форм работы со студентами и аспирантами, был положен богатейший фактический материал, четко систематизированный и концептуально изложенный. Учебники и учебные пособия, а также главы в академической «Истории польской литературы» (в двух томах, 1968–1969), подготовленной вместе с ее бывшими учениками, к тому времени авторитетными учеными Института славяноведения, до сих пор не утратили своей значимости.

В научной работе Е.З. Цыбенко уделяла первостепенное внимание классикам польской литературы: Адаму Мицкевичу, Генрику Сенкевичу, Болеславу Прусу, Элизе Ожешко, Владиславу Реймонту, а также современным авторам, определившим пути развития польской прозы. Новое в литературе и литературоведении всегда привлекало ее. Она одной из первых в нашей стране начала изучать литературу русской эмиграции 1920–1930-х годов в Польше (под ее руководством защищена первая в нашей стране диссертация О.В. Розинской «Русская литературная эмиграция в Польше: 1920–1930-е годы», 2000). В сферу научных интересов Елены Захаровны входило также изучение польско-русских и русско-славянских литературных связей. Методология сравнительно-исторического литературоведения помогала глубже понять неповторимость и уникальность и национальной литературы. Елена Захаровна на конкретном русско-польском материале доказывала, что контакты между литературами, творческий диалог между классиками русской и польской литературы служили их взаимному обогащению, а исследование этого материала помогает пониманию самобытности национальных литератур. Такой подход объединяет ее многочисленные публикации о восприятии польскими писателями и критиками произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, статьи о рецепции в России польских авторов от Мицкевича до Пшибышевского, а также работы «Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв.» (1978), «Особенности польской и русской романтической прозы 30–40-х годов XIX века (к проблеме героя и принципов изображения)» (1973), «Тургенев и польская литература» (1978). Первой в отечественной науке она стала изучать импульсы польской литературы в произведениях Андрея Белого, Валерия Брюсова, Алексея Толстого, Михаила Булгакова и показала, что польская литература стала в восприятии русских авторов неотъемлемой частью мировой литературы.

Елена Захаровна видела в компаративистике огромные возможности и внесла свой личный вклад в расширение ее исследовательского спектра, в частности такой области, как зарубежная литературоведческая русистика. Проф. Е.З. Цыбенко была одним из инициатором создания и много лет возглавляла научно-исследовательское подразделение филологического факультета МГУ «Русская литература в современном мире». У нее самой были обширные контакты и плодотворное сотрудничество практически со всеми университетами Польши, включая крупнейшие Ягеллонский и Варшавский университеты и Академию наук, где трудились выдающиеся ученые Б. Бяловозович, Л. Суханек, Я. Кульчицкая-Салони, Т. Шишко, А. Володзько-Буткевич, А. Дудак, Я. Урбаньская, А. Семчук, Б. Доларт и др. Все они в разные годы выступали с лекциями перед студентами филологического факультета Московского университета, участвовали в конференциях, публиковали труды в российских научных изданиях.

Е.З. Цыбенко внесла большой личный вклад в издание и популяризацию польской литературы в нашей стране («Кукла» и «Фараон» Б. Пруса). Она была составителем изданных на русском языке собраний сочинений Б. Пруса и Э. Ожешко. В 1980-е годы при непосредственном участии Елены Захаровны было издано собрание сочинений в девяти томах Генрика Сенкевича (она была членом редколлегии издания и автором комментариев к роману «Без догмата») и пятнадцатитомная «Библиотека польской литературы» (1973–1979). За изучение и популяризацию польской литературы и культуры в России Елена Захаровна была удостоена правительственных наград Польши: Кавалерского Креста ордена Возрождения Польши (1974) и Командорского Креста со Звездой ордена Заслуги Республики Польши (1998), а также высокого признания научного сообщества – Почетной медали Варшавского университета (2003). Общество «Польша – Восток» вручило ей медаль «Мицкевич – Пушкин». Литературное общество им. Генрика Сенкевича избрало Елену Захаровну своим почетным членом (1987).

В памяти коллег Елена Захаровна осталась светлым человеком и на редкость гармоничным. Чрезмерная занятость не мешала ей находить время для того, чтобы всегда элегантно и безукоризненно выглядеть, о чем даже ходили легенды. Сегодняшнее сложное для славистики время заставляет по-новому оценить огромный вклад, который внесли такие выдающиеся педагоги и исследователи, как Елена Захаровна Цыбенко, глубже осознать, насколько непростым делом было и остается изучение славянских литератур. А воспитание высококлассных специалистов всегда требовало полной отдачи от педагогов. Будущее отечественной славистики будет достойным, пока в нашей памяти хранятся имена наших великих учителей.

Информация об авторе:

Шешкен Алла Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-9346-9814
E-mail: asheshken@yandex.ru

Information about the author:

Sheshken Alla G.,
DSc. (Philology), professor,
Moscow State Lomonossov University,
Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID 0000-0002-9346-9814
E-mail: asheshken@yandex.ru

Шадийе Османоглу. Мой отец Абдул-Хамид, или исповедь дочери
последнего султана Османской империи: воспоминания
Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2021, 224 с., ил.

© 2023 г. А.А. Леонтьева

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская федерация)

leontanna@gmail.com

Ссылка для цитирования: Леонтьева А.А. Шадийе Османоглу. Мой отец Абдул-Хамид, или исповедь дочери последнего султана Османской империи: воспоминания. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2021, 224 с., ил. // Славяноведение. 2023. № 1. С. 119–120. DOI: 10.31857/S0869544X0024738-4

Shadiye Osmanoglu. My Father Abdul-Hamid II,
or the Confessions of the Last Ottoman Sultan's Daughter: A Memoir

© 2023. Anna A. Leontyeva

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

leontanna@gmail.com

Reference for citation: Leontyeva Anna A. Shadiye Osmanoglu. My Father Abdul-Hamid II, or the Confessions of the Last Ottoman Sultan's Daughter: A memoir // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No.1. Pp. 119–120. DOI: 10.31857/S0869544X0024738-4

В 2021 г. впервые были переведены на русский язык и опубликованы в России воспоминания Шадийе Османоглу — дочери османского султана Абдул-Хамида II.

Султан Абдул-Хамид II правил Османской империей в 1876–1909 гг. и был отстранен от власти в результате Младотурецкой революции. После вступления на престол в 1876 г. одним из первых его шагов стало принятие конституции — кульминации реформ Танзимата, что принесло ему славу просвещенного реформатора. Однако после череды кризисов и территориальных потерь Абдул-Хамид II превратился скорее в жесткого абсолютиста [1; 2]. Вопреки названию

книги, его нельзя назвать последним султаном — после низложения на престол был возведен его брат, ставший султаном Мехмедом V, а в 1918–1922 гг., в период раздела Османской империи тридцать шестым и последним султаном стал другой его брат — Мехмед VI. Однако правивший 33 года Абдул-Хамид II действительно считается последним полновластным османским султаном, чью власть не ограничивали конституция и национальное собрание.

Шадийе Османоглу (1886–1977) — пятая из семи дочерей Абдул-Хамида II и одной из его жен. Фамилию Османоглу она получила в 1909 г. вместе с другими членами рода Османов.

Шадиye выросла в султанском дворце, получив традиционное для дочерей османских правителей воспитание и образование в специальной дворцовой школе для детей султана. Их обучали азам некоторых наук, иностранным языкам, музыке.

Основой для мемуаров Шадиye Османоглу послужило ее интервью крупному турецкому журналу «*Hayat*» («Жизнь»), после которого в 1963–1964 гг. в свет вышла серия небольших книг и брошюр «Жизнь в гареме эпохи Абдул-Хамида».

Фигура отца — центральная в книге Шадиye. По ее мнению, сложившийся образ жестокого правителя — результат злословия и интриг «корыстных и лживых людей, которые ради собственной выгоды совершили много зла, в чем потом обвинили отца» (с. 10). Заявленная ею цель мемуаров — опровергнуть «бессовестную клевету» в его адрес и открыть для читателей истинное лицо султана. «Отец, — написала она, — никогда не творил зла, никогда не приказывал казнить, никогда не совершал жестоких поступков — если кто-то и подвергся гонениям и был несправедливо обижен от его имени, то отец об этом совершенно ничего не знал». Безусловно, как и любые другие мемуары, тем более написанные человеком на склоне лет, воспоминания Шадиye Османоглу субъективны, порой наивны, и образ Абдул-Хамида II в них крайне идеализирован. Однако подобная романтизация и стремление противопоставить «истинный» образ любящего отца и мудрого сильного правителя той «лживой молве, что обрушилась на него, преувеличенная в тысячу раз», не делают ее воспоминания менее интересным историческим источником, который предоставляет исследователям иной ракурс восприятия событий османской истории начала XX в. Во вступлении Шадиye Османоглу подчеркнула, что хотя и была свидетелем многих событий, однако в воспоминаниях хотела бы сосредоточиться не на политике, а описать лишь то, что коснулось ее лично (с. 9).

Первая глава книги посвящена воспоминаниям о детстве и ранней юности, проведенных Шадиye в гареме дворца. Повседневная жизнь гарема никогда не была публичной и, как отмечают современные турецкие исследователи, информация по этой теме европейских путешественников — плод воображения, поскольку до 1909 г. вход в гарем для иностранцев был невозможен [1. Р. 407]. Таким образом, воспоминания Шадиye о своих детских годах, общения с отцом, его женами и их детьми — ее единственными братьями и сестрами, придворном церемониале дают редкую возможность взглянуть на жизнь гарема изнутри.

Довольно подробно автор описала, как внутри гарема переживались события Младотурецкой революции 1908 г. После свержения отца с престола Шадиye сопровождала его в ссылке в Салоники и рассказала об их тогдашнем быте и условиях пребывания на вилле Аллатини.

После смерти отца в 1918 г. Шадиye со своим первым супругом — османским дипломатом — предприняла путешествие по Европе, запечатлев в воспоминаниях облик европейских столиц в конце Первой мировой войны, затем вернулась на родину, но в 1923 г., после провозглашения Турецкой республики, вынуждена была покинуть родину и с маленькой дочерью эмигрировать во Францию. Долгие годы она прожила там, затем переехала в Венесуэлу и уже после Второй мировой войны смогла вернуться в Турцию. Все это подробно и красочно описано в воспоминаниях.

Особого внимания исследователей, в том числе историков-балканистов, заслуживает заключительная часть опубликованных мемуаров, содержащая размышления автора о причинах падения Османской империи. Она озаглавлена «Что говорили о моем отце». Спустя десятилетия после свержения Абдул-Хамида II и его смерти Шадиye Османоглу пыталась переосмыслить итоги его правления и причины крушения Османской империи. В рассуждениях она опиралась как на собственное видение ситуации, так и на беседы с другими современниками и свидетелями тех событий.

С ее точки зрения, причиной глубокого кризиса османского государства стали действия внешних сил — великих держав, желавших раздела Османской империи, и неумение различных сил внутри страны сплотиться в борьбе против их политики. Именно сопротивление иностранному вмешательству и волнения национальных меньшинств, по ее мнению, определяли внешнюю политику Абдул-Хамида II. По оценке Шадиye Османоглу, ключевым событием, послужившим началом конца Османской империи, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Накануне ее Абдул-Хамид II вступил на престол, а завершилось его правление с Балканской войной, которая стала «настоящим бедствием» и напрямую была связана с чередой событий, приведшим к его низложению. Усиление национально-освободительных движений на Балканах после 1878 г. привело к возвращению абсолютной власти султана и ухода от конституционных принципов. Младотурки были полностью подконтрольны Германии и, таким образом, «прибегнув к помощи партии “Единение и прогресс”, беспрекословно следовавшей их распоряжениям, немцы вынудили отца отречься от престола и сослали бывшего султана в Салоники»,

а «следствием произошедшего стал раздел немцами Балкан и установление на их территории своего политического порядка», что и привело к началу Первой мировой войны (с. 180).

Свержение султана и принуждение к принятию конституции «обесценило» 30-летнее правление Абдул-Хамида II, направленное, в первую очередь, на урегулирование потерь страны во время войны 1877–1878 гг. и на удержание Дуная как важнейшей границы империи. Режим личной власти, — читаем мы в мемуарах, — был лишь способом защиты государства, что исторически являлось обязанностью султанов. И только султан мог решать, передавать часть власти народу или нет: «он сам должен был выбрать время и место для этого действия» (с. 195).

Воспоминания Шадийе Османоглу, безусловно, представляют собой интересный дополнительный источник по истории как Османской империи в целом, так и ее балканских провинций на рубеже XIX–XX вв. Это особенно важно, поскольку переводы на русский язык турецкой мемуарной литературы того времени очень редки. Источник, несмотря на свою специфическую субъективность, дает историкам возможность понять точку зрения противоположной стороны и оценить восприятие тех событий с позиции одного из представителей султанской семьи.

Информация об авторе:

Леонтьева Анна Андреевна,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0001-7543-6085
E-mail: leontanna@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История османского государства, общества и цивилизации / отв. ред. Э. Ихсаноглу. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 406–407.
2. Роган Ю. Падение Османской империи. Первая мировая война на Ближнем Востоке. 1914–1920. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 25–27.
3. Субаев Р. Р. Османская империя в правление Абдул-Хамида II: зулум, модернизация, революция // История Балкан. На переломе эпох. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 179–223.

REFERENCES

- History of the Ottoman state, society and civilization, ed. Ihsanoglu E. Moscow, Eastern Literature Publ. 2006, p. 406–407 (In Russ.)
- Rogan E. The Fall of the Ottoman Empire. The Great War in the Middle East, 1914–1920. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2018, p. 25–27. (In Russ.)
- Subayev R. The Ottoman Empire under the Abdul-Hamid II rule: zulum, modernization, revolution, History of Balkan: at the turn of epoch (1879–1914). Moscow, Institute of Slavic studies Publ., 2017, pp. 179–223. (In Russ.)

Information about the author:

Leontyeva Anna Andreevna,
Ph D. (History), Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-7543-6085
E-mail: leontanna@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 1, с. 122–124

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 122–124

DOI: 10.31857/S0869544X0023267-6

Рецензия / Review

Štícha F., Vondráček M., Kolářová I., Smejkalová I., Giger M., Osolsobě K.,
Petkevič V., Veselý L., Lukešová L., Panevová L., Ševčíková M., Bílková J.,
Kopáček L., Půda L. Velká akademická gramatika spisovné češtiny.
II. Morfologie. 2 svazky. Praha: Academia, 2021. 978 s.

Штиха Ф., Вондрачек М., Коларжова И., Смейкалова И., Гигер М.,
Осолсобе К., Петкевич В., Веселы Л., Лукешова Л., Паневова Я.,
Шевчикова М., Билкова Я., Копачкова Л., Пуда Л. Большая
академическая грамматика чешского литературного языка.
II. Морфология. В двух частях

© 2023 г. А.И. Изотов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

a.i.izotov@mail.ru

Ссылка для цитирования: Изотов А.И. Štícha F., Vondráček M., Kolářová I.,
Smejkalová I., Giger M., Osolsobě K., Petkevič V., Veselý L., Lukešová L., Panevová L.,
Ševčíková M., Bílková J., Kopáček L., Půda L. Velká akademická gramatika
spisovné češtiny. II. Morfologie. 2 svazky. Praha: Academia, 2021. 978 s. // Славя-
новедение. 2023. № 1. С. 122–124. DOI: 10.31857/S0869544X0023267-6

Štícha F., Vondráček M., Kolářová I., Smejkalová I., Giger M., Osolsobě K.,
Petkevič V., Veselý L., Lukešová L., Panevová L., Ševčíková M., Bílková J.,
Kopáček L., Půda L. Comprehensive Academic Grammar
of Contemporary Standard Czech. Prague, Academia Publ., 2021, 978 p.

© 2023. Andrey I. Izotov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

a.i.izotov@mail.ru

Reference for citation: Izotov Andrey I. Štícha F., Vondráček M., Kolářová I.,
Smejkalová I., Giger M., Osolsobě K., Petkevič V., Veselý L., Lukešová L., Panevová L.,
Ševčíková M., Bílková J., Kopáček L., Půda L. Comprehensive Academic Grammar
of Contemporary Standard Czech. Prague, Academia Publ., 2021, 978 p. // Slavic
Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 1.
P. 122–124. DOI: 10.31857/S0869544X0023267-6

Чешский национальный корпус (*Český národní korpus*) — один из наиболее динамично развивающихся проектов подобного рода в мире (см. [1]). Поэтому неудивительно, что уже в 2013 г. из печати вышла подготовленная на корпусном материале «Академическая грамматика литературного чешского языка» [2], при этом сразу же началась работа над «Большой академической грамматикой литературного чешского языка», первый том которой (в двух книгах со сплошной нумерацией) появился в 2018 г. и был посвящен проблемам выделения частей речи в современном чешском литературном языке [3. S. 35–107] и проблемам чешского словообразования [3. S. 111–1118].

Рецензируемое издание — опубликованное также в двух книгах со сплошной нумерацией — представляет собой второй том «Большой академической грамматики литературного чешского языка», завершающий начатое в первом томе описание чешской морфологии (или «грамматики слова», в терминологии [2]). Излагаемый материал сгруппирован по шести неравным по объему разделам, четыре из которых (I, II, IV и отчасти V) соответствуют сложившейся чешской традиции изложения грамматического материала, а два раздела (III и VI) — эту традицию дополняют.

Посвященный проблематике морфологических категорий **Раздел I** образован четырьмя подразделами, а именно: подразделом «А. Категории именные» с главами «1. Род», «2. Число», «3. Падение», подразделом «В. Категории глагольные» с главами «4. Лицо и число», «5. Время», «6. Вид», «7. Наклонение», «8. Залог», подразделом «С. Причастия и предикативы» и подразделом «Д. Категории (типы) глаголов с точки зрения грамматичности». Подразделы А и В при этом также внутренне структурированы, например глава «6. Вид» включает в себя следующие подглавы: «6.1. Основная характеристика», «6.2. Значения и функции видовых форм», «6.3. Перфектность и префиксация», «6.4. Вторичные имперфективы», «6.5. Итеративы», «6.6. Видовая омонимия и двувидовые глаголы», «6.7. Конкуренция видов», «6.8. Отношение вида, служебных слов и наречий», «6.9. Способы глагольного действия».

Раздел II о морфосемантике состоит из подразделов «1. Морфемы и морфы — определение, типология и комбинаторика» и «2. Чередования звуков/фонем».

Раздел III о морфологической омонимии включает в себя подразделы: «1. Омонимия и ее разновидности в чешском языке», «2. Морфологическая омонимия и ее разновидности», «3. Морфологическая дисамбигвация».

Посвященный словоизменению и потому самый крупный по объему **Раздел IV** состоит из подразделов «А. Склонение» (особо отмечу

вынесенное в отдельный параграф великолепное описание склонения логонимов, ставших в последние годы весьма распространенным феноменом) и «В. Спряжение», в котором подчеркнута удачное сопоставительное описание глагольных классов, выделенных в соответствии с основой настоящего времени и в соответствии с основой инфинитива.

Раздел V о переходных явлениях образован подразделами «1. Образование и склонение притяжательных прилагательных», «2. Образование степеней сравнения прилагательных и наречий», «3. Негация» и «4. Образование и склонение слов, обозначающих семью или группу родственников».

Раздел VI посвящен возвратным глаголам, скрупулезно расклассифицированным. Например, в рамках подраздела «3. Возвратные глаголы со свободной морфемой *se*» рассматриваются после общей характеристики данного разряда возвратных глаголов (3.1.), «3.2. Возвратные глаголы *sensu stricto*» (*oblékat se*), «3.3. Рефлексивы взаимные» (*milovat se*), «3.4. Возвратные интранзитивы, возникшие в результате приобретения возвратного компонента переходным глаголом» (*zlomit se*), «3.5. Девербативные рефлексивы с приставкой» (*rozhořet se*), «3.6. Деноминативные рефлексивы» (*opíčit se*), «3.7. Reflexiva tantum» (*dívat se*), «3.8. Рефлексивы от непереходных глаголов» (*ustrnout se*), «3.9. Рефлексивы от глаголов, функционирующих и как переходные, и как непереходные» (*zastavit se*), «3.10. Рефлексивы объектные» (*trefit se do něčeho*). Кроме того, в данном разделе рассматриваются «4. Возвратные глаголы с местоимением и со свободной морфемой *si*», «5. Возвратные глаголы с местоимением *sebou*» и «6. Возвратные конструкции типа *dělat se s něčím*». В связи с последним подразделом, в котором разбираются возвратные конструкции с невозвратными глаголами, не могу не заметить, что его наличие может противоречить заявленному на с. 883 намерению ограничиться в данном томе описанием того, что «не пересекает границ слова», а рассмотрение явлений синтаксического уровня с весьма распространенными в чешском дискурсе возвратными деагентами типа *To se nedělá* «Так делать нельзя», букв. «Так не делается» и диспозитивами типа *Spalo se mi dobře* «Я хорошо выспался», букв. «мне хорошо спалось» перенести в третий еще готовящийся к публикации том.

Завершаю второй том краткое (меньше страницы) резюме на чешском и на английском языках, список использованной литературы (основная часть которой издана уже после рубежа веков), список сокращений, именной и предметный указатели.

Особого одобрения заслуживает выверенность использованной терминологии и искусные компромиссы между традицией и новыми тенденциями, что, в частности, проявилось в случае с регулярно употребляемым на страницах настоящего издания термином *příčestí*. Данный термин был образован в XIX в. по образцу русского термина *причастие*, однако в сложившейся к настоящему дню чешской школьной традиции он касается лишь именных предикативно употребляемых образований типа *přinesl jsem* «я принес» (*příčestí minulé* «причастие прошедшего времени») или *přinesen jsem* «меня принесли» (*příčestí trpné* «причастие страдательное»). Формы же типа *nesoucí* «несущий», *přinesší* «принесший» или *přinesený* «принесенный», то есть полные формы причастий, с точки зрения традиции русской, рассматриваются в чешских школьных и вузовских учебниках как разновидности (*ot*)глагольных прилагательных (*verbální/deverbativní adjektiva*).

На тех страницах, где идет отход от традиционного употребления данного термина (например в подразделе «С. Причастия и предикативы» первого раздела), это отличие подробно оговаривается.

Особо отмечу и предельно лаконичную, однако весьма ценную главу «8. Залог» того же первого раздела, проблематика которой, как я надеюсь, будет развита в третьем томе, потому что речь идет о категории, функционирование которой в чешском дискурсе заметно отличается от русского.

Высказываемые положения хорошо иллюстрированы, в том числе многочисленными таблицами, имеющими самостоятельную ценность.

Изложенное делает знакомство с рецензируемым изданием обязательным для любого богемиста и весьма желательным для слависта, занимающегося проблемой корпусного анализа языков.

Информация об авторе

Изотов Андрей Иванович,
доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6985-7000
E-mail: a.i.izotov@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изотов А.И. Чешский национальный корпус как основной итог развития традиций пражского лингвистического кружка в чешской лингвистике в XX веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 80–86.
2. Štícha Fr., Vondráček M., Kolářová I., Hoffmannová J., Bílková J., Svobodová I. Akademická gramatika spisovné češtiny. Praha: Academia, 2013. 972 s.
3. Štícha Fr., Kolářová I., Vondráček M., Bozděchová I., Bílková J., Osolobě K., Kochová P., Opavská Z., Šimandl J., Kopáček L., Veselý V. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I. 2 svazky / Praha: Academia, 2018. 1148 s.

REFERENCES

- Izotov A.I. The Czech national corpus as the main result of the development of the traditions of the Prague linguistic circle in Czech linguistics in the XX century. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 80–86. (In Rus.)
- Štícha Fr., Vondráček M., Kolářová I., Hoffmannová J., Bílková J., Svobodová I. *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha, Academia Publ., 2013, 972 p. (In Czech.)
- Štícha Fr., Kolářová I., Vondráček M., Bozděchová I., Bílková J., Osolobě K., Kochová P., Opavská Z., Šimandl J., Kopáček L., Veselý V. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I. 2 svazky*. Praha, Academia Publ., 2018, 1148 pp. (In Czech.)

Information about the author

Izotov Andrey I.,
DSc. (Philology),
professor, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6985-7000
E-mail: a.i.izotov@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 1, с. 125–129

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 125–129

DOI: 10.31857/S0869544X0024740-7

Рецензия / Review

A. Marková, H. Sahanovič, Z. Šybieka. Dějiny Běloruska. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2021. 304 s. ISBN 978-80-7422-667-0

А. Маркова, Г. Саганович, З. Шибeko. История Белоруссии.

© 2023 г. К.Б. Егорова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

xenia.egorova@gmail.com

Материал подготовлен при поддержке гранта РНФ № 19-18-00073-П

Ссылка для цитирования: Егорова К.Б. A. Marková, H. Sahanovič, Z. Šybieka. Dějiny Běloruska. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2021. 304 s. ISBN 978-80-7422-667-0 // Славяноведение. 2023. № 1. С. 125–129. DOI: 10.31857/S0869544X0024740-7

A. Marková, H. Sahanovič, Z. Šybieka. History of Belarus. Prague: Lidové noviny Publishing House, 2021. 304 p. ISBN 978-80-7422-667-0

© 2023. Ksenia B. Egorova

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russian Federation)

xenia.egorova@gmail.com

The material was prepared with the support of the Russian Science Foundation
grant No. 19-18-00073-P

Reference for citation: Egorova Ksenia B. A. Marková, H. Sahanovič, Z. Šybieka. History of Belarus. Prague: Lidové noviny Publishing House, 2021. 304 p. ISBN 978-80-7422-667-0 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 1. P. 125–129. DOI: 10.31857/S0869544X0024740-7

Комплексное изучение истории Белоруссии — сложная и важная научная задача, которая требует от исследователя глубокого понимания интеграционных процессов: как современных, выразившихся в политике Союзного государства, так и затронувших Восточную Европу в раннее Новое время, когда Люблинская уния объединила земли Великого княжества Литовского (значительную его часть составляли

земли современной Белоруссии) и Польского королевства.

Авторы чешской монографии «История Белоруссии» (А. Маркова, Г. Саганович, З. Шибeko), вышедшей в 2021 г. в авторитетном пражском издательстве «Lidové noviny», поставили перед собой амбициозную задачу — написать историю Белоруссии для широкого круга читателей. Книга вышла в серии «История

государств», которая насчитывает уже более 50 изданий (помимо истории Словакии, Германии, России, Великобритании чешский читатель имеет возможность познакомиться с культурной и политической жизнью Сирии, Финляндии, Македонии, Перу, Боливии и многих других стран). Несмотря на научно-популярный характер серии, каждая книга – полноценное исследование, выполненное учеными, работающими в крупнейших университетах и академических центрах Восточной Европы.

Авторский состав «Истории Белоруссии» не стал исключением. Несмотря на аффилиацию в различных европейских научных институтах, все три автора имеют белорусское происхождение. Алена Маркова – доцент Карлова университета, специалист в области истории Восточной Европы и Белоруссии; ее монография «Дорога к советской нации. Политика белорусизации: 1924–1929 гг.» [5] в 2016 г. была признана лучшим научным изданием на Конгрессе по истории Белоруссии в Варшаве. В рецензируемой монографии ей принадлежат разделы, посвященные белорусским землям в XX в.

Крупный белорусский историк, член Международной ассоциации белорусистов и Белорусского исторического общества З.В. Шибекко выступил в качестве автора раздела «Белорусские земли в “долгом” XIX веке» и соавтора раздела «Белорусские земли в 1914–1945 годах» (эта часть написана совместно с А. Марковой). И хотя взгляд Шибекко на события начала Второй мировой войны, выраженный на страницах учебника «Очерки истории Белоруссии» [7] (переиздан в 2002 г. на польском языке в Люблине), вызвал критику со стороны некоторых российских историков [2], автор не изменил позицию и в новом чешском издании, в котором, впрочем, нет резких выпадов в адрес советского правительства, но многократно подчеркивается, что Гитлер и Сталин выступали в начале войны как союзники.

Подвергалась критике со стороны российского научного сообщества [3] и работа третьего соавтора рецензируемой монографии – Г.Н. Сагановича. Сферой научных интересов белорусского исследователя, работающего в Центре по изучению Белоруссии Варшавского университета, является Великое княжество Литовское. После справедливой критики в адрес монографии «Невядомая вайна 1654–1667» [6] Саганович изменил тактику научной аргументации, смягчил резкость суждений, однако главы, написанные ученым для чешской монографии, все же дают чересчур схематическое и поверхностное представление о сложных внутривосточных процессах, протекавших в Великом княжестве и обусловивших внешнеполитическую реакцию его элит во время военных столкновений

с соседними государствами. Читатель в итоге получил удобную и простую трактовку, но без учета многомерности исторического материала, иных точек зрения на источники. Для чешской «Истории Белоруссии», призванной заинтересовать широкий круг читательской аудитории, такое упрощение является, возможно, правильным решением, но более искушенного читателя однозначные трактовки неоднозначных явлений вряд ли удовлетворят.

Монография по истории Белоруссии обладает стройной повествовательной композицией: книга состоит из четырех крупных разделов («Белорусские земли до конца XVIII века», «Белорусские земли в “долгом” XIX столетии», «Белорусские земли в 1914–1945 гг.», «Белоруссия после Второй мировой войны»). Каждый из разделов имеет дробную структуру, разделен на главы.

В предисловии к изданию авторский коллектив справедливо отметил, что история Белоруссии находится на периферии внимания чешского читателя, об этих землях чехи имеют слабое представление и рассматривают политическую жизнь Белоруссии только в связи с историей Польши или России.

Главная цель издания – восполнить этот пробел. Особое внимание авторский коллектив уделил некоторым принципиальным явлениям белорусской истории, таким как политическое и экономическое положение белорусских земель в составе Великого княжества Литовского, борьба за государственность в XIX и XX в., механизмы установления советского господства в межвоенный период, переломный период 1990-х годов после распада Советского Союза и современное развитие Республики Беларусь (примечательно, что в новое издание вошли и события недавнего прошлого, в частности политическая деятельность С.Г. Тихановской, баллотировавшейся в 2020 г. на пост президента Белоруссии).

Первый раздел охватывает обширный период истории белорусских земель. Его автор характеризует народы, населявшие эту территорию до образования государств, повествует о религии, культуре Великого княжества Литовского, о войнах, сотрясавших белорусские земли, анализирует социально-экономическое развитие региона, причины создания федеративной Речи Посполитой и ее упадка. Серьезное внимание Г.Н. Саганович уделил кризису, в котором оказалась Речь Посполитая в последние годы существования, а также роли российских правителей в усугублении внутренних споров и противоречий в среде польской шляхты, приведших к краху государства и всех его систем.

Безусловно, рассматривать историю белорусских областей в отрыве от истории Польши невозможно, но в данном случае часто основной

предмет исследования затемняется польской политической историей. Чтобы избежать этого, стоило бы добавить этнографический обзор региона, уделить внимание быту, обрядам, одежде населения белорусских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. На мой взгляд, такой этнографический очерк необходимо включить, если книга будет переиздаваться в будущем.

Второй раздел монографии, состоящий из четырех глав, представляет читателю обзор истории Белоруссии в XIX ст.; главы выделяются не концептуально-тематически (как это было в предыдущей части), а хронологически. Автор выделяет периоды: 1795–1830, 1831–1863, 1863–1904, 1905–1914. Такое деление «долгого» XIX в. на временные отрезки с привязкой к освободительному движению и важным для истории региона датам оправдано, оно облегчает восприятие обширного и разнообразного материала. В разделе также повествуется о зарождении национальных движений и интеллигенции в белорусских землях.

Третий и четвертый разделы посвящены XX в.; в них подробно рассмотрены вопросы формирования белорусского национального самосознания, особенности сталинской политики коренизации в этих землях и ее последствиях (проблема освещена А. Марковой, автором, как уже указывалось выше, нескольких монографий о политике белорусизации и конструировании белорусской советской нации).

Завершает книгу серия приложений: сводный список главных дат белорусской истории, список имен правителей белорусских земель, а также библиографический список, в котором представлены работы на белорусском, польском, русском и чешском языках, но отсутствуют многочисленные издания на немецком и английском языках, отражающих степень разработанности различных аспектов истории белорусских земель.

Публикация книги по истории Белоруссии сегодня ставит перед авторским коллективом комплекс задач и вопросов, требующих взвешенной аргументации. Так, одной из ключевых проблем становится разработка единой концепции белорусской истории, выбор исследовательской оптики, в зависимости от которой история Белоруссии может быть рассмотрена как история славянского населения, занимающего некоторые территории в Восточной Европе, или как история самой этой территории, находившейся в составе разных государств, под властью разных политических режимов. Если фокус авторского внимания привязан к территории, то важным становится вопрос географических границ. Без учета общей концепции книга по истории белорусских земель может не состояться, распасться

на серию очерков из истории Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР... Рецензируемая книга не обладает четко сформулированным взглядом на историю белорусских земель, не представлена концепция и в предисловии. Главным стержнем повествования является хронология.

Представляется неоправданным помещение такого важного вопроса как существование общего политического пространства Древней Руси в первую, очень широкую, главу книги «Белорусские земли до конца XVIII столетия», где центральным, безусловно, оказывается вопрос существования белорусских земель в составе Великого княжества Литовского. Вероятно, стоило бы выделить первые аккорды государственности на этих Восточных землях в отдельную полноценную главу, тем более что автор первой части книги Г.Н. Саганович не придерживается традиционной точки зрения, согласно которой белорусские земли в XI–XIII вв. имели определенное отношение к общему политическому пространству Древней Руси. Напротив, он отметил, что Полоцк в XII в. не обозначался как «русская земля», а также предложил критически подходить к концепции Киевской Руси как единства, в том числе и этнического. Однако отношение Руси и Полоцка никак не охарактеризованы: ни как враждебные, ни как комплементарные. Если книга впоследствии будет готовиться к переизданию, то представляется важным усилить эту ее часть, развить и дополнить размышления автора о ранней истории белорусской государственности.

Стремясь заинтересовать читателя, авторы предложили необычный взгляд на прочтение истории Белоруссии – сравнение с историей Чехии, с процессами чешского национального возрождения и строительства государства, современной ситуацией выхода из социалистического прошлого.

Такая попытка увидеть «больше общего с чешской историей, чем может показаться на первый взгляд» удивляет, а утверждение, что «белорусы имеют такой же опыт тоталитаризма, политических и идеологических репрессий и жизни в социалистическом государстве Восточного блока» [10. С. 5], сначала кажется неоправданным (ведь чехи и белорусы все же имеют различный опыт жизни в социалистическом государстве). Однако авторам удалось отметить белорусско-чешские взаимосвязи в разные исторические периоды (так, в конце XVII в. белорусские религиозные деятели знакомились с трудами Яна Амоса Коменского, известны контакты Чешских братьев с белорусскими протестантами, а сподвижник Коменского Адам Гартман был приглашен в литовские земли, где

он занимался миссионерской деятельностью и читал проповеди). Компаративный подход привносит новое научное знание об истории и культуре региона, показывает взаимосвязи белорусских земель с иными культурными пространствами.

Белорусско-чешские взаимосвязи – *terra incognita*, а потому выявление отдельных их аспектов в рамках монографии по истории Белоруссии является важным шагом на пути развития исследований белорусско-чешских культурных связей.

Обобщающая глава об истории белорусско-чешского взаимовлияния помещена в конце книги, ее автор – чешский историк и журналист М. Плавец – подводя итоги большого исследования, указал основные направления взаимодействия двух славянских стран от древнейших времен до наших дней. В главе отмечены торговые пути, соединявшие земли, дана характеристика деятельности Франциска Скорины в Праге, перечислены имена белорусских эмигрантов, оказавшихся в Чехословакии в межвоенный период. Примечательно, что выделять белорусских эмигрантов в отдельную социальную группу стали недавно. Это веяние последнего пятилетия, и у его истоков стоят исследователи из Пражского университета. Так, М. Плавец является одним из авторов исследования [8], посвященного белорусской межвоенной эмиграции, а в 2016 г. в университетском издательстве вышла работа Петра Главачка и Павла Котау, посвященная белорусским интеллектуалам в межвоенной Чехословакии [9].

Ранее в работах чешских и российских ученых беженцев не делили по национальному признаку или району проживания в Российской империи; все пестрое эмигрантское общество изучалось как единое явление. В 2000-х годах исследователи начали дробить русскую эмиграцию первой волны на социальные и национальные группы, появились материалы для изучения украинцев в Чехословакии, русского казачества в Праге. И в 2017 г. вышла в свет книга по истории белорусской эмиграции. Белорусские исследователи также активно разрабатывают проблемы, связанные с историей белорусской эмиграции в межвоенной Чехословакии. Так, в 2010 г. вышла статья А.И. Бучи [1], в которой рассматривались судьбы попавших в Чехословакию в период Русской акции Т.Г. Масарика выходцев из белорусских земель; в 2020 г. была опубликована монография С. Крыневича, установившего ряд захоронений белорусских общественных деятелей на Ольшанском кладбище в Праге [4]. Это важное и новое направление в истории научного осмысления наследия эмигрантов в славянских странах.

Кроме того, за последние десять лет появились серьезные издания по отдельным аспектам белорусско-чешских связей. В частности, в 2015 г. вышло в свет исследование К. Пражковой, посвященное восприятию польско-литовских и русских земель в чешской среде в Средние века и раннее Новое время [11]. Намечается устойчивый интерес чешского ученого сообщества к проблемам белорусско-чешских взаимоотношений в различные исторические периоды.

Представляется, что авторы справились с задачей, стоявшей перед ними. Книга включает все вехи развития белорусской государственности, способна увлечь широкую читательскую аудиторию, а чешский компонент, бесспорно, вызовет интерес у чешского читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буча А.И. Начальный этап «Русской Акции» Чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Мн.: БГУ, 2010. Вып. 5. С. 80–86.
2. Кобрин М.В. Фальшивая история Великой Отечественной войны: взгляд из Беларуси // Наука. Общество. Оборона. 2013. № 1 (1). <https://cyberleninka.ru/article/n/falshivaya-istoriya-velikoy-otechestvennoy-voyny-vzglyad-iz-belarusi/viewer> (дата обращения: 17.08.2022).
3. Курбатова О.А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 339–344.
4. Кнырэвіч С. Магілы беларусаў у Чэхіі і Славакіі. Praha: Osvětový spolek Skaryna, 2020. 269 с.
5. Маркава А. Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск: ВХА, 2016. 324 с.
6. Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. 144 с.
7. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. 490 с.
8. Běloruská emigrace v meziválečném Československu: studie a dokumenty: sociopolitický aspekt. Praha: Charles University in Prague, Karolinum Press, 2017. 288 s.
9. Hlaváček P., Kotau P. Bělorusko mimo Bělorusko: Běloruští intelektuálové v meziválečném Československu. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2016. 146 s.
10. Marková A., Sahanovič H., Šybieka Z. Dějiny Běloruska. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2021. 304 s.

11. Pražáková K. *Obraz Polsko-litevského státu a Ruska ve zpravodajství české šlechty (1450–1618)*. České Budějovice: Nová tiskárna Pelhřimov, 2015. 326 s.

REFERENCES

- Bucha A. I. Nachal'nyj etap «Russkoj Akcii» Chekhoslovackogo pravitel'stva i organizacionnoe oformlenie belorusskoj diaspory v Chekhoslovakii. *Rossijskie i slavyanskije issledovaniya*. Minsk, Belorussian State University Publ., t. 5, 2010, pp. 80–86. (In Russ.)
- Knyrevich S. Magily belarusav u Chekhii i Slavakii. Praha, Osvětový spolek Skaryna Publ., 2020, 269 p. (In Bel.)
- Kobrin M. V. Fal'shivaya istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny: vzglyad iz Belarusi. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2013. № 1 (1). <https://cyberleninka.ru/article/n/falshivaya-istoriya-velikoy-otechestvennoy-voyny-vzglyad-iz-belarusi/viewer> (In Russ.)
- Kurbatov O. A. Recenziya na knigu: Saganovich G. *Nevyadomaya vajna 1654–1667*. Minsk, 1995. *Arhiv russkoj istorii*. Moscow, 2002, pp. 339–344. (In Russ.)
- Saganovich G. *Nevyadomaya vajna 1654–1667*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1995, 144 p. (In Bel.)
- Shybeka Z. *Narys gistoryi Belarusi (1795–2002)*. Minsk, Encyklopedyyskaya Publ., 2003, 490 p. (In Bel.)
- Белоруская эмиграция в межвоенном Чехословацком государстве: исследование и документы: социополитический аспект. Praha, Charles University in Prague, Karolinum Press, 2017, 288 p. (In Czech.)
- Hlaváček P., Kotau P. *Bělorusko mimo Bělorusko: Běloruští intelektuálové v meziválečném Československu*. Praha, Univerzita Karlova Publ., 2016, 146 p. (In Czech.)
- Marková A. *Šliach da savietskaj nacyji. Palityka bie-larusizacyji, 1924–1929*. Minsk, BHA Publ., 2016, 324 p. (In Bel.)
- Marková A., Sahanovič H., Šybieka Z. *Dějiny Běloruska*. Praha, Lidové noviny Publ., 2021, 304 p. (In Czech.)
- Pražáková K. *Obraz Polsko-litevského státu a Ruska ve zpravodajství české šlechty (1450–1618)*. České Budějovice, Nová tiskárna Pelhřimov Publ., 2015, 326 p. (In Czech.)

Информация об авторе:

Егорова Ксения Борисовна,
кандидат филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-4050-6888
E-mail: xenia.egorova@gmail.com

Information about the author:

Egorova Ksenia B.,
Ph D. (Philology),
Associate Professor,
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-4050-6888
E-mail: xenia.egorova@gmail.com

Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных

© 2023 г. А.Р. Лагно

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lagnoanna@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Лагно А.Р.* Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 130–139. DOI: 10.31857/S0869544X0024741-8

Borders and Spaces in the History of Eastern Europe: From the Fixed to the Phantom Ones

© 2023. Anna R. Lagno

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lagnoanna@gmail.com

Reference for citation: *Lagno A. R.* Borders and Spaces in the History of Eastern Europe: From the Fixed to the Phantom Ones // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 1. P. 130–139. DOI: 10.31857/S0869544X0024741-8

25 января 2022 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол «Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных (вторая половина 1940-х – 1970-е годы)»¹. Изменение границ после Второй мировой войны создало новые условия как для развития отношений между странами Восточной Европы, так и для жизни населения пограничья. Фиксация новых границ еще не означала решения всех существовавших проблем. Утрату каких-либо территорий тем или иным государством метафорически можно сравнить с ампутацией конечности: хотя ее уже нет, но фантомные боли в ней могут ощущаться еще длительное время. Однако несмотря на то что эти фантомные границы уже давно никем не охраняются и не имеют контрольно-пропускных пунктов, тем не менее они продолжают структурировать пространство. Классическим предметом изучения фантомных границ и пространств являются различные субрегионы Восточной Европы. В докладах историков Института славяноведения РАН, прозвучавших на круглом столе, были затронуты проблемы западных и восточных границ Польши, восточной границы

¹ Программа круглого стола доступна на сайте Института славяноведения. URL: <https://inslav.ru/conference/25-yanvarya-2022-g-granicy-i-prostranstva-v-istorii-vostochnoy-evropy-ot-fiksirovannyh-do> (дата обращения: 22.03.2022).

Румынии и западной границы Словакии, венгерско-австрийские и болгаро-греческие аспекты послевоенного территориального урегулирования; освещены исторические процессы, сформировавшие пространства целого ряда как макрорегионов (Югославия), так и микрорегионов (Галиция, Тешинская Силезия, Пряшевщина, Западная Фракия).

Во вступительном слове А. Р. Лагно коротко рассказала о самом понятии «фантомные границы» и современных теоретических подходах к изучению этого феномена². Российский географ В. А. Колосов дает следующее определение: «фантомными называют границы между государствами, утратившие свои наиболее важные функции, но остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющиеся в различных формах в современной экономической, социальной и политической деятельности» [2. С. 4]. В программной статье, опубликованной в ведущем американском научном журнале «*Slavic Review*» в 2019 г., коллектив авторов уточнил понятие фантомных границ и описал его эвристический потенциал, обратив внимание на три основных аспекта. 1) Концепт фантомных границ содержательно связан с изучением опыта обычных людей, а не тех или иных регионов. Институциональные, социальные, структурные особенности рассматриваются не как навязанные «сверху», а скорее, как результат ежедневной деятельности «снизу». 2) Этот подход обращает внимание на восприятие мира населением того или иного региона, которое формируется с учетом опыта, памяти о прошлом и горизонта воображаемого будущего. 3) Повествование о прошлом и видение будущего, в свою очередь, обусловлены также и взглядом «сверху», исходящим от власти, которая определяет, среди прочего, центр и периферию, современные и отсталые регионы [5. С. 386–387].

Первую секцию «“Мерцание границ”: пограничные споры и противоречия во внешней политике стран региона» открыла Т. А. Покивайлова, рассмотрев в своем выступлении изменения восточных границ Румынии на протяжении длительного временного отрезка: с начала XIX до середины XX в. Она подчеркнула, что границы Дунайских княжеств, а затем и Румынии, которые сложились в результате русско-турецких и мировых войн, были закреплены соответствующими международными договорами, подписантами которых являлись в том числе Великие державы. В результате русско-турецкой войны 1806–1812 гг. (Бухарестский мирный договор) в состав России вошла Бессарабия, а по итогам войны 1828–1829 гг. (Адрианопольский мирный договор) – устье Дуная с островами, в том числе и остров Змеиный, расположенный в Черном море. Такая граница между Дунайскими княжествами (Молдавия и Валахия) и Российской империей просуществовала почти четверть века вплоть до Крымской войны 1853–1856 гг. Парижский мирный договор закрепил новую границу: в состав Молдавии вошли три южных уезда, в результате чего Россия лишилась доступа к водной артерии Дуная. Эта граница просуществовала чуть более двадцати лет и была вновь изменена в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой приняли участие Молдавия и Валахия, объединенные к тому времени в одно государство Румыния. Границы между Россией и Румынией, укрепленные в Берлинском трактате 1 (14) июля 1878 г., по сути совпадали с теми, которые были установлены еще в 1812 г. Эти границы оставались неизменными на протяжении сорока лет, пока в 1918 г. румынские войска не оккупировали Бессарабию, но советское правительство установленную границу считало лишь временной демаркационной линией.

В межвоенный период СССР в переговорах с Румынией неоднократно ставил вопрос о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. 26 июня 1940 г. он предъявил ноту, в которой потребовал не только возвращения Бессарабии, но и передачи СССР Северной Буковины. Этот регион никогда ранее не входил в состав ни Российской империи, ни Советского Союза, тем не менее 28 июня 1940 г. румынское правительство приняло требования СССР. С 9 сентября по 24 октября 1940 г. работала смешанная советско-румынская комиссия по определению границ, наиболее спорным являлся отрезок по реке Дунай. В основном комиссии удалось договориться о демаркации границы, однако предложение советской делегации об установлении границы по Дунаю с выходом в Черное море и передачей СССР ряда островов Дунайской дельты не было принято, и комиссия прекратила работу. В тот же день советские пограничные войска заняли острова и тем самым установили фактическую границу на Дунае.

Т. А. Покивайлова подробно рассмотрела переговоры в верхах о румынско-советской границе, которые велись после того, как Румыния в результате государственного переворота 23 августа 1944 г. вышла из войны с СССР и присоединилась к антигитлеровской коалиции. 12 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии, в четвертой статье которого устанавливалась государственная граница между СССР и Румынией по состоянию на 28 июня 1940 г. Однако окончательное решение этого вопроса было отложено до мирной конференции, которая открылась в Париже 29 июля

² См. проект *Phantomgrenzen in Ostmitteleuropa* (2011–2017). URL: <http://phantomgrenzen.eu/> (дата обращения: 22.03.2022).

1946 г. В вопросе границы с Советским Союзом Румынию в большей степени волновала принадлежность островов в устье Дуная, нежели новый участок советско-румынской границы в Закарпатье. Председатель румынской делегации Г. Тэтэреску подал 16 сентября 1946 г. в Генеральный Секретариат конференции меморандум, в котором предлагал исправить ошибки на карте, приложенной к проекту мирного договора. Вопрос об островах напрямую в меморандуме не поднимался, но явно подразумевался. США и Великобритания выступили с поддержкой румынской делегации, поставив при этом вопрос о принадлежности Румынии островов в устье Дуная. Советский представитель А.Е. Богомолов отверг эти предложения, подчеркнув, что в записке Тэтэреску ничего не говорится об островах. В преддверии подписания мирного договора Тэтэреску намеревался еще раз поднять этот вопрос, но столкнулся с категорическим отказом со стороны главы правительства Румынии П. Грозы и коммунистов. Со своей стороны Гроза попросил коммуниста Э. Боднэраша поставить перед советским правительством вопрос о компенсации, имея в виду некоторые исправления советско-румынской границы после подписания мирного договора. При этом он сослался на свой разговор с И.В. Сталиным, который состоялся в сентябре 1945 г. во время посещения Москвы румынской правительственной делегацией. В этом разговоре Сталин якобы обещал ему произвести некоторые корректировки советско-румынской границы. Докладчица подчеркнула, что ни подтвердить, ни опровергнуть заявление Грозы, к сожалению, пока что не представляется возможным, так как исследователи не располагают информацией о содержании беседы.

В итоге в мирном договоре с Румынией, который был подписан 10 февраля 1947 г., констатировалось, что границы между Румынией и Советским Союзом фиксируются в том виде, как они были установлены на 1 января 1941 г. Таким образом, острова в дельте Дуная и остров Змеинный, расположенный в Черном море, оставались за СССР.

Выступление *Е.Б. Лопатиной* было посвящено проблеме западной границы Польши в конце Второй мировой войны. Докладчица подчеркнула, что необходимость изменения западной границы рассматривалась в Польше как в межвоенный период, так и во время Второй мировой войны. То, что польская общественность обсуждала амбициозные планы расширения польской территории в западном направлении, косвенно подтверждают литературные произведения 1930-х годов: очерк «Земля собирает пепел» Ю. Киселевского и роман С. Жеромского «Ветер с моря». В первом произведении автор описывает свои поездки по Германии в 1937 г. и в июле 1938 г., он знакомит польского читателя с положением славян в Померании и Мекленбурге. Роман Жеромского повествует об исторических эпизодах освоения поляками побережья Балтики. Оба автора подводили читателей к выводу, что западная граница Польши 1930-х годов представляла угрозу для безопасности государства. Во время Второй мировой войны реальную власть и возможность изменить польскую границу на западе имели две политические группы. Первая была представлена польским правительством в Лондоне и связанными с ним организациями в самой Польше, которые стремились не только расширить западные границы, но и сохранить земли на Востоке. Иную точку зрения представляли политические организации левой ориентации как в Польше, так и на территории СССР, которые выступали за трансформацию Польши в мононациональное государство за счет перенесения границ на запад и отказа от тех территорий на востоке, где проживали украинцы, белорусы и другие национальные меньшинства.

Польское правительство в эмиграции сформулировало свою позицию по западным границам к 1942 г. Концептуально идея западной границы основывалась на трех постулатах – «прозрачность» (легкость осуществления контроля за перемещением населения и товаров в мирное время и возможность закрытия границы во время войны), «лаконичность» (небольшая протяженность на открытых участках), «защищенность» (невозможность быстрого пересечения границы). Премьер-министр В. Сикорский заявил о необходимости вернуть в состав Польши Восточную Пруссию, Верхнюю Силезию и часть Поморья, но при этом Львов должен был остаться в составе Польши. Позиция левых сил в концентрированном виде была представлена в 1943 г. в Программе Союза польских патриотов: приращение территорий на западе страны должно было повлечь за собой депортацию или репатриацию населения, проживавшего на этих землях. Левые силы отвергали теорию «двух врагов» и не настаивали на сохранении территорий на востоке, в том числе Львова, как бы драматично это ни было воспринято польской общественностью.

Решение по западной границе Польши было принято на Потсдамской конференции летом 1945 г. и стало результатом усилий как лондонского правительства, так и левых сил. Однако безоговорочное выполнение программы эмигрантского правительства было заведомо нереалистичным, поскольку при этом не учитывался внешнеполитический фактор в лице СССР, а также позиции Англии и США. Именно отказ от притязаний на восточные кресла, содержащийся в программе

польских коммунистов, дал возможность польской стороне провести западную границу по рекам Одер и Нейсе.

А.Ф. Носкова продолжила польскую тематику, рассмотрев проблему восточной границы. Она отметила, что с осени 1939 г. англичане напоминали полякам, что это они в 1920 г. предложили «линию Керзона» с тем чтобы, увеличив Польшу за счет Германии, отделить земли, населенные преимущественно украинцами и белорусами и тем самым урегулировать отношения с Советским Союзом. Польша настаивала на *restitutio in integrum* и состоянии войны с СССР, ее союзники — Англия и Франция избрали нейтралитет. После 22 июня 1941 г. Черчилль и Сталин были, по разным геополитическим причинам заинтересованы в восстановлении контактов Польши с Россией, но оба молчали о гарантиях границы 1921 г. В декабре 1941 г. польский премьер Сикорский не поддерживал Сталина по вопросу о компенсации восточных кресов Польши за счет западных земель Германии, Черчилль же такой вариант не отверг. Для Сталина открылась возможность переложить на Великобританию принуждение союзницы к отказу от границы 1921 г. Ситуация, сложившаяся на тот момент, позволяла Польше избежать своего отказа от кресов и тем самым сохранить поддержку правительства польским обществом. Весной 1943 г. стало очевидным единство союзников с Москвой в решении территориального вопроса в пользу СССР и за счет Германии. Для Москвы, Лондона и Вашингтона, объединившихся с целью разгрома Германии, претензии Польши по восточной границе, в отличие от самой Польши, становились вторичным интересом.

Докладчица подчеркнула, что правительство Польши и командование военно-политического подполья рассчитывали на территориальные приобретения на востоке и на западе Европы после войны, о чем свидетельствует документ «Польские территориальные цели войны с точки зрения оборонспособности государства» [З. Док. № 222. С. 420–428]. Авторы — командование Армии Крайовой (АК) — утверждали, что оборонспособность страны связана с размером территории, численностью, этническим составом народонаселения, экономическими возможностями и наличием плацдармов на своей территории. Вопрос о восточной границе зависел от состояния России в конечной фазе войны. Авторы документа считали, что если она будет сильна и консолидирована, то на востоке надо будет сохранить границы 1921 г. с включением Литвы в состав Польши, а также присоединением к Литве «как минимум части Курляндии». Эти меры оценивались как временная отсрочка «неотвратимого польско-русского конфликта», который будет угрожать Польше до тех пор, пока Россия не лишится своих «империалистических тенденций». В том же случае, если Россия будет ослаблена и разобщена, представляется возможность сохранить независимость Латвии и Эстонии, отторгнуть от России Белоруссию и Украину, а также добиться их военного и политического соединения с Польшей. Документ был отправлен в правительство осенью 1943 г., а к С. Миколайчику поступил 10 января 1944 г. К этому времени «Большая тройка» в Тегеране уже решила польский вопрос, Красная армия пересекла довоенную границу, а в польском подполье действовали иные, близкие СССР, претенденты на власть, когда была ясна невозможность АК ни противостоять Красной армии, ни сотрудничать с ней, что произошло весной на Волыни. В этих условиях оставался лишь политико-дипломатический канал борьбы за восточную границу.

Попытка Миколайчика разыграть на внешней арене политический спор с СССР в первые месяцы 1944 г. натолкнулась на твердую позицию соседа и слабую поддержку союзников, а после призыва Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в Люблин ситуация правительства в Лондоне изменилась. Черчилль, игравший свою партию за английское влияние в Польше, усиленно хлопотал о прямых переговорах со Сталиным и ПКНО. Сталин пошел навстречу просьбам из Лондона о приеме Черчилля и Миколайчика. Польский премьер получил шанс на компромисс, ибо был нужен Сталину в любой из его разных ипостасей: 1) как премьер в Лондоне (ради восстановления отношений при условии признания границы 1941 г.); 2) как премьер коалиционного правительства в Люблине (ради сохранения и укрепления «нужных» людей во власти); 3) как лидер крупнейшей крестьянской партии, способной обеспечить массовую базу новой власти. В обмен на польское согласие передвинуть границу 1921 г. Сталин допускал любой из перечисленных вариантов, но более желательным была коалиция Миколайчика с польскими коммунистами. Участие союзников в этом процессе также было необходимо, поэтому он пошел навстречу просьбам Черчилля. Предметом бесед в Москве в августе и октябре 1944 г. была именно восточная граница. Главная задача Черчилля — уговорить поляка признать границы 1941 г. и прибыть в Польшу не была решена. Черчилль, пользуясь далеко не дипломатическими приемами, добился от Миколайчика лишь проявления неопределенности: польский лидер не обещал ни согласия на эту границу, ни участия во власти. А.Ф. Носкова предположила, что Миколайчик скорее склонялся к тому, чтобы вернуться в Польшу и возглавить там коалицию с коммунистами. Однако в Лондоне он оказался без поддержки кабинета, под угрозой отставки и превосходившим все нормы приличия давлением

Черчилля, не оказал ему поддержки и Рузвельт. Премьер подал в отставку. Граница была де-факто признана союзниками в Ялте (февраль 1945 г.), что не решало проблему массовой базы новой власти. Авторитет Миклоайчика в Польше оставался высоким, он все еще был нужен Сталину. Весной 1945 г. бывший премьер, вновь под влиянием Черчилля, публично признал границу 1941 г. и летом возвратился в Польшу. Он получил пост вице-премьера и министра, чем посодействовал международному признанию правительства национального единства, утверждению границы в Потсдаме и устранению правительства в эмиграции в 1945 г. Поучаствовав в январе 1947 г. в легитимизации власти (выборы), осенью Миклоайчик выехал в эмиграцию, тогда же граница была несколько уточнена в пользу Польши.

Таким образом, «лондонское правительство», говоря о восточной границе 1921 г., отстаивало не болота на Припяти, а возвращение к власти той элиты, которая в войне против «Советов» вместе с тысячами поляков победила Россию в 1920-м, получила границу в 1921-м, заселила кресы и тем самым обеспечила себе национальное доверие польского большинства в межвоенное и военное время. Сохранение или утрата этой границы виделась условием сохранения или утраты доверия и власти в стране после войны.

Секцию завершило выступление А.С. Стыкалина, посвященное австрийско-венгерской границе в межвоенный и послевоенный периоды, изменению ее функций и вкладывавшегося в нее символического содержания. По Трианонскому договору 1920 г. Венгрия была вынуждена уступить территории не только Румынии, Чехословакии и Королевству сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии), но и Австрии. Последней отошла вытянутая с севера на юг узкая полоса на крайнем западе исторической Венгрии, составившая потом одну из австрийских федеральных земель — Бургенланд. Преобладающую часть населения там составляли немцы, однако державы-победительницы руководствовались не столько этническим принципом, сколько прагматическими соображениями, что Вене нужен восточный тыл, иначе она оказалась бы пограничным городом. При этом в наиболее крупном городе — Шопроне решено было провести референдум относительно его будущей государственной принадлежности, и составлявшие большинство населения города немцы, как и венгры, высказались за то, чтобы город остался в составе Венгрии. А.С. Стыкалин подчеркнул, что в этом случае историческое сознание перевесило этническое: шопронские немцы привыкли считать себя именно венгерскими немцами и проявили верность своим государственным традициям.

В межвоенный период австрийско-венгерские отношения были корректными, а граница спокойной, хотя при более либеральном до конца 1920-х годов режиме в Австрии Вена, к неудовольствию будапештских властей, долгое время выступала пристанищем для противников режима Хорти, в том числе революционеров, бежавших после подавления венгерской коммунистической диктатуры 1919 г. После прихода Гитлера к власти в Германии хортисты пытались активизировать контакты с Австрией в расчете на то, что внешнеполитическая комбинация с участием Италии, Польши и Австрии сможет стать в некоторой степени противовесом все возрастающему диктату Третьего рейха. С аншлюсом Австрии в марте 1938 г. сложилась новая ситуация: нацистская Германия стала соседом Венгрии и у нее появилось больше возможностей для прямого шантажа. В условиях начавшейся Второй мировой войны правительство графа П. Телеки поначалу пыталось балансировать между Германией и западными демократическими державами, но все же вынуждено было уступить диктату Берлина, подключившись в апреле 1941 г. к антиюгославской кампании, причем сам Телеки, не способный воспротивиться германскому шантажу, застрелился.

После Второй мировой войны, с установлением к 1948 г. «железного занавеса», венгерско-австрийская граница стала границей «двух миров». Войска четырех держав-победительниц только в 1955 г. покинули Австрию, причем вывод советских войск привел к увеличению их контингента в соседней Венгрии, что стало там источником дополнительной внутренней напряженности. Осенью 1956 г., в ходе событий, ставших для Австрии пробным камнем законодательно закрепленного нейтралитета, венские власти своими действиями никак не хотели давать поводов для обвинений во вмешательстве во внутренние венгерские дела, хотя такого рода безосновательные обвинения звучали в пропаганде СССР и всего советского блока. Эффективные действия Вены (при содействии структур ООН) по временному приему в ноябре — декабре 1956 г. венгерских беженцев в условиях массового исхода (около 200 тыс. человек) и обеспечению их переселения в другие страны повысили авторитет Австрийской республики на международной арене.

Начиная уже с апрельского 1957 г. визита А.И. Микояна, намечается позитивная динамика в развитии советско-австрийских, а параллельно и венгерско-австрийских отношений. Со временем меняется и сам образ австрийско-венгерской границы в официальном венгерском дискурсе и пропаганде: из символа «железного занавеса», границы «двух миров», через которую засылают шпионов и диверсантов, она превращается в символ мирного сосуществования двух систем. С середины 1960-х снимается

и большая часть пограничных заграждений. Довольно ровными и прагматичными были и личные отношения Я. Кадара с австрийским канцлером (с 1970 г.) социал-демократом Б. Крайским. В начале 1980-х годов между странами устанавливается безвизовый режим — Венгрия стала первой страной Организации Варшавского Договора, пошедшей на такой шаг в отношениях с некоммунистическим государством. Символом стирания границы «двух миров» и сближения двух стран стал «Панъевропейский пикник» 19 августа 1989 г. Приехавшие в более «либеральную» Венгрию в качестве туристов граждане ГДР массово устремились на Запад через венгерско-австрийскую границу, поскольку это был самый безопасный путь покинуть «мир социализма».

Подытоживая свое выступление, А.С. Стыкалин отметил, что после вступления посткоммунистической Венгрии в ЕС граница «двух миров» растворилась в общеевропейском пространстве. Однако границы имеют свойство снова появляться с возникновением новых, ранее непредвиденных обстоятельств — будь то наплыв беженцев с Ближнего Востока или пандемия COVID-19.

Вторая секция «Центральная Европа и Балканы как пространство межблокового противостояния и взаимодействия» открылась выступлением *Т.В. Волокитиной*, которое было посвящено проблеме мирного урегулирования в одной из конфликтных зон балканского региона — Западной Фракии. Эта небольшая территория, расположенная на северном побережье Эгейского моря, являлась объектом взаимных притязаний Турции, Греции и Болгарии.

Болгаро-греческие территориальные споры имеют длительную историю, но особую остроту они приобрели в годы Второй мировой войны, когда Болгария и Греция оказались на разных флангах мирового противостояния. Это обстоятельство сыграло важную роль в определении послевоенной судьбы каждой из стран и исходе спора за Западную Фракию. Болгария, выступившая на стороне фашистской Германии и оккупировавшая часть греческой и югославской территорий, на исходе войны стремилась сбросить с себя клеймо страны-сателлита и обрести статус «совоюющей», чему резко противилась Греция — участница Антигитлеровской коалиции. В расчете на поддержку союзников, прежде всего Великобритании, греческая сторона сформулировала свои требования не только на возвращение Западной Фракии и части Восточной Македонии, но и на «стратегическое исправление» болгаро-греческой границы, означавшее перенос ее к северу и отъем у Болгарии примерно одной десятой части территории. Обоснованием служили исторический прецедент — немотивированная агрессия против Греции в 1913, 1916, 1940 и 1941 гг. и намерение обезопасить страну от «славяно-коммунистической угрозы». Лондон поддерживал требования греков, советская же сторона оказалась в сложном положении. Естественная ранее позиция Москвы — «наказать» болгар за участие в Тройственном пакте изменилась, после того как Болгария в результате известного «процентного соглашения» оказалась в сфере интересов Советского Союза. Исход территориальных споров обуславливался «большой политикой» — геополитическими расчетами главных акторов международной жизни.

Изнурительные дискуссии на Парижской мирной конференции 1946 г. не решили спорных вопросов. Они рассматривались на сессии Совета министров иностранных дел в Нью-Йорке в ноябре-декабре 1946 г. Греческая и болгарская стороны в очередной раз в специальных меморандумах обосновали свои позиции, однако взаимные претензии вновь были отклонены. Мирный договор с Болгарией от 10 февраля 1947 г. определил границы страны «такими, как они существовали на 1 января 1941 года», т.е. до присоединения Болгарии к Тройственному пакту, но добиться через греческую территорию выхода в Эгейское море Болгарии не удалось. Много позднее, в начале ноября 1978 г., в одной из бесед с В.М. Молотовым поэт и писатель Ф. Чуев (1941–1999) спросил о причинах, по которым не удалось передать Болгарии Западную Фракию. Молотов ответил, что тогда это было невозможно, хотя и желательно. Эта оценка, по мнению Волокитиной, отразила тот факт, что советская сторона, соблюдая договоренности с западными союзниками, действовала на пределе возможного и что территориальные вопросы рассматривались под углом зрения геостратегии, отнесенная этнические, исторические, экономические и прочие доводы и, уж тем более, апелляции к восстановлению «справедливости».

Доклад *Б.С. Новосельцева* касался внешнеполитического курса Югославии в 1950–1960-е годы, который в публицистической и научной литературе нередко назывался «бегством из Европы». Как правило, авторы использовали это определение, стремясь подчеркнуть свое сожаление от ошибочной, на их взгляд, политики руководства страны, отдававшей приоритет сотрудничеству со странами «третьего мира» в рамках политики неприсоединения в ущерб развитию отношений с развитыми западноевропейскими государствами. Сторонники же неприсоединения обосновывали целесообразность такого курса прежде всего политическими причинами — возможностью более эффективно лавировать между сверхдержавами. При этом Югославия получала преимущества от торгового, экономического и научного сотрудничества с ними. Уже в 1950-е годы значительный долг ФНРЮ

западным странам не мог быть полностью оплачен за счет экспорта югославской продукции. Стремясь стать одним из лидеров внеблоковых стран, подавляющее большинство которых относилось к так называемому третьему миру, Югославия периодически мимикрировала под развивающуюся, практически колониальную страну. Это играло важную роль в изменении пространственных и политических контуров сопротивления колониальных стран.

Б.С. Новосельцев предложил при описании Югославии как своего рода «серой зоны» в Европе, которая не относится ни к глобальному Западу, ни к Востоку, но, по задумке руководства страны, тяготеет к глобальному Югу, использовать термин *лиминальное пространство* (от лат. *limen* – порог). Это понятие было введено этнологами Арнольдом ван Геннепом [1] и Виктором Тернером [4]. Они изучали традиционные общества и ритуалы перехода их членов в новые для себя социальные категории. Со временем термин получил широкое распространение и теперь трактуется филологами, социологами, философами, урбанистами и другими расширительно как некое пороговое, переходное состояние или пространство в принципе. Такая оптика позволяет описать политическое пространство и внешнеполитический курс Югославии как систему в процессе изменения ее важнейших идентификационных свойств: социалистическую страну, переставшую быть частью советского блока; европейское государство, оказавшееся во главе движения стран «третьего мира». Лиминальность позиции Югославии давала ее дипломатам возможность эффективно лавировать между реалиями «холодной войны», выстраивать диалог со всеми партнерами с позиции «своих», одновременно развивать сотрудничество с ними и претендовать на роль посредника. Таким образом, Югославия пыталась добиться такой роли и политического влияния в мире, которые были несопоставимы с ее размерами, уровнем экономического развития или военным потенциалом.

Н.С. Пилько рассказала о состоянии словенской западной границы после Второй мировой войны. Проблема южнословенских земель и вопрос словенского меньшинства в Италии возник сразу же после Первой мировой войны. После заключенного 3 ноября 1918 г. перемирия между Австро-Венгрией и Антантой Италии было позволено занять австро-венгерские земли, которые именовались Юлийской Крайной, до линии, установленной тайным Лондонским договором. Переговоры продолжились и завершились подписанием Раппальского договора в ноябре 1920 г. К Италии, помимо Горицы, Триеста, Истры с островами, отошли земли Внутренней Крайны, а на севере по Сен-Жерменскому договору (10 сентября 1919 г.) – Каналска долина с г. Трбиж. На этих территориях проживало 360 тыс. словенцев и 160 тыс. хорватов. Раппальский договор практически не предусматривал защиты их прав в Италии, зато в нем содержалась седьмая глава, которая защищала права итальянцев Далмации.

Вторую мировую войну Югославия завершила в стане победителей. Вопрос о разделе Юлийской Крайны стоял довольно остро. 9 июня 1945 г. в Белграде было подписано соглашение между Югославией, с одной стороны, и США и Великобританией – с другой. Юлийская Крайна была разделена на зону «А» и зону «Б», границей между которыми стала так называемая линия Моргана. До мирной конференции зоной «А» управляли англо-американские представители, зоной «Б» – югославские вооруженные силы. В результате компромисса Триест и прилегающие к нему территории должны были стать так называемой свободной территорией Триест, находящейся под контролем ООН. По мирному договору с Италией от 15 февраля 1947 г. (вступил в силу 15 сентября 1947 г.) Югославия получила острова на Адриатике, Задар, большую часть Истры и Приморье. Триест получил статус свободной порта. «Свободная территория Триест» должна была быть демилитаризована и объявлена нейтральной. Словения получила почти всю этническую территорию, но осталась без выхода к морю. Триестский вопрос был решен 5 октября 1954 г. в Лондоне подписанием Меморандума о согласии, по которому устанавливалась новая граница между Италией и Югославией, которая сейчас является словенско-итальянской границей. Югославии перешла зона «Б» и небольшая часть зоны «А». Окончательно эта граница была подтверждена Озимскими соглашениями 1975 г. К Словении отошел г. Копер, и она получила выход к морю.

В приграничных регионах Италии как после Второй мировой войны, так и в настоящее время проживает значительное число словенцев. В районе Триеста, согласно переписи 1954 г., их было почти 40 тыс., а по переписи 1961 г., где в качестве главного критерия использовался употребляемый язык, – 26 тыс. По переписи 1971 г., где также основным критерием был язык, там проживало 24 тыс. словенцев. Докладчица отметила, что данные переписей, а также результаты проводившихся исследований свидетельствуют об ассимиляции словенского населения.

Таким образом, словенская территория увеличилась практически в два раза в западном направлении, помимо значительных территорий словенцы получили и выход к морю. Согласно договору с Италией 1947 г., Словения, по сравнению с Дравской бановиной (площадь 15 849 кв. км), увеличилась практически на четверть (4 406 кв. км), а в 1954 г. получила еще 263 кв. км от триестской

свободной территории. До этого столица Словении Любляна практически была приграничным городом, однако до сих пор потеря Триеста воспринимается словенцами довольно болезненно.

Третья секция «Регионы в контексте холодной войны. Повседневная жизнь людей при смене границы и власти» открылась выступлением С.М. Слоистова, которое было посвящено стабилизации положения польского национального меньшинства в Чехословакии во второй половине 1940-х годов. После распада Австро-Венгрии Тешинская Силезия являлась спорной территорией между ЧСР и Польшей. В 1919 г. часть этой территории была занята чешскими войсками и позже включена в состав Чехословакии. В результате ослабления Чехословакии после подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. западная часть Тешинской Силезии была присоединена к Польше. После освобождения этой территории Красной армией регион снова стал контролироваться чешской стороной. В 1947 г. между Чехословакией и Польшей был подписан договор о дружбе и взаимопомощи, что заложило прочные юридические основы для нормализации жизни польского национального меньшинства.

С.М. Слоистов предложил рассмотреть ситуацию в Тешинской Силезии с двух ракурсов. С одной стороны, как взаимодействие между двумя акторами – Польшей и Чехословакией, при котором регион воспринимался в большей степени как часть польского или же чешского пространства. С другой стороны, как взаимодействие между тремя игроками, где Тешинская Силезия уже выступает в качестве самостоятельного региона, т.е. исторически сложившейся территории со своей этнокультурной спецификой.

Докладчик подчеркнул, что представленный им подход позволяет структурировать факторы, влияющие на обстановку в регионе, тем самым более комплексно исследовать процессы польско-чешского взаимодействия. Рассматривая ситуацию с перспективы противоборства ЧСР и Польши, можно детализировать связи Тешинского вопроса с другими территориальными проблемами Чехословакии: выселение немцев, положение словацких венгров, передача СССР Подкарпатской Руси, претензии Чехословакии на приграничные районы Силезии, которые ранее контролировала Германия. Если же анализировать обстановку, учитывая культурный код региона, то можно более глубоко понять электоральные предпочтения жителей Тешинской Силезии и обусловленный этим успех КПЧ среди ее населения на выборах 1946 г.

А.Р. Лагно посвятила выступление сравнению повседневного пространства жизни двух сел польско-украинского пограничья. Она отметила, что на протяжении XX в. села Лазы и Лозовая несколько раз меняли свою административную и государственную принадлежность. Сегодня они находятся в соседних государствах: первое – в Подкарпатском воеводстве Польши, а второе – в Тернопольской области Украины. Во времена Второй Польской Республики эти села были в одном государстве, но в соседних воеводствах: Львовском и Тернопольском, а до Первой мировой войны – на территории австро-венгерской провинции Королевство Галиции и Лодомерии. Через биографии жителей этих сел – М. Лозовского (1922 г.р., с. Лазы) и Я. Канаса (1920 г.р., с. Лозовая) Лагно описала события двух мировых войн, передвижение границ и миграции населения. Она отметила, что уроженец села Лазы (которое ныне находится на территории Польши) считал себя украинцем и написал книгу о своем селе на украинском языке, а уроженец Лозовой (села в составе Украины), идентифицировал себя как поляк и книгу свою написал по-польски. Оба автора после войны на свою малую родину не вернулись.

И Лазы, и Лозовая во времена Первой мировой войны находились на линии фронта, в обоих селах были расквартированы войска, а военнообязанные мужчины призваны в австрийскую армию. Поскольку авторы книг родились уже после окончания войны, жизнь сел в тот период описана на основании рассказов старших односельчан, и повествование зачастую имеет анекдотический характер. Вторая мировая война изображена Лозовским и Канасом уже совсем в других красках. Оба автора пишут о мобилизации односельчан 2 и 3 сентября 1939 г., о вступлении Красной армии, о серьезных изменениях, которые произошли после этого, о репрессиях, о том как их села 22 июня 1941 г. были заняты немцами, а в 1944 – снова Красной армией. Оба автора и Германию, и Советский Союз называют «оккупантами» и описывают насколько сильно ухудшились за время войны отношения между поляками и украинцами. В обоих селах практически полностью поменялся состав населения. Еще до завершения войны и до заключения договора о границе между Польшей и СССР – 9 сентября 1944 г. – было заключено соглашение об обмене населением между ПКО и УССР. Украинское население из Польши должно было переехать в «свою» республику – УССР, а поляков активно поощряли переселяться с тех территорий, которые более не принадлежали польскому государству. Жители Лазы и Лозовой добровольно покидать свои дома не хотели, однако были вынуждены подчиниться обстоятельствам.

Подытоживая, А.Р. Лагно отметила, что авторы – Лозовский и Канас, несмотря на все перипетии, смогли реализовать, получить образование, сравнительно хорошо обустроить свою жизнь,

обеспечить себе достойную старость и заниматься на пенсии написанием книг. Их желание увековечить историю своих родных сел было продиктовано кардинальными изменениями, которые их постигли, изменениями, сопровождавшимися зачастую весьма трагическими событиями. В целом попытка взглянуть на прошлое глазами «маленького человека», анализ способов поведения, привычек, семейных и общественных традиций, которые передаются из поколения в поколение, позволяют продемонстрировать сходства и различия в описании себя и «других».

Круглый стол завершило выступление М.Ю. Дронова, которое было посвящено истории Пряшевщины с XIX по XXI в. Докладчик отметил, что в настоящее время под понятием *Пряшевщина* понимаются русинские (или, по мнению некоторых, украинские) этнические территории в Словакии, при этом Дронов обратил внимание, что Пряшевщина не идентична Прешовскому краю Словацкой Республики, а ее рубежи (особенно на западе и юге) остаются предметом дискуссий.

Докладчик отметил, что первый исторический прецедент выделения западных русинских этнических территорий в границах будущей Словакии можно усмотреть в образовании Прешовской греко-католической епархии в 1815–1821 гг. Примечательно, что сам г. Прешов (русс. устар. *Пряшев*, венг. *Эпереш*, нем. *Прешау*) располагался на словацкой этноязыковой территории, а значительную часть горожан составляли немцы и венгры. Однако с основанием здесь епархиального центра, появлением различных греко-католических институций русины постепенно пополнили сложную этнокультурную мозаику Прешова и ближайших окрестностей.

После Первой мировой войны по Сен-Жерменскому (1919 г.) и Трианонскому (1920 г.) мирным договорам большая часть русинских этнических территорий, входивших до этого в Венгерское королевство, стала частью новообразованной Чехословакии, где эти земли были разделены между двумя административными единицами государства: Подкарпатской Русью и Словакией. Основу русинских земель, оказавшихся в Словакии, составила Прешовская епархия (без ее южной части, отошедшей Венгрии), при этом в словацких границах оказалась и западная оконечность Мукачевской епархии. Хотя русинские активисты добивались вхождения всех районов расселения русинов в Подкарпатскую Русь, в 1928 г. изначально временные административные границы были окончательно закреплены. За русинскими землями в Словакии в этот период постепенно утвердилось название *Пряшевщина*. Концепция Пряшевщины как региона изначально подвергалась критике со стороны словацких деятелей; особенное неприятие отмечалось в период Словацкой Республики (1939–1945 гг.).

После освобождения Прешова 1 марта 1945 г. здесь состоялся съезд, на котором была создана Украинская народная рада Пряшевщины (УНРП). Право рады представлять русинское население признавалось Словацким национальным советом. Использование в названии УНРП слова *украинская* было обусловлено приближением к советской национальной политике, в соответствии с которой признавалось существование трех восточнославянских народов: русских, украинцев и белорусов, при этом организация состояла преимущественно из сторонников «общерусской» идеи. Печатным органом УНРП стала газета «Пряшевщина» (выходила в 1945–1951 гг. на русском и украинском языках). После февраля 1948 г. УНРП стала нежелательной для нового режима и через несколько лет была ликвидирована. В 1950-х годах началась активная административная украинизация русинского населения. Руси́ны были официально объявлены украинцами, литературным языком нацменьшинства стал украинский. Вместо УНРП был создан Культурный союз украинских трудящихся. Место газеты «Пряшевщина» занял еженедельник «*Нове життя*» («Новая жизнь»). Однако несмотря на исчезновение термина *Пряшевщина* из официальных названий, он отнюдь не перестал использоваться местными национальными активистами, в том числе на страницах украинизированной национальной печати. Таким образом, термин сохранился для «внутреннего» употребления. Пришедшее в регион на волне общественно-политических изменений конца 1980-х – начала 1990-х годов карпаторусинское национальное движение, декларирующее этноязыковую самостоятельность русинов в славянском мире, продолжило рассматривать северо-восток Словакии как *Пряшевщину* и даже *Пряшевскую Русь*.

Завершая свое выступление, М.Ю. Дронов констатировал, что прообраз региона зародился в начале XIX столетия вместе с созданием самостоятельной Прешовской епархии. Окончательно концепция вместе с названием *Пряшевщина* сформировалась уже в период межвоенной Чехословакии, когда самые западные русинские этнические территории навсегда оказались в административных границах Словакии. В 1945 г. на несколько лет Пряшевщина начала приобретать политическую субъектность и, как следствие, более четкие территориальные очертания, однако вследствие внутривосточнославянской конъюнктуры региону так и суждено было остаться исключительно «воображаемой» этнокультурной областью.

* * *

Подводя итоги круглого стола, А.Р. Лагно отметила, что заслушанные доклады и их обсуждение подтвердили научную значимость и актуальность проблемы границ. Выступавшие сосредоточили свое внимание в основном на вопросах территориального разграничения в Восточной Европе после Второй мировой войны, однако доклады выходили за указанные временные рамки, охватывая более ранние периоды, что способствовало восстановлению картины исторического прошлого. В общественных представлениях государственные территории нередко сохраняют уже несуществующую конфигурацию, ментальные границы не совпадают с реальными, а последние подчас вызывают ностальгию по старым фантомным рубежам, по былому (действительному или мнимому) величию находившихся в их пределах государств. А.Р. Лагно подчеркнула, что конструирование некой формы виртуального ограждения путем включения (или исключения) стран, регионов, этнических групп, людей в различные пространства, будь то «мир социализма», «мир капитализма», «третий мир» или более узкие локальные «миры», укрепляет и воспроизводит территориальную и политическую идентичность населения. Изучение указанных проблем, объединенных в рамках научного направления «Титульные нации, нацменьшинства, территории, границы» остается в актуальной повестке дня научно-исследовательской работы Института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
2. Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 5. С. 4–11.
3. Советский Союз и польское военно-политическое подполье апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. Т. 1. Ч. 1 / под ред. А.Н. Артизова. М.: МФД, 2018. 864 с.
4. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
5. Hirschhausen B., von, Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantom Borders in Eastern Europe: A New Concept for Regional Research // Slavic Review. 2019. No. 2 (78). P. 368–389.

REFERENCES

- Gennep A., van. *Obriady perekhoda: sistematicheskoe izuchenije obriadov*. Moscow, Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN Publ., 1999, 198 p. (In Russ.)
- Hirschhausen B., von, Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantom Borders in Eastern Europe: A New Concept for Regional Research. *Slavic Review*, 2019, no. 2 (78), pp. 368–389.
- KolosoV V.A. Fantomnye granitsy kak fenomen v politicheskoi geografii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiia*, 2017, no. 5, pp. 4–11. (In Russ.)
- Sovetskii Soiuz i pol'skoje vojenno-politicheskoe podpol'je april' 1943 g. — dekabr' 1945 g., t. 1, ch. 1*, pod red. A.N. Artizova. Moscow, MFD Publ., 2018, 864 p. (In Russ.)
- Terner V. *Simvol i ritual*. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva Nauka Publ., 1983, 277 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Лагно Анна Романовна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0001-6914-2312
E-mail: LagnoAnna@gmail.com

Information about the author:

Lagno Anna R.,
PhD (History), senior research fellow,
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6914-2312
E-mail: LagnoAnna@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 1, с. 140–146

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 140–146

DOI: 10.31857/S0869544X0024743-0

Оригинальная статья / Original Article

К 75-летию создания Института славяноведения.
XII Никитинские чтения
«Историческое славяноведение и балканистика»

© 2023 г. С.И. Данченко, М.М. Фролова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

cvetlanaivanovna806@gmail.com, marinafrolova59@mail.ru

Ссылка для цитирования: Данченко С.И., Фролова М.М. XII Никитинские чтения «Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию создания Института славяноведения» // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 140–146. DOI: 10.31857/S0869544X0024743-0

75 Years from the Foundation of the Institute of Slavic Studies.
XII Nikitin's Conference «Historical Slavic and Balkan Studies»

© 2023. Svetlana I. Danchenko, Marina M. Frolova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

cvetlanaivanovna806@gmail.com, marinafrolova59@mail.ru

Reference for citation: Danchenko S. I., Frolova Marina M. 75 Years from the Foundation of the Institute of Slavic Studies. XII Nikitin's Conference «Historical Slavic and Balkan Studies» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 1. P. 140–146. DOI: 10.31857/S0869544X0024743-0

В начале 2022 г. Институт славяноведения РАН торжественно отметил свое 75-летие. К серии мероприятий, посвященных этой важной в жизни Института дате, относится и научная конференция «Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию создания Института славяноведения», проведенная 17–18 мая в рамках XII Никитинских чтений. Участникам конференции предлагалось рассмотреть комплекс следующих проблем: основные направления исторических исследований Института славяноведения (1946–2022 гг.), сотрудничество Института с зарубежными Академиями наук, вклад отечественных ученых в становление и развитие славяноведения и балканистики в XIX–XXI вв., воспоминания о сотрудниках, представителях старшего поколения, Институт славяноведения РАН перед новыми «вызовами».

С приветственным словом выступила С.И. Данченко, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, более 50 лет плодотворно работающая в Институте. Она вспомнила первый юбилей Института, в котором ей посчастливилось участвовать, — его 25-летие, а также многих выдающихся ученых старшего поколения.

Директор Института К.В. Никифоров представил доклад «Три четверти века Институту славяноведения РАН». В рамках Академии наук СССР Институт славяноведения первоначально возник

в Ленинграде в 1931 г., но его ждала печальная судьба — он был ликвидирован в 1934 г. в связи с так называемым делом славистов, по которому были арестованы многие его сотрудники. После Великой Отечественной войны в Москве, куда переехала Академия наук, Институт славяноведения создавался заново, новыми людьми, в том числе бывшими фронтовиками. Его 75-летию историю, по мнению автора, условно можно разделить на четыре периода, приблизительно по 20 лет. Каждый из этих периодов имел свои особенности. В настоящее время протекает четвертый период, и хотя оценки ему пока давать рано, нужно отметить, что в Институте произошла смена поколений, сюда пришло много молодежи, а также заметно увеличилось количество печатной продукции. Несмотря на все сложности, можно смело констатировать, что за семь с половиной десятилетий существования московского Института славяноведения славистика превратилась в одно из мощных гуманитарных направлений. Выросли несколько поколений славистов, которые своими трудами построили и продолжают строить фундаментальное здание отечественной славистики.

В докладе *М.М. Фроловой* (ИСл РАН) «К вопросу о роли научного сообщества и путешествий для творчества историка: на примере жизни и деятельности А.Д. Черткова (1789–1858)» была раскрыта значимость его зарубежных путешествий для научного творчества. Результатом посещения Ватиканской библиотеки явились труды по средневековой Болгарии; изучение в Италии культуры этрусков, в которых Чертков видел предков славян, вылилось в серию книг по истории этого загадочного народа. Вся научная жизнь ученого была тесно связана с Обществом истории и древностей российских (ОИДР): на его заседаниях он впервые высказывал свои идеи, которые появлялись во время путешествий. Здесь он получал нужные для научного вдохновения и творчества одобрение и поддержку коллег, а также своевременную помощь. Н.М. Карамзин не верил в эффективность коллективного труда ученых, но практика ОИДР в 30–50-е годы XIX в. оправдала эту форму объединения историков: она создавала новые сферы научного сотрудничества, способствовала интенсификации обмена научной информацией, развитию научной конструктивной критики со стороны коллег. Деятельность ОИДР, нацеленная на повышение престижа и развитие отечественной исторической науки, способствовала формированию сообщества людей, увлеченных идеями познания и национального служения, — «ученого содружества».

К.В. Мельчакова (ИСл РАН) представила доклад на тему «Закулисье работы слависта. Как А.Ф. Гильфердинг собирал сведения о Боснии». Речь шла о коротком и единственном опыте дипломатической работы ученого, который существенно обогатил мировую науку знаниями о жизни славян Боснии и Герцеговины. По архивным документам К.В. Мельчакова реконструировала историю назначения Александра Федоровича Гильфердинга на пост управляющего консульством в Сараево (1857–1858 гг.), что вызвало неоднозначную реакцию со стороны его коллег по МИД. Особое внимание в докладе было уделено вопросу о том, как слависту удавалось совмещать путешествия по Боснийскому пашалыку и Герцеговинскому сандажаку с исполнением консульских обязанностей. Гильфердинг не скрывал, что служба в Боснии была ему нужна для удовлетворения научного интереса, но собранные им сведения и проведенная глубокая аналитическая работа имели большое значение для корректировки внешнеполитических планов России в отношении данного региона. А читатель трудов ученого получил возможность познакомиться с историей и современной ситуацией в Боснии.

Доклад *А.Д. Васюкова* (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, аспирант факультета антропологии) «Александр Федорович Гильфердинг как основатель российской кашубистики» был посвящен экспедиции Гильфердинга в места компактного расселения кашубов в 1856 г., результатом чего стала публикация его работы «Остатки славян на Южном берегу Балтийского моря» (СПб., 1862). Исследование Гильфердинга было одним из первых по проблеме языковых процессов и этнической идентичности кашубского населения Пруссии. Читатели узнали о специфике языкового сдвига в Кашубии, о престиже и функционировании кашубского языка в середине XIX в. Также докладчик привел примеры из своей текущей полевой работы в данном регионе, чтобы показать, насколько изменилась языковая ситуация среди кашубов в современных условиях.

В.Б. Хлебникова (МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения) в докладе «Дружба и научное сотрудничество А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского (по материалам личной переписки)» рассмотрела вопрос о дружбе и сотрудничестве двух известных русских ученых второй половины XIX в. — Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) и Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916). Земляки, друзья с детских лет, они на протяжении всей жизни вели активную переписку, не имея возможности часто встречаться и проводить много времени вместе. А.Н. Пыпин жил в Петербурге, работая в журналах, общественных организациях и Академии наук. П.А. Ровинский постоянно путешествовал и около 20 лет прожил в Черногории. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится несколько десятков писем П.А. Ровинского к А.Н. Пыпину, которые позволяют судить о том, как близки были убеждения и научные интересы

исследователей и как много они помогали друг другу. Пыпин приложил немало усилий для того, чтобы в ведущих русских журналах были опубликованы статьи Ровинского о сербах и черногорцах. Ровинский регулярно собирал для Пыпина литературные новинки, выходившие в южнославянских землях, рассказывал другу о творчестве талантливых литераторов или, напротив, критически отзывался о неудачных произведениях. Связывала двух ученых и общественная деятельность, направленная на расширение культурных и, в частности, журналистских связей со славянскими странами.

М.А. Робинсон (ИСл РАН) в докладе «В.И. Ламанский в оценках отечественных ученых с 1920-х годов до наших дней» продемонстрировал разительные колебания в отношении к фигуре «патриарха русского славяноведения». В 1930-е годы считалось, что Ламанский «был идеологом самодержавия», а его школа оказала «отрицательное влияние на судьбы русского славяноведения вообще». Резкий поворот в оценках произошел в 1944 г., когда Красная армия готовилась начать освобождение славянских государств. Н.С. Державин утверждал, что деятельность Ламанского «образует целую эпоху в развитии русского славяноведения и одну из выдающихся страниц в истории русско-славянских международных отношений», он поставил его рядом с А.Н. Пыпиным, считая, что они — «два крупнейших представителя русской демократической общественности». В 1945 г. особо отмечалось, что школа Ламанского «заняла выдающееся место в европейской славяноведческой науке». Послевоенная оттепель продолжалась недолго: в 1948 г. Ламанский вновь рассматривается как «представитель панславизма», «идеолог самодержавия и его захватнической политики». В 1950-е годы оценки главного труда Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» и его школы смягчились, однако отмечалось, что «русские славяноведы совсем почти не занимались общими, философскими вопросами истории». Серьезное изучение трудов Ламанского и истории его школы началось с конца 1980-х, в 2000-е годы защищено несколько кандидатских диссертаций. В последнее время переиздаются труды Ламанского, распространились попытки найти в них истоки евразийства или подтверждение своим геополитическим концепциям.

В.Б. Каширин (ИСл РАН) свой доклад «Балканистика в эпохатах: общий обзор печатных трудов по народам и странам Балканского полуострова дореволюционных военных авторов в России» посвятил истории такой своеобразной и во многом самостоятельной отрасли знания о Балканском регионе, как военная балканистика в Российской империи. Он представил общий обзор печатных работ о Балканском полуострове и Дунайских княжествах, выходивших из-под пера русских военных авторов дореволюционной эпохи. Первые публикации такого рода относились к периоду русско-турецкой войны 1768–1774 гг., и за полтора века дальнейшей истории русская военная балканистика прошла длинный и нелегкий путь собственного развития. В.Б. Каширин предложил свой вариант условной периодизации истории военной балканистики в России и обозначил отличительные черты работ, выходивших в каждый из периодов. По словам автора, от отдельных печатных трудов в описательной стилистике европейской науки XVIII в. русская военная балканистика вскоре перешла к предметным страноведческим исследованиям и затем, примерно с середины XIX в., в русле господствовавшей тогда новой позитивистской военно-статистической науки, перешла к практике написания четко структурированных и насыщенных статистическими и географическими данными работ о Балканско-Дунайском регионе. Как подчеркнул автор доклада, труды русских военных авторов о Балканах незаменимы для изучения военно-политической истории Османской империи, Балканско-Дунайского региона, русско-турецких войн, процесса военного строительства в молодых балканских государствах, который был самым тесным образом связан с их политическим развитием. Также их работы содержат ценнейшие данные по исторической географии, статистике, демографии, отдельные, но ценные фрагменты и зарисовки по этнической психологии и повседневности, а также уникальные картографические материалы.

В докладе *Л.А. Кирилиной* (ИСл РАН) «У истоков словенистики. Д. Густинич в секторе славяноведения Института истории АН СССР (1941–1945 гг.)» была рассмотрена деятельность словенского коммуниста Драготина Густинича (1882–1974) в составе этого научного подразделения. Густинич, инженер по образованию, был одним из основателей коммунистической партии в словенских землях, крупным теоретиком по национальному вопросу. В 1931 г. он эмигрировал в СССР, где жил и работал в 1931–1945 гг. В 1941–1945 гг. он являлся старшим научным сотрудником Сектора славяноведения Института истории АН СССР. Защитив в 1943 г. кандидатскую диссертацию, Густинич стал первым исследователем словенской истории в СССР. Будучи человеком высокообразованным, специалистом широкого профиля, способным охватить большой круг проблем истории не только словенцев, но и хорватов, сербов, чехов, он внес весомый вклад в развитие советского славяноведения той поры.

В докладе *С.И. Данченко* (ИСл РАН) «Из истории международного научного сотрудничества Института славяноведения АН СССР в 50–70-е годы XX в. Подготовка документальных публикаций под руководством профессора С.А. Никитина» было представлено одно из основных направлений

в деятельности Института, начиная с 1950-х годов, — поиск, выявление и подготовка к изданию новых материалов из архивохранилищ СССР и других стран (Болгария, Югославия, Чехословакия) по истории многоплановых русско-славянских связей и балканской политики Российской империи в XIX в. Результатом этой многолетней, трудоемкой работы, осуществляемой советскими и зарубежными учеными согласно Плану международного научного сотрудничества АН СССР, стали фундаментальные документальные публикации: «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах» (М., 1961–1968), «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века» (М., 1975), «Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевог. 40–80 године XIX века» (Београд, 1989) и «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» (Т. 1–2. М., 1980–1983). В своем докладе С.И. Данченко подчеркнула ведущую роль профессора А.С. Никитина (1901–1978), одного из основателей Института, возглавлявшего творческие коллективы этих изданий, в осуществлении данных проектов, которые явились важными вехами в развитии исторического славяноведения в СССР и научного сотрудничества отечественных славистов с их зарубежными коллегами. Это направление научной деятельности Института последователи Сергея Александровича («никитинцы») в последующие десятилетия успешно развивали и продолжают развивать в новых документальных трудах.

Л.П. Марней (ИСл РАН) представила доклад «Академия наук СССР и Польская академия наук в 1960-е годы: создание Комиссии историков двух стран». Развитие научных связей стран социалистического содружества в середине XX в. осуществлялось на основе двусторонних соглашений, подписанных между государствами и академиями наук, в том числе между академиями СССР и Польши, и на многосторонней основе в рамках СЭВ. Наряду с обменом опытом, организацией совместных научных заседаний, конференций и коллоквиумов, научных лекций и докладов, краткосрочных и долгосрочных научных стажировок получила развитие одна из важных форм международного сотрудничества — двусторонние комиссии историков. После создания в 1957 г. Комиссии историков СССР–ГДР, были организованы исторические комиссии советских историков с историками ряда стран социалистического содружества, среди которых была и Комиссия историков СССР–ПНР. Исследователи, участвовавшие в работе комиссий, обменивались научными материалами и информацией, обсуждали и вырабатывали общую точку зрения по представлявшим взаимный интерес наиболее важным, по их мнению, историческим проблемам, разрабатывали меры противодействия расширявшимся контактам с буржуазными учеными, которые стремились оказывать влияние на развитие исторической науки в европейских социалистических странах, координировали проводившиеся в разных учреждениях исследования, переводили книги и статьи, способствовали укреплению личных контактов и разносторонних связей академий и институтов.

Е.П. Серапионова (ИСл РАН) продолжила тему двусторонних комиссий и в своем докладе «Деятельность Российско-чешской комиссии историков и архивистов» подвела итоги работы двусторонней комиссии историков и архивистов РФ и ЧР за период чуть более четверти века (1995–2022 гг.), проведя параллели с существовавшей в 1966–1989 гг. советско-чехословацкой комиссией историков. В докладе были представлены основные направления и формы сотрудничества российских и чешских историков и архивистов: организация и проведение 11 совместных международных научных конференций, публикация сборников статей, коллективных монографий, взаимопомощь в переводе и публикации работ в периодической печати, ознакомление с новейшей литературой и опубликованными документами, доступными архивными фондами и материалами. Анализ тематики проведенных научных форумов показал актуальность и важность обсуждавшихся проблем. Серапионова отметила существовавшие сложности в организации деятельности комиссии, связанные с отсутствием стабильного финансирования, ограничениями, вызванными пандемией коронавируса и обострением двусторонних отношений в связи с непростой политической обстановкой.

Доклад М.Ю. Дронова (ИСл РАН), ученого секретаря российской части Комиссии историков России и Словакии (КИРС), «Деятельность Российско-словацкой комиссии историков и архивистов» завершил блок материалов о проблемах развития международного сотрудничества, представленных на конференции. Докладчик рассказал о деятельности Комиссии, решение о создании которой было принято в 2004 г. В период с 2005 по 2021 г., поочередно в Словацкой Республике и Российской Федерации, прошло восемь заседаний КИРС и сопутствовавших им международных научных конференций. Примечательно, что эти научные мероприятия проходили не только в Братиславе (2005, 2010) и Москве (2007, 2012), но и в других городах: Банска-Бистрице (2014), Йошкар-Оле (2016), Прешове (2018) и Ставрополе (2021). Значимым результатом деятельности КИРС является целый ряд изданных сборников научных статей. В настоящий момент Комиссия не работает, однако сохраняются коллегиальные связи между российскими и словацкими специалистами,

и это вселяет надежду в возможность возобновления в будущем полноценного сотрудничества в рамках Комиссии.

А. С. Стыкалин (ИСл РАН) в докладе «Венгерская революция 1848–1849 гг. и межнациональные отношения в монархии Габсбургов в этот период в работах Т. М. Исламова и В. Н. Виноградова» говорил об отражении в научном творчестве известных отечественных историков событий революции и проявившихся в этот период в Австрийской империи острых межнациональных противоречий. Хотя венгерская революция и носила ярко выраженный национальный характер, ее программа включала в себя и общедемократические требования (в том числе демократизацию избирательного права), в осуществлении которых были заинтересованы все народы монархии Габсбургов. Докладчик подчеркнул, что от отмены крепостничества и всеобщего налогообложения особенно выиграли именно сербы, словаки и румыны — преимущественно крестьянские по своей социальной структуре народы. Однако национальные элиты ожидали от революционного венгерского правительства закрепления за всеми народами страны специфических коллективных прав, что не было принято, ибо в уступках национальным меньшинствам виделась угроза территориальной целостности земель «венгерской короны». Правительству Л. Кошута так и не удалось разрешить межнациональные конфликты, использованные Домом Габсбургов в интересах подавления революции. События 1848–1849 гг. впервые в центральноевропейской истории столь явно показали разрушительную силу национализма.

В докладе *А. Б. Едемского* (ИСл РАН) «Непубличные экспертные оценки сотрудников Института славяноведения АН СССР сложных вопросов международных отношений в 1960-е годы (по рассекреченным архивным материалам)», подготовленном на основе изучения многочисленных документов российских архивов (РГАНИ, АВП РФ, РГАСПИ, ГАРФ), было рассказано об участии сотрудников Института славяноведения в 1950–1960-е годы в подготовке для высших органов управления СССР информационно-аналитических материалов (докладов, записок, отчетов, обзоров) в связи с актуальными проблемами международных отношений в регионе. Приоритетное внимание в докладе было уделено разработке в Институте славяноведения в 1960-е годы темы «македонский вопрос».

И. И. Калиганов (ИСл РАН) в докладе «Ученые Института славяноведения АН СССР / РАН о болгарских писателях, поэтах и драматургах» обратился к вопросу о возрождении болгаристики в СССР в связи с созданием академического Института славяноведения в 1947 г. Его выступление было посвящено преимущественно проводившимся в Институте литературоведческим болгаристическим исследованиям и трем крупным научным фигурам, которые стояли у истоков этого процесса: академиком Н. С. Державину и Д. Ф. Маркову, К. Н. Державину. Докладчик подчеркнул необходимость сохранения исторической памяти об институтских ученых, причем не только в сфере научно-историографической. По его убеждению, значение научных исследований следует рассматривать на общем фоне развития той области отечественной славистики, к которой они принадлежат. Важно также и воссоздание зримых портретов ушедших от нас ученых: их внешний облик, человеческие качества, модели общественного поведения и хобби.

Ю. А. Созина (ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, ИСл РАН) в докладе «Отражения Золотого века русской поэзии в Словении: вклад российских ученых» проанализировала заслуги словенистов Москвы и Санкт-Петербурга в изучении процесса проникновения произведений Золотого века русской поэзии в литературу Словении, их возможного влияния и переработки иной славянской культурой. «Вживание» творчества российских писателей первого ряда в словенскую литературную традицию проходило неоднозначно, с разной интенсивностью в различные периоды истории. Значительный вклад в раскрытие отдельных фактов и итогов встречного движения культур внесли М. И. Рыжова, автор единственной российской монографии на данную тему («Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература», СПб., 2012); Н. В. Масленникова, И. В. Чуркина, Н. Н. Старикова, Т. И. Чепелевская и другие; а также коллективные труды Отдела истории славянских литератур ИСл РАН. Вместе с тем узкая область научного интереса продолжает удивлять все новыми открытиями.

В своем докладе «Чехи в освещении русских писателей» *Э. Г. Задорожнюк* (ИСл РАН) продолжила заложенные историками нашего Института (С. А. Никитиным, В. И. Косиком и др.) традиции обращения к произведениям русской литературы при характеристике народов славянских стран. Она проанализировала особенности рецепции русскими писателями чешского народа и присущей ему ментальности, т. е. его строя мыслей и чувств. Докладчиком были рассмотрены некоторые черты политического менталитета, взглядов и оценок представителей чешской элиты. Эта палитра концептов нашла своеобразное отражение в произведениях гениев русской классической литературы — Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, а также писателя, литературного критика и оригинального мыслителя К. Н. Леонтьева.

Н.Н. Станков (ИСл РАН) выступил с докладом «Теоретические проблемы международных отношений в трудах член-корреспондента РАН Владимира Константиновича Волкова», в котором показал вклад ученого в исследование таких вопросов, как формирование этнических стереотипов, становление национально-государственных интересов и внешнеполитических доктрин государств Центральной и Юго-Восточной Европы, место и роль этого региона в системе международных отношений в XX – начале XXI в., воздействие международных событий на внутривнутриполитическое развитие балканских стран. В исследованиях В.К. Волкова значительное место занимали проблемы формирования и осуществления внешней политики государств, причем он уделял внимание анализу как роли конкретной личности в принятии внешнеполитических решений, так и всего правящего слоя.

В докладе «Изучение истории сталинизма в Восточной Европе в Институте славяноведения РАН (1980–2010-е годы)» Т.В. Волокитиной и А.Ф. Носковой (ИСл РАН) рассматривался вклад ученых Института в исследование одного из ключевых направлений в его проблематике – феномена сталинизма в Восточной Европе. Особое внимание было уделено работе созданного специально для изучения истории региона после Второй мировой войны научного подразделения – Центра истории сталинизма (1992–2010 гг.). В докладе были проанализированы итоги масштабной публикаторской деятельности Центра по выявлению и введению в научный оборот документов из основных федеральных архивов, ранее находившихся на особом режиме хранения, показана решающая роль участников этого проекта в создании новой источниковой базы. Авторы охарактеризовали круг дискуссионных проблем, представленных в серии трудов «Москва и Восточная Европа», и вклад ученых Института в их изучение. Среди них – роль «советского фактора» в установлении народно-демократических режимов в странах Восточной Европы, особенности «советизации» региона, формирование нового правящего слоя – партийно-государственной номенклатуры, оформление и функционирование механизма государственной власти, установление властной монополии коммунистических партий, информационная блокада региона от Запада, политические репрессии, складывание и деятельность института советских советников и отношение к нему национальных партийно-государственных элит, государственно-церковные отношения в регионе, титульные нации и национальные меньшинства и др.

Доклад Ю.В. Лобачевой (ИСл РАН) «Андрей Леонидович Шемякин и его вклад в развитие славистики» был посвящен памяти доктора исторических наук Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018), ученого-слависта/сербиста, педагога, руководителя. Обзорно были рассмотрены его научное становление и результаты исследований по ряду проблем, в частности, из истории Сербии и Балкан Нового времени и русско-сербских связей и отношений (труды, публикации документов, научные проекты); преподавательская, научно-административная и экспертная деятельность, а также многолетнее сотрудничество с коллегами по Институту и учеными из других научных учреждений России и Сербии. Андрей Леонидович был талантливым, ярким, выдающимся ученым, обладавшим к тому же исключительными человеческими качествами, он оставил заметный след в науке и сердцах людей. На его безвременный уход из жизни сразу же откликнулись многие, а затем, в 2018 г., в России и Сербии вышло несколько посвященных ему мемориальных работ; в 2019 г. и 2021 г. там же были проведены три посвященные его памяти научные конференции с последующей публикацией материалов. Наряду с этим о значении Андрея Леонидовича в научном мире и его вкладе в развитие славистики говорит продолжение его исследований и начинаний в работах коллег и учеников.

В докладе А.А. Силкина (ИСл РАН) «Русское добровольческое движение в Сербии 1876 г. в трудах А.Л. Шемякина» рассматривался его вклад в изучение роли русских добровольцев в сербо-турецкой войне 1876 г. Докладчик уделил особое внимание вопросу о доказательстве Андреем Леонидовичем известной гипотезы, что Л.Н. Толстому прототипом для образа графа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» послужил Николай Раевский 3-й. В докладе также была представлена полемика с приверженцами антинаучных мифов и заблуждений, получивших распространение в связи с биографиями Раевского и другого известного деятеля добровольческого движения – генерала М.Г. Черняева.

Доклад П.В. Мошечкова (ИСл РАН) «Роль Интернет-ресурсов в современных славистических исследованиях (на примере цифровых библиотек *Kramerius 5* и *Gallica*)» был посвящен тому значению, которое имеют при проведении современных исследований по истории славянских народов ресурсы, находящиеся в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Их примером могут послужить курируемые Национальной библиотекой Чешской Республики (г. Прага) и Моравской земской библиотекой (г. Брно) проекты *Kramerius 5* и *Digitalní knihovna Kramerius*, а также электронная библиотека *Gallica* (Национальная библиотека Франции). При работе с коллекциями, расположенными в рамках данных систем, автором были обнаружены

оцифрованные копии уникальных книг, периодических изданий и различных ценных материалов, в том числе отсутствующих в коллекциях отечественных библиотек и архивов. Их профессиональное использование позволяет современным историкам существенно расширять тематику своих исследований.

Доклад *П.А. Искендерова* (ИСл РАН) «Изучение истории Балкан на современном этапе: новые вызовы и подходы» был посвящен анализу наиболее актуальных и перспективных методов и тенденций в современной балканистике. Особый упор был сделан на необходимости применения нового научного инструментария. В данной связи наиболее перспективными автор считает междисциплинарные подходы, принципы ситуационной логики, выработку альтернативных моделей исторических событий и процессов. Современное развитие ситуации на Балканах, по мнению докладчика, диктует необходимость более внимательного изучения интеграционных моделей как имеющих серьезный научно-практический потенциал, в том числе в плане учета национально-государственных интересов и приоритетов России в регионе.

Все доклады участников научной конференции были заслушаны с большим интересом, задавались вопросы, возникали дискуссии, поскольку проблемы, рассматриваемые докладчиками, были важными, актуальными и значимыми для ученых — славистов и балканистов.

Материалы научной конференции предполагается издать в 2023 г. в серии «Славяне и Россия».

Информация об авторе:

Данченко Светлана Ивановна,
доктор исторических наук, зав. отделом
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-0354-3185
E-mail: cvetlanaivanovna806@gmail.com

Фролова Марина Михайловна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-4068-5193
E-mail: marinafrolova59@mail.ru

Information about the author:

Danchenko Svetlana I.,
DSc (History), Head of the Department,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-0354-3185
E-mail: cvetlanaivanovna806@gmail.com

Frolova Marina M.,
Ph D. (History), Senior Researcher,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-4068-5193
E-mail: marinafrolova59@mail.ru

Оригинальная статья / Original Article

Памяти проф. Ханны Поповской-Таборской (1930–2022)

© 2023 г. С.М. Толстая

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

smtolstaya@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Толстая С.М. Памяти проф. Ханны Поповской-Таборской (1930–2022) // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 147–148. DOI:

Prof. Hanna Popowska-Taborska (1930–2022)

© 2023. Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

smtolstaya@yandex.ru

Reference for citation: Tolstaya Svetlana M. Prof. Hanna Popowska-Taborska (1930–2022) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 1. P. 147–148. DOI:

2022 год оказался для польской лингвистики годом тяжких потерь. Один за другим ушли из жизни трое выдающихся ученых — проф. Ежи Бартминьский, основатель люблинской школы этнолингвистики (см. некролог в «Славяноведении», 2022, № 3), проф. Войцех Хлебда, полонист, русист и этнолингвист, работавший в Ополе, и — на исходе этого мрачного года — проф. Ханна Поповска-Таборска, крупнейший польский славист — диалектолог, этимолог, исследователь этногенеза славян и славянских древностей.

Совсем недавно, в начале 2022 г., в Варшаве вышла книга воспоминаний Х. Поповской-Таборской «Записки вдогонку» (*Zapisywane z doskoku*) — размышления о собственной жизни, о жизни родных и близких, о судьбах польской интеллигенции в XX в. и путях развития польского языкознания после Второй мировой войны.

Выбор ею славистики как области научных занятий и как дела всей жизни был, можно сказать, подготовлен самой жизнью. С раннего детства в ее сознание вошли Вологда, где родилась ее мать; Киев, близ которого родился и где окончил университет отец; ее детские годы в довоенной, а потом в оккупированной Варшаве, где ее отец, детский врач, прятал, лечил и спасал еврейских детей; чешская деревня и Прага, куда семья бежала из немецкого лагеря, и много лет спустя — кашубская деревня, кашубские говоры и их архаизмы, побуждавшие к общеславянским сопоставлениям.

Х. Поповска-Таборска окончила университет в Лодзи, но уже с начала 1950-х годов и до последних дней ее жизнь была связана с Варшавой. В 1954 г. она была приглашена вместе со своей подругой Зузанной Тополинской (ныне действительным членом Македонской академии наук)

в отдел диалектологии Института славяноведения Польской академии наук, которым руководил их общий учитель проф. З. Штибер. Именно ему принадлежит замысел и программа планомерного и фундаментального изучения кашубских говоров, имеющих большое значение не только для польского глоттогенеза, но и для славистики в целом. На всех этапах осуществления этого грандиозного научного предприятия, начиная от многолетних полевых экспедиций по сбору материала и кончая созданием 15-томного атласа (*Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich*. Т. I–XV. 1964–1978), Х. Поповска-Таборска была одним из главных исполнителей, заместителем проф. Штибера, а с 1970 г. руководителем всех кашубских исследований.

Большая часть ее книг и статей посвящена этой области науки — проблемам фонетики, лексики, этимологии кашубских диалектов, их истории и письменным памятникам, истории изучения кашубских говоров, опытам создания литературного кашубского языка, кашубской духовной культуре: «Кашубский язык — очерк истории» (*Kaszubszczyzna — zarys dziejów*. 1980), «Очерки кашубского языка» (*Szkice z Kaszubszczyzny*. 1988; 1998; 2006). Одной из важных заслуг Х. Поповской-Таборской на этом поприще было ее участие в подготовке и издании кашубского словаря Бернарда Сыхты (*B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Т. 1–7. 1967–1976), ставшего незаменимым источником для всех славистов — лексикологов, этимологов и исследователей духовной культуры славян. Еще одно выдающееся достижение польской науки — создание Х. Поповской-Таборской в соавторстве с В. Борысом шеститомного кашубского этимологического словаря (*Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Т. 1–VI. 1994–2010), первого в славистике диалектного этимологического словаря. Ценным дополнением к этим трудам служит книга тех же авторов «Кашубская лексика на славянском фоне» (*Leksyka kaszubska na tle słowiańskim*. 1996), а также монография «Кашубские диалекты в свете архивных материалов XIX в.» (*Dialekty kaszubskie w świetle XIX-wiecznych materiałów archiwalnych*. 2009), написанная в соавторстве с проф. Е. Жетельской-Фелешко.

Второй областью славистики, в которой работы Х. Поповской-Таборской получили широкое признание, является этногенез славян, реконструируемый на основе языковых данных. Ее книга «Ранняя история славян в свете их языка» (*Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka*) была высоко оценена специалистами и выдержала два издания (1991, 1993). В конце 1970-х годов Х. Поповска-Таборска возглавила созданную в рамках польского Комитета славяноведения Комиссию по этногенезу славян, которая в течение нескольких лет под ее руководством создала картотеку имеющейся лингвистической аргументации по проблеме этногенеза славян и славянской прародины (прежде всего касающихся гидронимии, этнонимии и антропонимии, но также и фонетики, лексики, языковых контактов). Анализ собранных мнений лег в основу названной книги и позволил автору не только разобраться в многообразии и противоречиях приводимых аргументов, но и соотнести их с историческими свидетельствами и новейшими археологическими данными. Хотя в книге не было предложено новой теории происхождения и прародин славян, она возбудила интерес к этим проблемам и стала стимулом к новым подходам в их изучении.

В большом научном наследии Х. Поповской-Таборской немало трудов и по другим славистическим темам — по вопросам польско-лужицких связей, по истории и диалектологии польского языка, по славянской этимологии, древнейшему диалектному членению славянского мира, истории науки и др. Часть из них нашла отражение в книгах последних десятилетий «Из языковой истории Славии» (*Z językowych dziejów Słowiańszczyzny*. 2004), «Из разных ящиков стола. Избранные работы, сообщения, воспоминания» (*Z różnych szuflad. Prace wybrane, relacje, wspomnienia*. 2010).

Х. Поповска-Таборска прожила долгую и плодотворную жизнь в науке. Ее труды остаются с нами, так же как и память о ее преданности науке, верности избранному пути, о ее благородстве, душевной чистоте и чувстве ответственности. Людям, близко ее знавшим, будет трудно примириться с ее уходом.

Информация об авторе:

Толстая Светлана Михайловна,
доктор филологических наук,
профессор, академик РАН,
зав. отделом Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Information about the author:

Tolstaya Svetlana M.
DSc. (Philology),
Professor, Academician
of Russian Academy of Sciences,
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru